

ISSN 2072-7607

Научный журнал

Выпуск 2 (61) 2022

Иностранные языки в высшей школе

2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 2 (61)

Рязань 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Регистрационный номер ПИ № ФС77-72456

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц., проф. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина,

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени
С. А. Есенина),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка – партнер Гёте-Института, Международная ака-
демия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна)

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославское высшее военное училище ПВО),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

Л. Г. Викулова, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Институт философии и права Национальной академии Армении, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

Е. Г. Логинова, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Л. Н. Луныкова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна).

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени
В. И. Вернадского, Симферополь),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

В. Г. Решетов, д-р филол. наук, проф. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц., проф. каф. литературы (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени
В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Московский педагогиче-
ский государственный университет),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц., проф. каф. восточных языков и методики их преподавания (Рязанский госу-
дарственный университет имени С. А. Есенина).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. входит в перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина», 2022

© «Иностранные языки в высшей школе», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Слово как единица языка в лингвокультурном аспекте

Буркова Т. А., Хушвахтов Б. С.

Социокультурные особенности антропонимических прозвищ
как класса неофициальных онимов в английском военном дискурсе 5

Золян С. Т.

Асимметричный дуализм языкового знака как политический инструмент:
метаморфозы французского фантаста на Украине 15

Степанов В. Н.

Уровни и межуровневая интеграция концептов в структуре категории силы
в немецкой философской традиции 23

Чупрына О. Г.

Динамика концепта *ЧЕЛОВЕК ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА*
в американском институциональном дискурсе 31

Раздел II

Анализ художественного макро- и микродискурса

Кузнецова Т. Я.

Вертикальный контекст в аспекте постмодернизма
(на материале романа П. Модiano "Rue des boutiques obscures") 41

Черкунова М. В., Старостина Ю. С.

Лингвоаксиологический план малоформатных произведений
англоязычной сетевой литературы 48

Раздел III

Лингвокультурные аспекты перевода

Додыченко Е. А.

Перевод латинских антропонимов в русском и испанском языках 56

Канунникова А. С., Абаева Е. С.

Категории адекватности/эквивалентности при передаче речи ребенка
в художественном переводе 65

Лунькова Л. Н.

Онтологическая метафора в оригинале и переводе художественного текста 71

Раздел IV

Синтаксис в свете комбинаторной семантики

Святощик М. И.

К вопросу об инвариативности синтаксического анализа предложений 79

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 85

TABLE OF CONTENTS

Part I

The Word as a Language Unit from the Linguocultural Perspective

Burkova, Tatiana; Hushvahtov, Bilolidin

Sociocultural Features of Anthroponymic Nicknames
as a Group of the Unofficial Proper Names in English Military Discourse 5

Zolyan, Suren

Asymmetrical Dualism of a Linguistic Sign as a Political Tool:
The Metamorphoses of a French Fantasy Author in Ukraine 15

Stepanov, Valentin

The Levels of Concepts and their Interlevel Integration within the Category of "Kraft" ("Force")
in the German Philosophical Tradition 23

Chupryna, Olga

Dynamics of the Concept *ELDERLY PERSON* in American Institutional Discourse 31

Part II

Macro- and Micro-Texts: Discourse Analysis

Kuznetsova, Tatiana

Vertical Context in the Aesthetics of Postmodernism
(based on "Rue des boutiques obscures" by P. Modiano) 41

Cherkunova, Marina; Starostina, Julia

Linguoaxiological Analysis of Web-Literature Mini-Texts 48

Part III

The Linguocultural Aspects of Translation

Dodychenko, Elena

Translation of Latin anthroponyms into Russian and Spanish 56

Kanunnikova, Anastasiya; Abaeva, Evgeniya

A Child Character's Speech: Adequacy and Equivalence in Translation 65

Lunkova, Larisa

Ontological Metaphor in the Original and Translation of a Literary Text 71

Part IV

Syntax through the Lenses of Combinatory Semantics

Svyatoshchik, Marina

On the Invariability of Sentence Parsing 79

Requirements to the papers submitted (in Russian) * 85

* Available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en>

РАЗДЕЛ I

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 5–14.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):5–14.

Научная статья
УДК 81'373.231
DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.001

Социокультурные особенности антропонимических прозвищ как класса неофициальных онимов в английском военном дискурсе

Татьяна Александровна Буркова

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы;
Финансовый университет при Правительстве РФ (Уфимский филиал), Уфа, Россия
burkova_tatjana@mail.ru

Билолидин Саймудинович Хушвахтов

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа, Россия
bilol.hushvahtov@mail.ru

Аннотация. В ономастике военных особая роль принадлежит официальным и неофициальным антропонимическим номинациям. Если употребление официальных имен регламентировано правилами военной сферы, то неофициальные имена – это продукт импровизации коллектива. У первых наблюдается статусность, которая объясняется наличием четкой иерархической системы в военной сфере. При неофициальном именовании лица формулируется субъективная оценка, граничащая между военной и обиходно-разговорной сферами общения. Закрытость армии создает предпосылки для возникновения языка – военного жаргона, элементом которого являются антропонимические прозвища – разряды номинации лица в неофициальном общении. Цель исследования заключается в социокультурной систематизации онимов в поле военной лексики английского языка. Эмпирическим материалом для исследования послужили прозвища военных, отобранные из англо-русских словарей военного сленга, энциклопедий. В статье описаны существующие подходы к трактовке понятий «неофициальное имя», «прозвище» в отечественной и зарубежной ономастике. Выявлены национально-культурные особенности неофициального именника военных. Систематизированы тематические группы антропонимических прозвищ в английском военном дискурсе, среди которых выделяются группы, указывающие на национальность, страну, срок и время службы военнослужащего, звание, должность, функциональные обязанности, внешние характеристики, черты характера, поступки носителя онима.

Ключевые слова: неофициальное имя, военный дискурс, англоязычный этносоциум, антропонимические прозвища, социокультурный контекст, вторичная номинация, лингвокреативная деятельность.

Для цитирования: Буркова Т. А., Хушвахтов Б. С. Социокультурные особенности антропонимических прозвищ как класса неофициальных онимов в английском военном дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 5–14. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.001.

Original article

Sociocultural Features of Anthroponymic Nicknames as a Group of the Unofficial Proper Names in English Military Discours

Tatyana A. Burkova

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
burkova_tatjana@mail.ru

Bilolidin S. Hushvahtov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
bilol.hushvahtov@mail.rup

Abstract. The purpose of this research is to identify the motives for creating anthroponomical nicknames in the military sphere. In the onomasticon of the military a special role belongs to the official and unofficial anthroponyms. If the use of official names in military discourse is regulated by the rules of the military sphere, unofficial names including anthroponymic nicknames are the product of the collective's names creativity, which occurs for various reasons. The specificity of the anthroponymic nickname in military discourse is due to the peculiarities of the implementation of this phenomenon on the border of the military and everyday spheres of human communication, in the process of which the subjectively formulated assessment is objectified. The closed nature of the army determines its corporatism and creates prerequisites for the emergence and development of a special language – military jargon, an element of which are anthroponymic nicknames – classes of the nomination of a person in informal communication. The empirical material for the study was the nicknames of the military selected by partial sampling from the English-Russian dictionaries of military slang and encyclopedias. We have identified the following groups of military anthroponomical nicknames, indicating: the nationality, country, military uniforms and attributes, term and time of military service, rank, position, functional responsibilities, external characteristics and character traits, behavior of the military.

Keywords: unofficial names, military discourse, English-speaking ethnosocium, anthroponomical nicknames, sociocultural context, secondary nomination, linguistic-creative activity.

For citation: Burkova T. A., Hushvahtov B. S. Sociocultural Features of Anthroponymic Nicknames as a Group of the Unofficial Proper Names in English Military Discourse. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61):5–14. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.001.

Антропонимы, формирующие антропонимикон любого современного этносоциума, представляют один из важных компонентов, характеризующих национальную лингвокультуру. Это проявляется как в структуре официальной формулы именованя, так и в выборе вокативных, диминутивных, мелиоративных, пейоративных и других неофициальных форм именованя лица. Следует отметить, что граница между официальными и неофициальными именами достаточно подвижна и не всегда очевидна. Так, например, стилистически окрашенные онимы, попадая в официальную сферу, теряют часть своей эмоциональной нагрузки, так как в официальном употреблении имя стремится к экспрессивной нейтральности. Размытость границы обусловлена, по мнению С. Ю. Потаповой, прагматической функцией последних, проявляющейся в их способности выражать своей структурой чувства одобрения и неодобрения, уважения и презрения, похвалы и порицания и т. д. [Потапова, 2003, с. 22]. Официальные онимы можно отнести к статическому аспекту обозначения лица, в то время как неофициальные онимы носят динамический характер и раскрываются во всем многообразии своего проявления обозначением индивида в речи [Буркова, 2010, с. 75]. К неофициальным онимам, официально неутвержденным именам собственным [Подольская, 1988, с. 111, 120] относятся антропонимические прозвища, являющиеся продуктом вторичной номинации, а именно результатом креативного имятворчества коммуникантов. Они употребляются преимущественно в сфере повседневной коммуникации, предполагающей свободу в выборе продуктом мотивов и средств выражения.

Следует отметить, что понятие «прозвище» трактуется в научном сообществе неоднозначно, вследствие чего размыты его границы. Именно отсутствие однозначного понимания терминов «прозвище» и «неофициальное имя» ведет к разнотчению понятия «неофициальное» имя. В современной ономастике термин «прозвище» трактуется как в широком, так и узком смысле.

В широком смысле под прозвищем понимается любое именоване индивида, созданное в результате свободного имятворчества вне официального процесса номинации, выполняющее сугубо прагматическую функцию выражения межличностных отношений (возвеличивание личности, желание выразить уважение, любовь, презрение, похвалу, насмешку, ненависть и т. д.), а также характеристики индивида [Буркова, 2010, с. 107 ; Потапова, 2003, с. 23].

В узком смысле прозвище представляет собой вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии [Подольская, 1988, с. 115]. Поэтому все производные от личного имени Е. Ф. Данилина рассматривает как варианты личного онима, даже если они совпадают с нарицательным именем: *Майонез* < *Майя*, *Махорка* < *Марфа* [Данилина, 1970]. О. И. Александрова не относит к прозвищам именованя антропонимического происхождения, такие как *Тихоня* < *Тихонов*, называя их фатическими именами, выполняющими контактуально-личностную функцию [Александрова, 1973, с. 130].

Чтобы избежать разногласия в трактовках понятий «прозвище», «отфамильное/отыменное прозвищное именование» и «неофициальное именование», немецкий ономастолог В. Кани предлагает считать неофициальными именованиями лица все производные от официальных онимов, а также прозвища, возникающие от имен нарицательных (трансантропонимизированные апеллятивы) [Кану, 1993, р. 59]. Англоязычные словари трактуют прозвище как: 1. имя, даваемое с презрением, в насмешку или же фамильярно человеку, нации или объекту [New Webster's dictionary, 1992, р. 98]; 2. имя, даваемое человеку друзьями или членами семьи; вымышленное имя, часто связанное с особенностями внешнего вида или же какими-то событиями из жизни человека [Longman Dictionary ... , 1995, р. 145]; 3. дополнительное, описательное имя, замещающее или служащее дополнением имени человека, названия места или предмета [Merriam-Webster Collegiate Dictionary, 2004, р. 105]. Английское "nickname" — "an ekename" (дополнительное, добавочное имя) — в современной английской ономастике конкретизируются через ряд синонимов, представляющих собой разновидности основного понятия: nick, handle, label, moniker, sobriquet, by-name, alias, diminutive. Ср. нем. яз. Beiname, Übernahme, Nebenname, Spitzname, Spottname, Ulkname, Nickname, Neckname, Ökelname [Seibicke, 1982]. Каждая лексическая единица, как мы видим, по сути, конкретизирует понятие от уменьшительно-ласкательного прозвища до уничижительного.

Сопоставление русского понятия «прозвище» с английским "nickname" показывает, что последнее рассматривается как широкое понятие и в различных контекстах может выступать как в значении прозвища (как оно трактуется в русской ономастике), так и в значении никнейма, псевдонима и клички животного. В русской лингвокультуре понятие «никнейм» однозначно и употребляется в качестве дополнительного имени человека, представляющего собой результат автономизации и использующегося для общения в сети Интернет [Стаханова, 2011, с. 5]. Разные критерии, лежащие в основе трактовки данного понятия, ведут к разночтению в исследовательских кругах. Каждый автор пытается построить классификацию на разнородных критериях (формальных, семантических, функциональных), что ведет к разнобою в терминологическом аппарате [Буркова, 2010, с. 244]. Авторы данной статьи понимают под прозвищем любое именование лица, созданное вне официального процесса номинации.

Целью данного исследования является социокультурная систематизация антропонимических прозвищ в военном англоязычном дискурсе. В военном дискурсе особая роль принадлежит антропонимикону, который представляет собой особый вид речевой организации картины мира военнослужащих и обладает такими характеристиками, как 1) соотнесенность с окружающей обстановкой военной сферы; 2) военно-фактологическая информативность; 3) речевая милитарная ситуация; 4) антропоцентричность военной картины мира; 5) интертекстуальность; 6) способность к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа [Стрелковский, 1979, с. 15]. В сфере официального межгосударственного военно-политического общения военный дискурс — симбиоз языка и экстралингвистических данных, «процесс живого вербализуемого общения» [Карасик, 2002, с. 193], «центральный момент человеческой жизни в языке» [Гаспаров, 2002, с. 10], — имеет особую значимость. Он является ключевым средством эффективной организации военной деятельности, проявляет свои особенности на уровне неформального общения и отражает культурные ценности этносоциума.

В качестве методологической базы исследования выступают научные труды в области ономастики, в частности антропонимики, и дискурса, в том числе военного, а также методы, используемые в указанных областях лингвистики: описательный метод с применением приемов классификации и обобщения.

Эмпирическим материалом для исследования послужили антропонимические прозвища военных, отобранные методом сплошной выборки из англо-русских словарей военного сленга, энциклопедий в количестве 300 единиц [Англо-русский словарь ... , 1973 ; Англо-русский военный словарь, 1987 ; Oxford Dictionary ... , 2006 ; The New Partridge Dictionary ... , 2006 ; English-Russian Dictionary ... , 2017].

Как уже отмечалось выше, в ономастиконе военных официальным и неофициальным антропонимическим номинациям принадлежит особая роль. Если употребление официальных имен и их применение в военном дискурсе строго регламентировано правилами военной сферы, то неофициальные имена — это продукт импровизации, возникающий по разным причинам. Поскольку

армия в целом является закрытой структурой, то это создает корпоративность и предполагает развитие военного жаргона, одной из составляющих частей которого являются антропонимические прозвища — знаки особой природы, своеобразный пласт коллоквиальной лексики, характеризующийся обособленностью ввиду закрытости границ военной сферы: *Bottle-Cap Colonel* — шутл. подполковник (*bottle-cap* — пробка бутылки; *Colonel* — полковник); *Ginger Beers* — бр. шутл. инженерные войска; саперы (шутливо искаженное *engineers*).

Под «антропонимическим прозвищем» в данной работе мы понимаем неофициальное именование, присущее как одному индивиду (лично ориентированное антропонимическое прозвище), так и типовому классу лиц, обладающих схожими характеристиками.

Лично ориентированные антропонимические прозвища являются индивидуальными и ассоциативно связаны с конкретным представителем лингвокультуры (при наличии определенных фоновых знаний у реципиента). Например, *Hero of Appomattox* — «Герой Аппоматтокса» — уважительное прозвище генерала и президента США У. С. Гранта (*Ulysses S. Grant* (Улисс Симпсон Грант, урожденный *Hiram Ulysses Grant* (Хайрем Улисс Грант), 1822–1885) за принятие 9 апреля 1865 года капитуляции Северовиргинской армии на приемлемых для офицеров и солдат условиях (Аппоматтоксская кампания (*The Appomattox Campaign*) представляет собой серию сражений с 29 марта по 9 апреля 1865 года, которые произошли в Виргинии во время американской гражданской войны).

Vinegar Joe — «Уксус Джо» (*vinegar* «уксус») — прозвище генерала США во время Второй мировой войны Стилвелла (*Joseph Warren Stilwell* (Джозеф Уоррен Стилуэлл), 1883–1946), полученное за едкий язык, множество ругательств и красочных оскорблений.

Антропонимические прозвища, номинирующие типовой класс лиц, присваиваются, как правило, первоначально одному лицу с учетом оценки его лично-индивидуальных свойств, но при условии схожих мотивационных признаков переносятся на другое лицо. Именно такие номинации фиксируются словарями и позволяют нам типологизировать признаки, лежащие в основе мотивации данных антропономинаций. В военном англоязычном дискурсе нами были выделены следующие тематические группы, репрезентированные в антропонимических прозвищах: 1) национальность военнослужащего; 2) страна; 3) срок и время службы военного; 4) военное обмундирование и атрибуты; 5) звание; 6) должность и функциональные обязанности; 7) внешняя характеристика носителя прозвища; 8) черта характера военного. Рассмотрим подробнее каждую из групп.

1. Национальность

1.1. *Вьетнамец*: *Charlie Cong*, *Sir Charles*, *Uncle Ho's boy*, *Hard-hat* — солдат Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама (в отличие от партизана); *Viet Cong* — солдат [сторонник] Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама (Вьетконг сокр. от «вьетнам конг шан» — вьетнамский коммунист, термин, употребляющийся буржуазной печатью для обозначения политических и общественных деятелей Демократической Республики Вьетнам и южновьетнамских партизан [Вьетконг]).

1.2. *Немец*: *Gerry* — немецкий солдат; *Fritz* — немецкий солдат, немец, ср. рус. «Фриц»; *Hun* — презр. бран. немец (особо во время Первой мировой войны); *Boche* — немецкий солдат; *Heini* — пренебр. немецкий солдат; *Kraut(head)* — фам. немецкий солдат (от нем. *Sauerkraut* — «кислая капуста»).

1.3. *Итальянец*: *Itie*, *Dego* — итальянский военнослужащий; *Itie Italian* — фам. итальянский солдат.

1.4. *Француз*: *Poilu* — французский военнослужащий; *Carmagnole* — французский солдат.

1.5. *Англичанин*: *Tommy*, *Billy Brown* — английский солдат.

1.6. *Японец*: *Jap* — японский солдат (от *Japan*); японец; *Nip* — японский военнослужащий (от *Nippon* — Япония); *Tojo* — японский солдат (по фамилии премьер-министра Японии Тодзио периода Второй мировой войны).

1.7. *Турок*: *Abdul* — турецкий солдат.

1.8. *Араб*: *Hajji*, *Buddoo* — араб или любой другой человек с Ближнего Востока (от слова «хадж» — паломничество в Мекку, которое должен совершить каждый православный мусульманин).

2. Страна

2.1. *Австралия*: *Digger* (*digger* — «копатель, землекоп») — австралийский солдат; *Bill Jim* — фам. австралийский солдат.

2.2. *Америка*: *Yank* (to yank — «обижать, запугивать») — американский военнослужащий; *Angus* — солдат Национальной гвардии ВВС США (от сокр. ANGUS Air National Guard of the United States); *Joe* (уменьшительная форма от полного личного мужского имени Joseph, обобщенное значение «мужчина») — фам. солдат; американец; диверсант; секретный агент, сбрасываемый с парашютом в тыл противника (Вторая мировая война).

2.3. *Канада*: *Can(c)k* — канадский солдат; канадец; *Kanuk* — фам. канадец;

2.4. *Шотландия*: уст. *Chimney sweeps* (chimney sweep — «трубочист», скорее всего из-за темного тартана, которые носили шотландские солдаты, цвета традиционной одежды шотландских горцев и клановой символики) — шотландские стрелки; шотландец.

2.5. *Ирландия*: *Bog-Lander* (букв. «житель или обитатель болот»; известно, что в Ирландии много торфяных болот и трясин, особенно в ее центральной части, что послужило основанием для возникновения прозвищ, характеризующих ирландцев как жителей или обитателей болот, «болотных жителей») — ирландец.

2.6. *Страны Азии или Тихого океана*: *Asiatic* — «азиат», военнослужащий, прослуживший длительный срок в странах Азии или Тихого океана; *Gook* (пренебр. «деревенщина») — туземец островов района Тихого океана.

Думается, что значительное количество антропонимических прозвищ, обозначающих национальность или страну военнослужащего, можно объяснить этническим составом американской армии, где служат белые американцы, афроамериканцы, латиноамериканцы, азиаты и жители островов Тихого океана, индейцы, мусульмане, коренные жители Аляски.

Служба в армии, будь то добровольная или обязательная, включает в себя следующий компонент:

3. Срок и время службы военного

3.1. *Начинающий служащий*. В данном случае речь идет об антропонимических прозвищах новобранцев, молодых служащих, новичков, попадающих в армию, многого не знающих и не умеющих, допускающих промахи и ошибки, показывающих свой характер, проявляющих себя с разных сторон. Все эти факторы способствуют возникновению прозвищ новобранцев, стилистический диапазон которых варьируется от шутливой, насмешливой к фамильярному: шутол. *Bullet boy* («приманка для пуль») — необученный, неумелый; *Bricklayer's clerk* («каменщик») — новичок; *Johnny-come-lately*, *Blow Joe*, *Joe Blow* — насм. рядовой [сержант] срочной службы; *Green hand*, *Greenie* (green — «зеленый», hand — «рука»), *Boot* (boot — «ботинок, сапог») — новичок, ср. рус. «дух»; *Dogsbody* (dogsbody — «работяга», брит. разг. «мальчик на побегушках») — бр. молодой солдат, матрос.

3.2. *Давно служащий*. В данной группе антропонимических прозвищ речь идет о давно входящих на военной службе, о военных после первого года службы. Данные прозвища показывают:

– время службы: *Old Swattie*, *Old Sweat* (sweat — «пот, испарина») — старослужащий; *Sour Dough* (sour — «кислый», dough — «тесто, опара») — пренебр. старослужащий; *Old Man* — полковник, командир корабля;

– опыт: *Blue nose* («голубой нос») — шутол. имеющий опыт службы [действий] в условиях Крайнего Севера или Антарктиды, полярник; пересекший полярный круг; *Hot Pilot*, *Hot Rock* (rock — «камень, скала, утес»), *Hot Shot Charlie* (shot — «выстрел, удар», Charlie — сокращенная форма полного мужского личного имени Charles, употребляется в обобщенном значении «мужчина») — опытный, лихой летчик; *War Horse* (war — «война», horse — «лошадь») — ирон. пренебр. старослужащий.

4. Военное обмундирование и атрибуты

Отличительной чертой военных, в отличие от гражданских лиц, является военная форма — всегда военнослужащих, установленная специальными нормативными актами, ношение которой является обязательным для военнослужащих вооруженных сил того или иного государства и прочих формирований, в которых предусмотрена военная служба. Значительное количество антропонимических прозвищ связано с военным обмундированием и его атрибутами.

4.1. Цвет обмундирования.

– BLUE: *Blue Helmets* — войска ООН (носящие каски голубого цвета); *Blue Jersey* — матрос ВМС (синяя форма одежды);

- GREEN: *Green Berets* — десантные войска США (носящие зеленые береты);
- RED: *Red Hat* — фам. пренебр. штабной офицер, штабист (английские офицеры высших штабов носят фуражки с красным околышем); *Red Legs* — фам. шутл. артиллерист (в прошлом артиллеристы армии США носили брюки с красными кантами);
- BLACK: *Black Shoe* — офицер корабельной службы США на авианосце (в отличие от летного состава, носящего коричневую обувь);
- YELLOW: *Yellow Leg* — шутл. кавалерист (в армии США кавалеристы носили шаровары с желтыми лампасами);
- GRAY: *Gray Leg* — шутл. курсант училища Уэст-Пойнт в США (серый цвет брюк);
- BROWN: *Brown Jobs* — пехота, пехотинцы (цвет обмундирования английской пехоты — темное хаки).

4.2. *Воинские головные уборы и их отделка: Headquarters brass* (headquarters — «штаб, командование, главное управление», brass — «золотое шитье на фуражках старших офицеров») — фам. штабные офицеры, штабники; *Scrambled eggs* (*scrambled eggs* — «яичница-болтуня») — фам. старший офицер (по особенностям отделки форменной фуражки — позумент, золотое шитье); *Brass hat* (досл. «латунная шляпа») — штабной офицер (отличается от *Tin hat* (досл. «оловянная шляпа») — обычный солдат, носящий стальной шлем); *Jerry* — немецкий солдат (в англ. сленге *jetty* — «ночной горшок» из-за сходства немецких касок с формой горшка).

4.3. *Верхняя одежда: Ladies out of hell* — шотландские солдаты (деталью традиционной парадной формы шотландских солдат являются kilts-юбки); *Ladies from hell* (досл. «дамы из ада») — военнослужащие британской и канадской армий в Первую мировую войну, названные так из-за носимого килта; *Sea-going bellhop* (*sea-going* — «мореходный», *bellhop* — «коридорный, посыльный в гостинице») — пренебр. морской пехотинец (парадная форма одежды морских пехотинцев напоминает костюм посыльного в отеле — *bellhop*).

4.4. *Элементы одежды и нашивки: Leatherneck* (*leather* — «кожа», *neck* — «шея») — солдат морской пехоты (раньше морские пехотинцы носили форму с отороченными кожей воротниками); *Dog Collar* (*dog* — «собака», *collar* — «ошейник, ворот») — фам. пренебр. военный священник (священники носят застегивающиеся стоячие воротнички); *Red Flannel* (*red* — «красный», *flannel* — «фланель») — офицеры (знаки различия офицера английской армии включают красные петлицы).

4.5. *Наплечные знаки различия: Chicken* (*chicken* — «цыпленок») — полковник (название объясняется эмблемой в виде орла на погонах полковника, которую в шутку называют «курица», по этой же причине полковника могут называть «Bird» или «Full-Bird», подполковника — «Half-Bird»); *Pink Bar* (*pink* — «розовый, румяный», *bar* — «стойка, стержень») — в США фам. второй лейтенант (знаки различия второго лейтенанта — золотая полоска на погонах).

4.6. *Обувь: Brown shoe* — летчик ВМС США (носящий обувь коричневого цвета, в отличие от офицера корабельной службы); *Gumshoe* (*gumshoe* — «галoша», разг. «сыщик») — фам. пренебр. военный полицейский; (войсковой) разведчик.

В антропонимических прозвищах как элементе межличностного взаимодействия в военном коллективе проявляется прагматический контекст, в структуре которого выделяется социальный, включающий в себя ситуацию социального равенства или неравенства, функциональные и должностные обязанности и др. Рассмотрим данные прозвищные номинации.

5. Звание

- адмирал ирон. *Feather* (*feather* — «бурун/перископ подводной лодки»);
- старшина корабельной полиции (США): фам. *Jaunty* (*jaunty* — «беспечный, самодовольный»);
- лейтенант: наем. *Louie* (краткая форма от *Lieutenant*);
- исполняющий обязанности капрала: фам. *Jawbone Corporal* (*jawbone* разг. «давить, оказывать давление»; капрал — чин в армии);
- рядовой: *Joe Blow* («простой человек»).

6. Должность. Функциональные обязанности

В состав британской пехоты входят бронетанковые, артиллерийские войска, корпуса инженеров и связи, разведки и тыловиков, а также специальное подразделение, в котором служат священники. Есть в войсках Англии юристы, преподаватели и даже сотрудники по персоналу. Все это находит отражение в прозвищных антропонимических номинациях:

- командир части: *Kay O* (шутливая расшифровка сокращения CO — commanding officer, представляющая собой сокр. КО (knock out) в фонетическом написании);
- генералитет, руководство: *Brass* (brass — «начальство»);
- командир корабля: шутл. *Skipper* (*skipper* — «шкипер, капитан, судоводитель»), *Owner* (owner — «владелец»);
- командир артиллерийской боевой части корабля: *Gun Boss* (gun — «пушка, ствол, орудие», boss — «шеф, босс»), *Guns* (guns — «зенитки, оружие»);
- младший командир; ВМС старшина; помощник боцмана: *Buffer* (buffer — «буфер»);
- пропагандист, специалист психологической войны: *Brain Washer* (brain — «мозг», washer — «мойка, моечная машина» — «промыватель мозгов»), занимающийся идеологической обработкой личного состава;
- инструктор по строевой подготовке (отвечает за поддержание жесткой дисциплины среди подчиненного ему личного состава, а также исполнение наказаний за проступки): *Kill Hat* (kill — «убивать», hat — «шляпа»), *Heavy Hat* (heavy — «тяжелый», hat — «шляпа»); груб. фам. *Drill Pig* (drill — «муштра, строевое учение», pig — «свинья»);
- механик-водитель: шутл. фам. *Throttle Jockey* (throttle — «тормоз, дроссель», jockey — «шофер»);
- авиационный техник: *Ground Joe* (ground — «грунт, почва», Joe — краткий мужской оним (полная форма Joseph) в значении «лицо мужского пола»);
- конструктор артиллерийского вооружения: фам. *Gun Bug* (оружейник);
- летчик, назначенный на административную должность: *Desk Pilot* (desk — «стойка», pilot — «пилот»);
- переводчик: воен. жарг *Terps* (от interpreter — «переводчик»);
- штабная крыса: *Desk Pogue* (desk — «стол, стойка», pogue — «гомосексуалист»);
- санитар в лазарете: фам. пренебр. *Poultice Walloper* (poultice — «припарка», wallop — «наносить сильный удар»);
- судовой священник, капеллан, вне зависимости от религии и вероисповедания: *Padre*;
- кладовщик: *Jack-of-the-Dust*, *Jack Dusty* (Jack — мужской оним в значении «лицо мужского пола», dusty — «пыль»);
- начальник столовой рядового состава: груб. фам. *B-boy* (bus-boy — «официант, убирающий со столов в ресторане грязную посуду»).

Антропонимические прозвища, связанные с внешней и внутренней характеристикой носителя онима, строятся на визуально-оценочном впечатлении говорящего и в большей степени являются прозвищами-характеристиками. Составной частью содержания таких прозвищ являются причинно-следственные отношения между выбором имени и признаками именуемого [Буркова, 2017, с. 110]. Среди мотивированных прозвищных имен особую группу занимают антропонимические прозвища, связанные с внешней характеристикой носителя онима, чертой характера, особенным поступком или проступком.

7. Внешняя характеристика носителя прозвища

- с коротко остриженными волосами (молодой солдат): *Skinhead* (бритоголовый); *Dogface* — призывник, (рус. дух);
- высокий (курсант): *Flanker* (фланкирующий);
- маленький ростом: *Sand Blower* (sand — «песок», blow — «дуть»);
- толстый: груб. *Sea Pig* (sea — «морской», pig — «свинья»);
- большая физическая сила: *Loogan* (разг. громила).

8. Черта характера военного

8.1. Отрицательные качества:

- болтливый: фам. *Gabby Mike* (gabby — «болтливый, разговорчивый», Mike — личный оним в собирательном значении «лицо мужского пола; командир, слишком часто использующий радиосвязь»);
- придирчивый, настойчивый: фам. *Hot Officer* (hot — «горячий»), *Hot Charlie* (hot — «горячий», Charlie — личный оним в собирательном значении «лицо мужского пола»); *Gigadier* (шутливо измененный военный чин brigadier);

– грубый: в США фам. пренебр. *Jeeter* (Jeeter Lester — персонаж известного романа Эрскина Колдуэлла «Табачная дорога»);

– глупый, бестолковый: фам. *Big John* (big — «большой», John — личный оним в собирательном значении «лицо мужского пола»), *Goofer*, *Goopher* (дурачок), *Jerk* (олух, сопляк, недотепа);

– ленивый, нерадивый, сачок, симулянт, бездельник: *Coffee Cooler* (coffee — «кофе», cooler — «охладитель, кулер»), фам. *Goof-off* (goof-off — «халтурить, сачковать, филонить»).

8.2. Положительные качества:

– отличающийся решительностью действий в наступлении: *Jump-off General* (jump-off — «идуший в атаку»);

– готовый выполнять любой приказ, рискованное задание: *Gung-Ho Officer* (gung-ho — «полный энтузиазма»).

Константность армейских чинов, подразделений, рангов способствует закреплению за отдельными группами войск определенных прозвищных номинаций, позволяющих соотносить их с конкретным родом войск: *Blue Helmets* (войска ООН), *Blue Jersey* (матрос ВМС), *Green Berets* (десантные войска США). Ср. русскоязычное *голубые береты* (воздушно-десантные войска России, ВДВ).

Анализ эмпирического материала показывает, что экстралингвистический аспект неофициальных именовании лица в военном дискурсе представляет собой отражение в языке восприятия военными окружающего их социума. Антропонимические прозвища военных/групп военных обладают определенной семантической наполненностью от самого общего характера до личностно ориентированного. В целом мы можем констатировать, что антропонимические прозвища военных в англоязычном дискурсе являются элементом национальной культуры и представляют собой не только комплекс лингвистических данных, но и отражение процессов экстралингвистического характера. Исследуемые единицы могут быть интерпретированы не только в коммуникативно-прагматическом и стилистическом аспектах, но и в лингвокультурологическом, позволяя нам выявить национально-культурные особенности именника военных.

Список источников

1. Александрова О. И. Неофициальные личные имена в частной переписке и дневниковых записях конца XIX — начала XX века // Ономастика Поволжья : материалы 3-й науч.-практ. конф. — Уфа : АН СССР, 1973. — С. 126–132.
2. Англо-русский военный словарь : ок. 70 000 терминов / Г. А. Судзиловский, В. М. Полухин, В. Н. Шевчук [и др.]. — 3-е изд. перераб. и доп. — М. : Воениздат, 1987. — 655 с.
3. Буркова Т. А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. — Уфа, 2010. — 439 с.
4. Буркова Т. А. Неофициальный антропоним как социально-маркированная единица в профессиональной сфере // Вестник Башкирского университета. — 2017. — Т. 22. — № 1. — С. 108–112.
5. Вьетконг // Большая советская энциклопедия. — URL : <https://bse.slovaronline.com/8782-VIETKONG> (дата обращения: 19.02.2022).
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М. : Новое лит. обозрение, 1996. — 352 с.
7. Даминова С. О. Англо-русский словарь военного сленга = English-Russian Dictionary of Military Slang. — Изд. 3-е. — М. : URSS : ЛЕНАНД, 2017. — 92 с.
8. Данилина Е. Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00. — М., 1970. — 291 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
10. Митчелл П. Д., Белов Д. Н. Британский военный сленг: влияние первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. — 2016. — Т. 21, вып. 7–8 (159–160). — С. 15–22.
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1988. — 187 с.
12. Потапова С. Ю. Неофициальные именовании лица в немецком языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. — Ярославль, 2003. — 400 с.
13. Стаханова И. С. Прагматика школьных прозвищ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2011. — 24 с.
14. Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык. — М. : Воениздат, 1979. — 272 с.

15. Судзиловский Г. А. Англо-русский словарь военного сленга. Сленг — что это такое? — М. : Воениздат, 1973. — 182 с.
16. Delahunty A. *Oxford Dictionary of Nicknames*. — Oxford University Press, 2006. — 229 p.
17. Kany W. Inoffizielle Personennamen: Ein bislang nicht ausgeschöpftes Paradigma — Paradigma der Sozioonomastik und -linguistik // *Onomastik. Akten des 18. Internationalen Kongresses für Namenforschung. Trier (12.–17. April 1993)*. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1993. — B. 3. : Namensoziologie. — S. 59–69.
18. *Longman Dictionary of Contemporary English, Harlow (Essex)*. — Longman, 1995. — 1668 p.
19. *Merriam-Webster Collegiate Dictionary*. — Eleventh Ed. — Merriam-Webster, 2004. — 1623 p.
20. *New Webster's dictionary & Rogets thesaurus / ed. by R. F. Patterson*. — Miami (Fla.) : P. S. L., 1992. — 256 p.
21. Seibicke W. *Die Personennamen im Deutschen*. — Berlin ; New York : Walter de-Greyter, 1982. — 227 S.
22. *The New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / Tom Dalzell (Senior ed.) and Terry Victor (ed.)*. — London ; New York : Routledge, 2006. — 1076 p.

References

1. Aleksandrova O. I. Unofficial Personal Names in Private Correspondence and Diary Entries of the late 19th – early 20th centuries. *Onomastika Povolzh'ja: materialy 3-j nauchn.-prakt. konf.* [Onomastics of the Volga Region: Materials of the 3rd research-practical conference]. Ufa, AN SSSR Publ., pp. 126–132. (In Russian).
2. *Anglo-russkij voennyj slovar': ok. 70 000 terminov* [English-Russian military dictionary: about 70 000 terms]. G. A. Sudzilovskij, V. M. Poljuhin, V. N. Shevchuk [et al.]. Moscow, Voenizdat Publ., 1987. 655p. (In English and Russian).
3. Burkova T. A. *Funkcional'no-stilisticheskoe var'irovanie antroponimov v nemeckom jazyke* [Functional and stylistic variation of anthroponyms in German]. (Doktor of Philology). Ufa, 2010, 439 p. (In Russian).
4. Burkova T. A. The Informal Anthroponym as a Socially Marked unit in the Professional Sphere. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. Ufa, 2017, vol. 22. no. 1. pp. 108–112. (In Russian).
5. Viet Cong. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Complete Soviet Encyclopedia]. Available at: <https://bse.slovaronline.com/8782-VIETKONG> (accessed 19.02.2022). (In Russian).
6. Gasparov B. M. *Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovanija* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996, 352 p. (In Russian).
7. *Anglo-russkij slovar' voennogo slenga* [English-Russian Dictionary of Military Slang]. S. O. Daminova. Moscow, URSS, LENAND Publ., 2017, 92 p. (In English and Russian).
8. Danilina E. F. *Lichnye oficial'nye i neoficial'nye imena v sovremennom russkom jazyke, dis. ... kand. filol. nauk, 10.00.00* [Personal official and unofficial names in modern Russian. Cand. philol. sciences diss., 10.00.00]. Moscow, 1970, 291 p. (In Russian).
9. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2022, 477 p. (In Russian).
10. Mitchell P. D., Belov D. N. British military slang: the impact of the first world war. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of Tambov University]. Tambov, 2016, vol. 21, no. 7–8 (159–160), pp. 15–22. (In Russian).
11. Podol'skaja N. V. *Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 187 p. (In Russian).
12. Potapova S. Ju. *Neoficial'nye imenovanija lica v nemeckom jazyke, dis. ... d-ra filol. nauk, 10.02.04* [Unofficial personal names in German. Doctor philol. sciences diss., 10.02.04]. Jaroslavl', 2003, 400 p. (In Russian).
13. Stahanova I. S. *Pragmatika shkol'nyh prozvizhh, avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, 10.02.04* [Pragmatics of school nicknames: cand. philol. sciences absrt. of diss., 10.02.04]. Volgograd, 2011, 24 p. (In Russian).
14. Strelkovskij G. M. *Teorija i praktika voennogo perevoda: nemeckij jazyk* [Theory and Practice of Military Translation: German language]. Moscow, Voenizdat Publ., 1979, 272 p. (In Russian).
15. Sudzilovskij G. A. *Anglo-russkij slovar' voennogo slenga. Sleng – chto jeto takoe?* [English-Russian dictionary of military slang. Slang – what is it?]. Moscow, Voenizdat Publ, 1973, 182 p. (In English and Russian).
16. Delahunty A. *Oxford Dictionary of Nicknames*. Oxford University Press Publ., 2006, 229 p.
17. Kany W. Inoffizielle Personennamen: Ein bislang nicht ausgeschöpftes Paradigma – Paradigma der Sozioonomastik und -linguistik. *Onomastik. Akten des 18. Internationalen Kongresses für Namenforschung. Trier (12.–17. April 1993)*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1993. B. 3. Namensoziologie. S. 59–69. (In German).
18. *Longman Dictionary of Contemporary English, Harlow (Essex)*. Longman Publ., 1995, 1668 p.
19. *Merriam-Webster Collegiate Dictionary*. Eleventh Edition. Merriam-Webster Publ, 2004, 1623 p.

20. *New Webster's dictionary & Rogets thesaurus*. Ed. by R. F. Patterson. Miami (Fla.), P. S. L., 1992, 256 p. (In English).
21. Seibicke W. *Die Personennamen im Deutschen*. Berlin, New York, Walter de-Greyter, 1982, 227 S. (In German).
22. Dalzell T. (Senior ed.), Victor T. (ed.). *The New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English*. London, New York, Routledge Publ., 2006, 1076 p. (In English).

Информация об авторе

Буркова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы; профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Уфимский филиал).

Хушвахтов Билолидин Саймудинович — аспирант кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы.

Information about the author

Burkova, Tatyana — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Romano-Germanic Linguistics and Foreign Literature, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla; Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Hushvahtov, Bilolidin — Postgraduate Student, Department of Romano-Germanic Linguistics and Foreign Literature, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

*Статья поступила в редакцию 30.03.2022;
одобрена после рецензирования 05.04.2022;
принята к публикации 05.04.2022.*

*Submitted 30.03.2022;
approved after reviewing 05.04.2022;
accepted for publication 05.04.2022.*

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 15–22.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):15–22.

Научная статья
УДК 800; 808.5
DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.002

**Асимметричный дуализм языкового знака
как политический инструмент:
метаморфозы французского фантаста на Украине ***

Сурен Тигранович Золян

Балтийский федеральный университет имени Канта, Калининград, Россия;
Институт философии, социологии и права (Национальная академия наук Республики Армения),
Ереван, Армения
suzrenzolyan@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются приложения семиотической теории, основанной на предложенном С. Карцевским принципе асимметричного дуализма. Показано, что эта теория создает возможность построения многомерных семиотических моделей, описывающих порождение новых смыслов и их композиции. Показано, что то, что Карцевский считал виртуальной характеристикой языкового знака — быть одновременно и синонимом, и антонимом, — может быть актуализовано в речевой практике. В частности, продемонстрировано, что подобная трансформация знака служит инструментом агональной полемики как возможность использовать табуированную лексику, в то же время путем квазитолкований создавая лексикографическое алиби.

Ключевые слова: асимметричный дуализм, языковой знак, Сергей Карцевский, синонимия, омонимия.

Для цитирования: Золян С. Т. Асимметричный дуализм языкового знака как политический инструмент: метаморфозы французского фантаста на Украине // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 15–22. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.002.

Original article

**Asymmetrical Dualism of a Linguistic Sign as a Political Tool:
the Metamorphoses of a French Fantasy Author in Ukraine**

Suren T. Zolyan

Im. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
Leading research fellow, Institute of Philosophy, Sociology and Law,
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
Yerevan, Armenia
suzrenzolyan@gmail.com

Abstract. We address some applications of the semiotic theory based on the principle of asymmetric dualism proposed by S. Kartsevski and demonstrate that this theory creates the possibility of constructing multidimensional semiotic models that describe the generation of new meanings and their composition. We demonstrate that such virtual (in Kartsevski's view) characteristics of a linguistic sign as its capacity to be both a synonym and an antonym can be actualized in speech practices. In particular, it is demonstrated that such transformation of a sign serves as a tool of agonal polemics as an opportunity to use taboo vocabulary and, at the same time, to create a lexicographic alibi.

Keywords: Asymmetric dualism, linguistic sign, Sergey Kartsevski, synonymy, homonymy.

For citation: Zolyan S. T. Asymmetrical Dualism of a Linguistic Sign as a Political Tool: the Metamorphoses of a French Fantasy Author in Ukraine. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61):15–22. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.002.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

1. Языковой знак как асимметричное отношение

Многочисленные исследования языкового знака показывают, насколько разнообразны могут быть отношения между означаемым и означающим, почему и их статичное рассмотрение не может считаться адекватным. Однако эти наблюдения не привели к пересмотру концепции, по сути, повторяющей ту концепцию знака, которая была предложена еще Стоиками как некоторой конвенционально закрепленной связи между означаемым и означающим [см.: Фрагменты ... , 1999, с. 82–83]. Изменение одного из этих компонентов создает новый знак – омонимичный прежнему, если изменяется означаемое, и синонимичный, если изменяется означающее. Все эти концепции можно назвать принципом симметричного дуализма языкового знака: изменение означаемого влечет изменение означающего, и наоборот. Динамизм допускается как возможность создания нового знака путем изменения либо означающего, либо означаемого.

Между тем хорошо известен и противоположный подход – это сформулированный Сергеем Карцевским принцип асимметричного дуализма языкового знака: «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают по всем точкам: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является виртуально “омонимом” и “синонимом” одновременно... он образован пересечением этих двух серий мыслительных явлений» [Карцевский, 2004, с. 239]. Из принципа асимметричного дуализма языкового знака следует возможность как бесконечной омонимии, так и бесконечной синонимии: каждый знак потенциально может выражать любое значение, омонимичное самому себе и синонимичное какому-либо другому знаку. Примерно такая интерпретация основной идеи Карцевского была предложена Яном Мукаржовским: «В идеале, все что угодно может быть обозначено любым словом, и напротив, каждое слово может обозначать все что угодно» [Mukařovský, 1977, с. 44].

Несмотря на свою известность, подход Карцевского вряд ли можно считать пустившим корни в лингвистике и семиотике. Неслучайно идеи Карцевского применялись в первую очередь к рассмотрению поэтического языка [Mukaržovsky, 1977 ; Steiner P., Steiner W., 1976 ; Steiner, 1981, 1982 ; Лотман, 2018], в то время как в теории языка подобная попытка [Скаличка, 1967] не получила серьезного развития. Возможно, это объясняется тем, что, будучи расширенным, принцип асимметричного дуализма может привести к размыванию самого понятия знака, по крайней мере в той версии, которая принята в соссюрианской лингвистике. На динамический характер подхода Карцевского как наиболее существенное отличие от концепции Соссюра указывают практически все сравнивавшие их исследователи [Jakobson, 1956, pp. 12–13 ; Пospelов, 1957, с. 49 ; Steiner, 1981 ; Кузнецов, 2010 ; Pola, 2011]. Если отвлечься от объяснимого воздействием общей атмосферы тех годов полемического тона, следует согласиться с Н. С. Пospelовым, проницательно увидевшим возможности радикального изменения соссюрианской семиотики языка: «Карцевский, в сущности, изнутри взрывает концепцию статической лингвистики Женевской школы. Но он сделал только первый шаг в этом направлении, вскрыв в самом единстве означающего и означаемого глубокий внутренний конфликт» [Пospelов, 1957, с. 49].

Однако следует заметить, что самим Карцевским был сделан следующий шаг, приближающий ситуацию к реальному состоянию языка. Он находит возможность снятия дихотомии между языком, состоящим из «этикеток», а точнее, однозначных слов или даже имен собственных, нечто подобное «идеальному языку» в представлениях логических неопозитивистов, с одной стороны, и языком, состоящим из знаков-индексов, значение которых определяется исключительно контекстом. Языковой знак предстает как их гибридная форма: «Если бы знаки были неподвижны и имели лишь одну функцию, язык превратился бы в простой набор этикеток. Но точно так же невозможно представить себе язык, знаки которого были бы настолько подвижны, что не обозначали бы ничего вне конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть одновременно устойчивой и подвижной. Призванный приспособляться к конкретной ситуации, знак может изменяться лишь частично, так как нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части, он оставался тождественным самому себе» [Карцевский, 2004, с. 239–240].

Попытаемся проиллюстрировать вышеизложенные теоретические положения на несколько забавном примере из современной практики. В качестве демонстрации использования знака как многомерного комплекса предлагаем описание получившего известность, особенно в русскоязычном медиапространстве, но пока не зафиксированного в словарях, случая использования слова

«фантаст» как пейоратива по отношению к политикам. Возникновение такого нового значения можно документально проследить и показать, что, как и полагал Карцевский, «транспозиция и синонимия — две стороны одного и того же явления» [Карцевский, 2004, с. 57]. Синонимия — способ выявить и дифференцировать возможные смыслы в омонимичных (омофоничных) формах. Приводимые примеры показывают, что, с одной стороны, могут отождествляться различные означаемые, связанные с означающим-омонимом, а с другой — внутри этого означаемого выделяться новые означаемые.

Исходная ситуация (диспозиция) такова. Слово *гондон* (*гандон*) выделяет два смысла: 1) презерватив; его транспозиция приводит к пейоративу 2) *неприятный, дрянной, мелочный, подлый человек* или же используется как лишенное особого смысла ругательство «средней тяжести», как в письме А. П. Чехова к брату:

1. «Неужели ты уже так зазнался и возмечтал о себе, что даже и деньги тебе не нужны? Гандон ты этакий!» (1887) [Национальный корпус ...].

Возможно обыгрывание обоих значений внутри одного высказывания:

2. «Антон-гондон, значит, а гандонами-то че не пользовался?» (А. А. Голицын «Ящик») [Национальный корпус ...].

Ввиду неопределенности второго значения, как и в случае пейоративов, они обычно используются как вокативы, тогда как в других позициях актуализируется первое значение. Безусловно, первое значение (внутренняя форма) достаточно отчетливо, что проявляется в таких устойчивых оборотах-пейоративах, как *гандон штопаный, дырявый* и т. п. Вместе с тем второе пейоративное значение приводит к тому, что и первое воспринимается как нецензурный вариант к «культурному» *презерватив* (что, соответственно, приводит к «пейоративизации» также и этого слова, подтверждая идею Карцевского о комплексности языкового знака).

Помимо общего имени существует имя собственное — французская фамилия Гандон. Ее использование в русском контексте придает подобному употреблению особую коннотативную семантику:

3. «В довершение всего, очистили какой-то манеж и поставили в нем “Прекрасную Елену”, пригласив, в качестве исполнительницы, девицу Бланш Гандон» (М. Е. Салтыков-Щедрин «История одного города») [Национальный корпус ...].

Появляется и реальная личность, носитель подобной фамилии, — это писатель-фантаст Ив Гандон, чьи биографические черты воспроизведены Виктором Пелевиным:

4. «После того, как умер легендарный Иван-Ив Гандон Карамазов, которому люди научились прощать пупафобию и brutальный национализм за необычайно фотогеничную фактуру...» (В. Пелевин “S.N.U.F.F”) [Национальный корпус ...].

Употребления Щедрина и Пелевина не приводят к появлению нового значения, они лишь играют на существующих коннотациях. Новое значение рождается из решения Киевского областного апелляционного суда:

5. «Просмотрев видео в зале заседания, судьи согласились с объяснениями истца, что, адресуя к мэру слово “гандон”, он имел в виду не контрацептив, а писателя фантаста Ива Гандона (1899–1975). Вроде бы мэр рассказывает такие же выдумки и фантастические вещи, которыми французский писатель зарабатывал на жизнь. Поскольку контрацептив пишется через о — “гондон”, а фамилия писателя через а — “Гандон”, то в решении суда указано везде слово “гандон”» [Йод.медиа].

Хорошо прослеживаются и отношения семантической деривации. Имя собственное *Ив Гандон* заменяется на определенную дескрипцию «французский писатель, рассказывающий фантастические вещи, которыми он зарабатывал на жизнь».

6. «— Чья была идея именно на Иве Гандоне строить правовую позицию? Адвокат объясняет: — Творчество этого писателя наш клиент знал еще до конфликта. Возможно, имел его в виду в разговоре, поскольку считал своего собеседника фантастом, а мы эту позицию развили и привели в правовую плоскость» [Gadomsky].

Апелляционный суд согласился с аргументацией защиты и зафиксировал возможность подобной семантизации в своем решении:

7. «Апелляционный суд признал такую версию возможной: Цитата: “Все сомнения в доказанности вины лица толкуются в его пользу, и поскольку убедительных доказательств того, что ЛИЦО₁, сказав слово ‘гандон’, хотел тем самым обидеть ЛИЦО₂, а не вспомнил фамилию французского писателя-фантаста, в материалах дела отсутствуют, то все сомнения решаются в пользу привлеченного лица”. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит. С уверенностью могу сказать, что многие ответственные лица на данный момент являются писателями-фантастами» [Gramho.com].

Разумеется, «мотивация» адвоката далека от реальной: использование табуированного слова клиентом было обычным пейоративом, и это прекрасно понимает аудитория. Возникает блендинг обоих значений. В дальнейшем определенная дескрипция становится неопределенной, и от нее остается только новое значение означающего «Гандон» — «фантаст».

Однако продолжает быть актуальной ситуация транспозиции, самого акта возникновения этого значения — так был именован политик. Поэтому возникает новый модус его употребления — это возможность использовать слово «гандон» в публичном политическом дискурсе. Эта ситуация фиксируется в заголовке:

8. «Теперь украинских чиновников-врунов можно безнаказанно называть гандонами» [Дорошенко].

Это же значение, причем уже как очень частое явление, воспроизводится как (квази) словарное толкование:

9. «Очень часто именем французского писателя мы называем руководителей разных ведомств и чаще всего избранников народа за их сказочные фантазии, писатели фантасты а-ля Ив Гандон» [Gramho.com].

Как видим, почти бессодержательный пейоратив наполняется концептуальным содержанием: это не просто плохой человек, а политик-лгун. Впрочем, практика показывает, что семантики из украинских правоохранительных органов не всегда руководствовались решениями Киевского суда и могут расценить такое употребление как мат:

10. «Речь идет о случае, произошедшем 6 марта возле центральной проходной Крюковского вагоностроительного завода (КВСЗ). Кременчужанин Вячеслав устроил одиночный пикет, чтобы выразить свое мнение относительно правления Зеленского. Говорил, что слова на плакате — не оскорбление, а сравнение с писателем-фантастом Ивом Гандоном. В тот день на мужчину составили протокол. Написанные слова расценили как матерные слова. На судебном заседании мужчина свою вину не признал. Пояснил, что имел целью не обидеть кого-то, а сравнить фразы и выражения с фантастическими историями французского писателя-фантаста. Сделал плакат лично, чтобы привлечь к себе внимание президента Украины, который с рабочим визитом должен был приехать на КВСЗ, написал зеленой краской “ЗЕ ГАН ДОН”» (рис. 1)

Рис. 1. Одиночный пикет кременчужанина [Суд ...]

Однако, поскольку новое значение уже достаточно укоренено, то вместо табуированной формы возможно употребление его новообразованного нейтрального синонима. Теперь возникает обратная мотивация: вместо Гандон — Ив Гандон — фантаст имеет место обратная деривация фантаст — Ив Гандон — гандон. Этот пример подтверждает релятивный характер транспозиции

и диспозиции: они могут меняться местами и существовать относительно автономно, но при этом быть одновременно актуализованными (одно влечет за собой другое). Пейоративом становятся уже сами выражения писатель-фантаст, фантаст:

11. «С уверенностью могу сказать, что многие ответственные лица на данный момент являются писателями-фантастами» [Gramho.com];

12. «Не обижайтесь, если шо! Может кто-то латентный фантаст» [Сообщество Курилка].

Все указанные синонимы и омонимы могут создавать «симфонию» внутри одного высказывания, отсылая друг к другу, мотивируя и эксплицируя друг друга:

13. «Что происходит? Мне говорят: инерция системы. Еще остались французские писатели-фантасты по имени Ив Гандон во власти, вот переизберем Раду, выберем нового генпрокурора, назначим премьера и заживем. Но есть обоснованные сомнения, что на место Ива Гандона не придут другие гандоны» [Версии ...].

Демонстрируя наличие все еще единого пространства русского языка, такое словоупотребление зафиксировано уже не только на Украине, но и в Киргизии, причем оно уже относится не только к политикам, но и к правоохранителям, а возможно, шире, — к обладающим властью лгунам:

14. «По мнению обвиняемого, обвинение тоже несостоятельно. “Цифры и подписи являются немymi свидетелями, они подтверждают, что я не подписывал и не участвовал. Это все домыслы. Я понимаю, что обвинение, после того как нас посадили, не может сказать, что ошиблось. Есть хороший французский фантаст Ив Гандон. Следствие, как Гандон, фантазирует”, — сказал он» [Новости и аналитика Кыргызстана].

Схематически вышеуказанные «транспозиции» образуют новый знак, в котором синтезируются, но не теряют автономию все пять омонимов-синонимов (рис. 2). Это можно представить в виде двухъярусной схемы, в которой на первом уровне означающему «гандон» будет соответствовать в качестве означаемого комплексный знак, состоящий из означаемого и означающего второго уровня. Означаемым будет интервал значений, задаваемый означающими, синонимичными тому или иному из пяти омонимичных *гандону* значений. Эти значения автономны, поскольку могут быть выражены и иным способом, и в то же время неразличимость этих *гандонов* второго уровня приводит к тому, что эти значения могут быть актуализованы совместно. При этом происходит постоянная смена исходного и транспозитивного компонентов всех означающих и означаемых (означаемым слова «фантаст» оказывается то же, что и у слова «гандон», а также «лживый политик», и т. п.). Подобное передвижение означаемых и означающих, их своего рода постоянное круговращение создает основной семантический эффект. Вся эта подвижная, в том числе и внутри себя, конструкция удерживается в состоянии динамического равновесия означающим первого уровня «гандон».

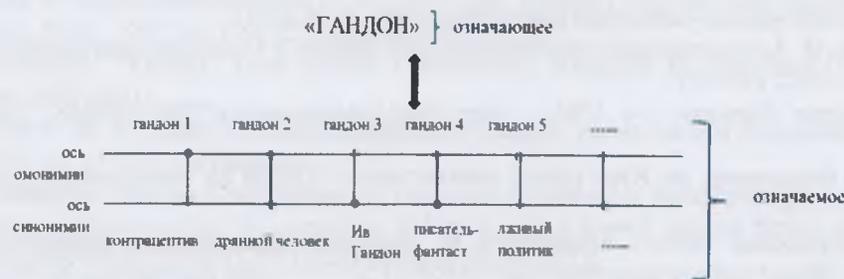

Рис. 2. Схема знака лексемы *гандон* в свете теории асимметричного дуализма

Результирующий знак можно представить как следствие контаминации двух семиотически отличных подъязыков, в одном из них каждый знак может иметь любое значение, а в другом — все знаки имеют одно и то же значение. Первый состоит из одного многозначного знака «гандон», которое ассоциировано с пятью означаемыми, а противоположный ему состоит из пяти означаемых, каждое из которых выражает означаемое «гандон». В отдельности ни один из них функционировать не может: иначе нет возможности выделить омонимичные означаемые и синонимичные означающие. Контаминация этих двух языков создает вышеописанный знак, который и сам в целом,

и каждый из его компонентов одновременно есть и синоним, и омоним. Как видим, то, что сам Карцевский считал виртуальной характеристикой — быть одновременно и синонимом, и антонимом (см. приведенную выше цитату), — может актуализироваться в речевой практике. Предложенное описание может служить реализацией того, что, согласно высказанному Н. С. Поспеловым предположению, способно стать развитием и конкретизацией теории асимметричного дуализма: «В более отдаленной перспективе Карцевский думал о создании большого синтетического труда — цельного изложения лингвистической концепции, опирающейся на асимметрическое скрещение омонимии и синонимии в семантической структуре любого лингвистического знака. Этот замысел остался неосуществленным» [Поспелов, 1957, с. 48].

Как видим, практические следствия принципа асимметричного дуализма именно как актуального, а не виртуального явления, были интуитивно осознаны говорящими как инструмент агональной полемики, как возможности преодолеть табу: использовать табуированные лексические средства и вместе с тем уходить от ответственности за их использование, путем квазитолкований создавая своеобразное лексикографическое алиби¹. При этом подобная игра смыслами рождает особый эффект, характерный для поэтической речи.

Список источников

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. — М. : Акад. проект, 2008. — 351 с.
2. Версии (Украина): наследники Ивана Гандона // Иносми. — URL : <https://inosmi.ru/politic/20190715/245472671.html> (дата обращения: 29.06.2021).
3. Дорошенко С. Украинских чиновников-врунов теперь можно безнаказанно называть «Гандонами». — URL : <https://www.politnavigator.net/ukrainskikh-chinovnikov-vrunov-teper-mozhno-beznakazanno-nazyvat-gandonami.html> (дата обращения: 29.06.2021).
4. Йод.медиа. — URL : <https://iod.media/ru/article/sud-viznav-shcho-mera-mozhna-nazivati-gondon-yakshcho-mati-na-uvazi-pismennika-iv-gandona-1998> (дата обращения: 29.06.2021).
5. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. — М. : Яз. слав. культуры, 2004. — Т. 2. — С. 31–208, 239–245.
6. Кузнецов В. Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы. — М. : Яз. слав. культуры, 2010. — 185 с.
7. Лотман Ю. М. Ян Мукаржовский — теоретик искусства // О структурализме: работы 1965–1970 годов. — Таллинн : Изд-во ТЛУ, 2018. — С. 356–389.
8. Национальный корпус русского языка : информ.-справ. система. — URL : <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 29.06.2021).
9. Новости и аналитика Кыргызстана : электрон. газ. — URL : <https://elgezit.kg/2019/11/06/delo-tets-ajbek-kaliev-sledstvie-kak-gandon-fantaziruet/> (дата обращения: 29.06.2021).
10. Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. — М. : Прогресс, 1967. — С. 119–127.
11. Сообщество Курилка. — URL : <http://blog.i.ua/community/2998/2295348/> (дата обращения: 29.06.2021).
12. Соссюр Фердинанд, де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1977. — С. 31–273.
13. Суд оштрафовал жителя Кременчуга за сравнение Зеленского с французским писателем-фантастом. — URL : <https://inshe.tv/proisshestviya/2020-05-01/527215/> (дата обращения: 29.06.2021).
14. Поспелов Н. С. О лингвистическом наследии С. Карцевского // Вопросы языкознания. — 1957. — № 4. — С. 46–56.
15. Фрагменты ранних стоиков : в 3 т. / пер. и коммент. А. А. Столярова. — М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. — Т. 2. Хрисипп из Сол. Ч. 1. Логические и физические фрагменты. — 280 с.
16. Gadomsky D. Гандон как правовая позиция. — URL : <https://medium.com/dead-lawyers-society/gandon-20bb69395ecb> (дата обращения: 29.06.2021).

¹ Термин «алиби» заимствован нами из статьи Ролана Барта «Миф сегодня» при рассмотрении типологически сходного явления «вертушки» между различными значениями символа-мифа: «Значение мифа – это такая вертушка, где означаемое все время оборачивается то смыслом, то формой, то языком-объектом, то метаязыком, а алиби определяется как “негативное тождество”, действующее по принципу: “Там, где вы думаете я есть, – там меня нет, где вы думаете меня нет, – то там я и есть”» [Барт, 2008, с. 281–282].

17. Gramho.com. — URL : <https://gramho.com> (дата обращения: 29.06.2021).
18. Jakobson R. O. Serge Karcevski (Aug. 28, 1884 — Nov. 7, 1955) // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. — 1956. — Vol. 14. — Pp. 9–13.
19. Jakobson R. Retrospect // In *Selected Writings*. — The Hague : Mouton, 1962. — Vol. 1 : *Phonological Studies*. — Pp. 631–658.
20. Pila Malinka. S. Karcevskij on the asymmetrical dualism of the linguistic sign // *Cahiers de linguistique et des sciences du langage (l'ILSL)*. — 2011. — № 31. — Pp. 153–165.
21. Steiner P., Steiner W. The Relational Axes of Poetic Language // *Jan Mukařovský, On Poetic Language / transl. and ed. by J. Burbank and P. Steiner*. — Lisse : Peter Ridder Press, 1976. — Pp. 71–86.
22. Steiner P. In Defense of Semiotics: The Dual Asymmetry of Cultural Signs // *New Literary History*. — 1981, spring. — Vol. 12, no. 3 : *Linguistics/Language/Literature*. — Pp. 415–435.
23. Steiner P. The Semiotics of Literary Reception // *The Structure of the Literary Process : Studies dedicated to the Memory of Felix Vodicka / ed. by P. Steiner, M. Červenka, R. Vroon [Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe 8]*. — 1982. — Pp. 503–520.

References

1. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Transl. from French, proflusion and commentary by S. Zenkin. Moscow, Academic Project Publ., 2008, 351 p. (In Russian).
2. *Versii (Ukraina): nasledniki Ivana Gondona* [Versions (Ukraine): the successors of Ivan Gandon]. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20190715/245472671.html> (accessed 29.06.2021).
3. Doroshenko S. *Ukrainskikh Chinovnikov-vrunov teper' mozžno beznakazanno nazyvat' "Gandonami"* [Ukrainian liar officials can now be called "Gandons" with impunity. Available at: <https://www.politnavigator.net/ukrainskikh-chinovnikov-vrunov-teper-mozhno-beznakazanno-nazyvat-gandonami.html> (accessed 29.06.2021).
4. *Yod.media* [Iod.media]. Available at: <https://iod.media/ru/article/sud-viznav-shcho-mera-mozhna-nazivati-gondon-yakshcho-mati-na-uvazi-pismennika-iv-gandona-1998> (accessed 29.06.2021).
5. Kartsevsky S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya* [From Linguistic heritage]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, vol. 2. pp. 31–208, 239–245. (In Russian).
6. Kuznetsov V. G. *Nauchnoe nasedie Zhenevskoj lingvisticheskoy shkoly* [The Scholarly legacy of the Geneva School of Linguistics]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2010, 185 p. (In Russian).
7. Lotman Yu. M. Jan Mukařovský — a theorist of art. *O strukturalizme: raboty 1965–1970 godov* [On Structuralism: works of 1965–1970]. Tallinn, TLU Press Publ., 2018, pp. 356–389. (In Russian).
8. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: inform.-sprav. sistema [National corpus of the Russian language: information and reference system]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed 29.06.2021).
9. *Novosti i analitika Kyrgyzstana: elektron. gaz.* [News and analytics of Kyrgyzstan: electronic newspaper]. Available at: <https://elgezit.kg/2019/11/06/delo-tets-ajbek-kaliev-sledstvie-kak-gandon-fantaziruet/> (accessed 29.06.2021).
10. Skalička V. Asymmetrical dualism of language units. *Pražsky lingvistický kružok* [Prague Linguistic society]. Moscow, Publ., 1967, pp. 119–127. (In Russian).
11. *Soobshchestvo "Kurilka"* [The Kurilka Community]. Available at: <http://blog.i.ua/community/2998/2295348/> (accessed 29.06.2021).
12. Saussure F. de. A Course of General Linguistics. *Trudy po yazykoznaniiu* [Linguistic Studies]. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 31–273. (In Russian).
13. *Sud oshtrafoval zhitelya Kremenchuga za sravnenie Zelenskogo s francuzskim pisatelem-fantastom* [The court fined a resident of Kremenchug for comparing Zelensky with a French science fiction writer]. Available at: <https://inshe.tv/proisshestviya/2020-05-01/527215/> (accessed 29.06.2021).
14. Pospelov N. S. On the linguistic legacy of S. Kartsevsky. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of Linguistics]. 1957, no. 4, pp. 46–56. (In Russian).
15. Fragments rannih stoikov. T. 2. Hrisipp iz Sol. Ch. 1. Logicheskie i fizicheskie fragmenty // *Fragments of the early Stoics. T. 2. Chrysippus from Sol. Part 1. Logical and physical fragments /Transl. and comment. By A.A.Stolyarov. Moscow : Greco-Latin Library of Yu.A. Shichalin, 1999, 280 p. (in Russian)*
16. Gadomsky D. *Gandon kak pravovaya poziciya* [Gandon as a legal position]. Available at: <https://medium.com/dead-lawyers-society/gandon-20bb69395ecb> (accessed 29.06.2021).
17. Gramho.com. Available at: <https://gramho.com> (accessed 29.06.2021).
18. Jakobson R. O. Serge Karcevski (Aug. 28, 1884 — Nov. 7, 1955). *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 1956, vol. 14, pp. 9–13.
19. Jakobson R. Retrospect. *In Selected Writings*. The Hague, Mouton, 1962, vol. 1, *Phonological Studies*, pp. 631–658.

20. Pila Malinka. S. Karcevskij on the asymmetrical dualism of the linguistic sign. *Cahiers de linguistique et des sciences du langage (L'ILSL)*. 2011, no. 31, pp. 153–165.

21. Steiner P., Steiner W. The Relational Axes of Poetic Language. *Jan Mukařovský, On Poetic Language*. Transl. and ed. by J. Burbank and P. Steiner. Lisse, Peter Ridder Press, 1976, pp. 71–86.

22. Steiner P. In Defense of Semiotics: The Dual Asymmetry of Cultural Signs. *New Literary History*. 1981, Spring, vol. 12, no. 3, Linguistics/Language/Literature, pp. 415–435.

23. Steiner P. The Semiotics of Literary Reception. *The Structure of the Literary Process: Studies dedicated to the Memory of Felix Vodicka Edited by Peter Steiner, Miroslav Červenka and Ronald Vroon* [Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe 8]. 1982, pp. 503–520.

Информация об авторе

Золян Сурен Тигранович — доктор филологических наук, профессор, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Им. Канта; ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии Республики Армения (Ереван).

Information about the author

Zolyan, Suren — Dr. Habil., Professor (philology), Professor of the Institute for Humanities, Im. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; leading research fellow, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

*Статья поступила в редакцию 20.04.2022;
одобрена после рецензирования 25.04.2022;
принята к публикации 25.04.2022.*

*Submitted 20.04.2022;
approved after reviewing 25.04.2022;
accepted for publication 25.04.2022.*

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 23–30.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):23–30.

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.003

Уровни и межуровневая интеграция концептов в структуре категории силы в немецкой философской традиции

Валентин Николаевич Степанов

Международная Академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)
Ярославль, Россия
stepanov@mubint.ru

Аннотация. Предметом исследования в данной статье является категория силы в немецкой философской традиции как концептуальная структура интегративной природы. Концепты в составе категории силы передают нестереотипное знание как результат интеграции концептов или концептуальных областей (многоаспектное знание) в единую концептуальную структуру. К иерархически упорядоченным уровням категории силы в данной работе относятся базовый (или срединный), суперординатный и субординатный. К суперординатному уровню категории силы в немецкой философской традиции относится целый ряд концептов, выявленных в ходе исследования текстов классической немецкой философии и текстов, созданных в ее рамках: *Vermögen, Fähigkeit, δύναμις, Bestrebung, Bewegung, Kausalität, Einzige, Lebensprinzip, Substanz, Potenz*. К базовому уровню категории силы в немецкой философской традиции относятся концепты *Kraft, Geist, Genie, Macht, Stärke, Gewalt, Herrschaft, Einfluß*, к субординатному — концепты *Autorität, Gewalt, Herrschaft, Zwang*. Особый исследовательский интерес вызывают случаи межуровневой интеграции концептов, например, „Macht“ и „Gewalt“, „Gewalt“ и „Herrschaft“, „Zwang“ и „Gewalt“.

Ключевые слова: категория, концепт, сила, *Vermögen, Fähigkeit, δύναμις, Bestrebung, Bewegung, Kausalität, Einzige, Lebensprinzip, Substanz, Potenz, Kraft, Geist, Genie, Macht, Stärke, Gewalt, Herrschaft, Einfluß, Autorität, Gewalt, Herrschaft, Zwang*.

Для цитирования: Степанов В. Н. Уровни и межуровневая интеграция концептов в структуре категории силы в немецкой философской традиции // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 23–30. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.003.

Original article

The Levels of Concepts and their Interlevel Integration within the Category of „Kraft“ („Force“) in the German Philosophical Tradition

Valentin N. Stepanov

International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT),
Yaroslavl, Russia
stepanovVN@edu.mubint.ru

Abstract. The focus of the author's research in this paper is the category of "Might" in the German philosophical tradition as a conceptual structure of integrative nature. The concepts composing the conceptual sphere of "Might" render non-stereotypical knowledge, obtainable as the result of integrating separate concepts or conceptual areas (multifold knowledge) into a unified conceptual structure. Thence the hierarchy of levels on which the category of "Might" is treated in the paper: the basic (or middle) level, the superordinate and the subordinate levels. The superordinate level of "Might" in the German philosophical tradition encompasses a number of concepts that revealed themselves, as research went on, in the classics of German philosophy as well as in other texts written within the frames of this philosophical tradition, namely: *Vermögen, Fähigkeit, δύναμις, Bestrebung, Bewegung, Kausalität, Einzige, Lebensprinzip, Substanz, Potenz*. The basic level of "Might" as a philosophical category embraces the concepts of *Kraft, Geist, Genie, Macht, Stärke, Gewalt, Herrschaft, Einfluß*. The subordinate level of this category in the German philosophical tradition includes the concepts of *Autorität, Gewalt, Herrschaft, Zwang*. Of special interest is the interlevel integration of concepts observed, for instance, in "Macht" and "Gewalt", "Gewalt" and "Herrschaft", "Zwang" and "Gewalt".

Keywords: category, concept, Might, Vermögen, Fähigkeit, δύναμις, Bestrebung, Bewegung, Kausalität, Einzige, Lebensprinzip, Substanz, Potenz, Kraft, Geist, Genie, Macht, Stärke, Gewalt, Herrschaft, Einfluß, Autorität, Gewalt, Herrschaft, Zwang.

For citation: Stepanov V. N. The Levels of Concepts and their Interlevel Integration within the Category of „Kraft“ (“Force”) in the German Philosophical Tradition). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61):23–30. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.003.

Введение

В философии категории связывают с понятиями: фундаментальное понятие — родовой признак категории. Такие фундаментальные понятия отражают «наиболее существенные связи и отношения реальной действительности и познания» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 254], представляют собой «формы и организующий принцип процесса мышления» и являются «важнейшими элементами мировоззрения людей» [Там же]. Таким образом, «в категориальной форме конденсируется опыт не только познания, но и практической деятельности людей, их культуры» [Там же].

В лингвистике категориями, с одной стороны, называют группу языковых элементов, которые выделяются на основе общего свойства. С другой стороны, категория — это классификационный признак, или параметр, «который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 215].

С точки зрения познавательной деятельности, как отмечает Н. Н. Болдырев, с помощью категоризации и концептуализации описываются познавательная деятельность (когниция) и когнитивные способности человека, помогающие ему ориентироваться в мире на основе полученных знаний. «И концептуализация и категоризация, — отмечает исследователь, — представляют собой классификационную деятельность» [Болдырев, 2014, с. 37]. По словам Н. Н. Болдырева, «Категоризация — это деление мира на категории, т. е. выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов)» [Там же]. При этом содержание концептов, по наблюдению исследователя, лишь частично может быть выявлено через средства их репрезентации в языке [Там же, с. 51].

Исследователь выделяет четыре основные типологии концептов — содержательную, структурную, репрезентативную и функциональную [Болдырев, 2014, с. 52]. Первая предполагает дифференциацию концептов по тематическим областям знания. Во второй учитываются структура и степень абстракции концептов, на основе чего выделяются, например, конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозициональные структуры, фреймы, сценарии (скрипты), гештальты, категории, когнитивные матрицы и т. д. По способам репрезентации в языке в рамках репрезентационной типологии выделяются концепты фонологические, лексические, фразеологические, ономаσιологические, словообразовательные, лексико-грамматические, грамматические (морфологические и синтаксические), текстовые, сверхтекстовые и т. п. По функциональной нагрузке концепты можно разделить в рамках четвертой типологии на тематические и операциональные (смыслы).

Категории Н. Н. Болдырев считает концептуальными структурами и относит к видам концептуально-сложного формата знаний (наравне с пропозициями, фреймами, сценариями, гештальтами, когнитивными матрицами). К главному отличию фреймов, сценариев и пропозиций, с одной стороны, а с другой — гештальтов и категорий, исследователь относит то, что последние передают нестереотипное знание как результат интеграции концептов или концептуальных областей (многоаспектное знание) в единую концептуальную структуру, что позволяет считать гештальты и категории интегративными структурами [Болдырев, 2014, с. 53–54].

Таким образом, категория в своей структуре интегрирует, во-первых, знание общего концепта, который служит основанием для объединения различных концептов, во-вторых, знание самих этих объектов, в-третьих, знание принципов их объединения, организации в категорию [Болдырев, 2014, с. 56].

Н. Н. Болдырев выделяет три иерархически упорядоченных уровня категоризации в ее вертикальном аспекте: базовый (или срединный), суперординатный и субординатный. «Горизонтальный аспект категоризации, — по словам исследователя, — предполагает, что тот или иной объект в обязательном порядке должен быть отнесен к определенной категории одного и того же уровня обобщения» [Болдырев, 2014, с. 132].

Исследование

1. Суперординатный уровень категории силы

К суперординатному уровню категории силы в немецкой философской традиции относится целый ряд концептов, выявленных в ходе исследования текстов классической немецкой философии и текстов, созданных в ее русле: *Vermögen*, *Fähigkeit*, *δύναμις*, *Bestrebung*, *Bewegung*, *Materie*, *Kausalität*, *Einziges*, *Lebensprinzip*, *Substanz*, *Potenz*.

В словаре Аделунга сила классифицируется как *основание для изменений* в предмете вещного мира, не только *способность и умение*, обуславливающие эти изменения, но и *стремление к изменениям*: „der Grund gewisser Veränderungen in einem Dinge; wozu also nicht nur das Vermögen und die Fähigkeit gehört, solche Veränderungen zu verursachen, sondern auch das Bestreben darnach“ [Adelung]. В словаре братьев Гримм в качестве синонима силы приводится греческое слово *δύναμις* [Deutsches Wörterbuch ...].

Гумбольдт объясняет силу как *стремление* (die Bestrebung) сохранить движение, но не само это движение: „die Bestrebung, eine gewisse Bewegung zu erhalten und nicht diese Bewegung selbst“ [Wilhelm von Humboldts ... , 1904, S. 332].

Как движение (Bewegung) силу (Kraft) определяет Гегель [Hegel, 1987, S. 106], для которого сила (Kraft) — это расширение свободной материи в ее бытии, ее проявление; она как сокрытие того, что в своем проявлении возвращается в себя, — собственно сила: „nämlich sie als Ausbreitung der selbstständigen Materien in ihrem Sein, ist ihre Äußerung; sie aber als das Verschwundensein derselben ist die in sich aus ihrer Äußerung zurückgedrängte, oder die eigentliche Kraft“ [Ibid.].

Кант относит силу (Kraft) к видам *Единого* и указывает в качестве ее родового признака *причинность* материи (субстанции): „Unter die verschiedenen Arten von Einheit nach Begriffen des Verstandes gehört auch die der Kausalität einer Substanz, welche Kraft genannt wird“ [Kant, 1974, S. 568]. *Основной силой* (Grundkraft) Кант называет разные проявления одной и той же силы: „verschiedene Äußerungen einer und derselben Kraft, welche (komparativ) ihre Grundkraft heißen kann“ [Ibid., S. 569].

В самостоятельную философскую категорию выделяет силу (Kraft) исследователь научного наследия Гегеля Ренате Васнер и определяет ее как соединение проявлений или множество *Единоличного* и выражение того, что представляет собой вещь исключительно в ее собственном проявлении: „sie ist der Ausdruck dafür das Ding das, was es ist, gar nicht anders offenbaren kann als darin, wie es sich verhält“ [Hegel-Lexikon, 2006, S. 287–288].

Штейнталь характеризует силу как свободно развивающееся *жизненное начало*: „das innere, sich in seiner Fülle frei entwickelnde Lebensprinzip“ [Steinthal, 1971, S. 39].

Социолог Никлас Луман в XX веке отметил существование специальных «диспозиционных понятий» („Dispositionsbegriffe“), к которым относил и *силу* (Kraft), но помимо ее — *способность* (Fähigkeit) и *потенцию* (Potenz) [Luhmann, 2012, S. 40]. Суть этих диспозиционных понятий заключается, по-видимому, в их роли понятий суперординатного (высшего) уровня для понятийных классов.

2. Базовый уровень категории силы

К базовому уровню категории силы в немецкой философской традиции относится целый ряд концептов: *Kraft*, *Geist*, *Genie*, *Macht*, *Stärke*, *Gewalt*, *Herrschaft*, *Einfluß*. Их родовые признаки определяются концептами суперординатного уровня.

Для обозначения сверхличностных сущностей Гумбольдт часто с одинаковой референцией использует слова „Kraft“ и „Geist“, например, это касается «силы пуруша» („Purusha-Kraft“). Единственный пример персонификации силы через имя первочеловека Пуруши представлен в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, который дает характеристику силы Пуруши („die Purusha-Kraft“) как высшего, вечного, божественного, древнего, первоначального, абсолютного *духа*: „...der höchste, der ewige, göttliche, der uralte, der ursprüngliche, allein auch absolut, als der Geist“ [Wilhelm von

Humboldts ... , 1906, S. 214]. *Бога* Гумбольдта представляет как всякий одушевляющий дух: „Gott ist eigentlich der jeden beseelende Geist“ [Ibid., S. 204].

В «Феноменологии духа» Гегель предсцирует *дух* и *материю* („die Substanz überhaupt der Geist ist“ [Hegel, 1987, S. 26]). Характеристики духа представлены им через другие сущности суперординатного уровня, например, с помощью категорий *Сущего* и *сознания*: „Das an- und fürsichseiende Wesen aber, welches sich zugleich als Bewußtsein wirklich und sich sich selbst vorstellt, ist der Geist“ [Ibid., S. 310]; „Der Geist ist also Bewußtsein überhaupt“ [Ibid., S. 312]. *Сущее*, по мнению Гегеля, в качестве духа абсолютно реально: „Der Geist ist hiermit das sich selbst tragende absolute reale Wesen“ [Ibid., S. 311].

Концепт базового уровня „Genie“ может выступать в роли субъекта *силы* (*Kraft*) и *власти* (*Macht*): „Kraft des Genies“, „Macht des Genies“. В истории политических идей от Канта идет традиция определять концепт базового уровня „Macht“ через *потенцию*, *способность* („Potenz“, концепт суперординатного уровня). Так, в «Основах метафизики нравственности» („Die Metaphysik der Sitten“) Кант определяет государство (*Staat*) как просто власть: „eine Macht (potenzia) schlechthin“ [Kant, 1989, S. 429].

Концепт „Macht“ («сила, мощь, власть, влияние») Кантом определяется с помощью концепта суперординатного уровня *способность* (*Vermögen*): „Macht ist ein Vermögen, welches großen Hindernissen überlegen ist“ [Kant, 1974, S. 184].

В отношении „Macht“ («власть») Кант вводит идею *меры* („dem großen Maßstabe ihrer Macht“ [Ibid., S. 190]), атрибутирует другие концепты базового уровня категории силы, например, *насилие* (*Gewalt*) он рассматривает как «закономерное» („gesetzmäßige“) и являющееся «деятельностью» („Gewalttätigkeit“) [Ibid., S. 391]. Концепт базового уровня *господство* (*Herrschaft*) Кант полностью связывает с концептами *насилие* (*Gewalt*) и *разум* („Vernunft“): „in welcher die Vernunft allein Gewalt haben soll“ [Ibid., S. 392].

Определение разума (*Vernunft*) в работах Райнера Форста раскрывается через понятие *силы* (*Kraft*). По мнению исследователя, разум — это *способность* (*Fähigkeit*) и *сила* (*Kraft*), которые «связывают» нас нормами, соединяют нас между собой в свете принципов и ценностей: „Die Vernunft... die Fähigkeit und die Kraft, die uns normativ bindet — sie verbindet uns mit anderen in Lichte von Prinzipien und Werten, die sie rechtfertigend prüft“ [Forst, 2015, S. 38].

В своих размышлениях о силе (*Kraft*) Ханна Арендт подчеркивает, что слово „Kraft“ в немецком языке синонимично „Stärke“, в специальной речи оно обозначает «силы природы» („Naturkräfte“), а в переносном смысле указывает на физическое или общественное *движение* квантов энергии: „um dann metaphorisch überall da verwandt zu werden, wo physische oder gesellschaftliche Bewegungen bestimmte Energiequanten erzeugen“ [Arendt, 1970, S. 45]. В трудах Фридриха Энгельса *насилие* (*Gewalt*) определяется через понятие «ускоренной силы» („beschleunigende Kraft“) [Ibid., S. 13].

Контексты употребления концепта „Einfluß“ в работах Никласа Лумана позволяют отметить по отдельным характеристикам аналогии между *воздействием* („reziproker Einfluß“ [Luhmann, 2012, S. 122]) и *властью* („reziproke Macht“ [Ibid.]), *воздействием* и *репутацией* („...die kognitiven Zusammenhänge zwischen Art der Reputation und Einfluß auf Meinungen“ [Ibid., S. 147]). В трудах Макса Вебера на одной странице можно встретить коррелирующие синтаксически параллельные высказывания, что позволяет считать базовые концепты категории силы — *силу* (*Kraft*) и *воздействие* (*Einfluß*) — аналогичными сущностями.

Сравнивая феномены *воздействия* (*Einfluß*) и *власти* (*Macht*) с когнитивной точки зрения, Райнер Форст утверждает, что воздействие, в отличие от власти, может быть ненамеренным: „...von ‘Einfluß’ und nicht von ‘Macht’ zu sprechen, da hierbei Personen nicht intentional Macht über andere ausüben“ [Forst, 2015, S. 71]. В определении *власти* (*Macht*) исследователь использует понятия *воздействия* и *влияния* (*Einfluß*, *beeinflussen*), когда некто думает (*denkt*) или ведет себя (*handelt*) определенным образом в ответ на воздействие со стороны другого, созданные им условия для воздействия; исследователь отмечает интенциональный, целенаправленный характер власти в качестве ее обязательного признака, что и отличает *власть* (*Macht*) от (*воздействия* (*Wirkung*): „Nennen wir Macht generell das Vermögen von A, den Raum der Gründe für B so zu beeinflussen, dass B auf eine Weise denkt oder handelt, die auf A’s Einfluss zurückgeht, der intentionaler Natur sein muss, sonst spräche man nur von Wirkung und nicht von Macht“ [Ibid., S. 97].

3. Субординатный уровень категории силы

К субординатному уровню категории силы в немецкой философской традиции относится целый ряд концептов: *Autorität*, *Gewalt*, *Herrschaft*, *Zwang*. Среди их родовых признаков встречаются концепты базового уровня.

К родовым характеристикам *авторитета* (*Autorität*) относится концепт базового уровня „Einfluß“ (воздействие): „*Autorität, Reputation und Führung sind mithin richtungsmäßig unterscheidbare, aber durchaus kompatible Motivgeneralisierungen für die Annahme von Einfluß*“ [Luhmann, 2012, S. 84].

Немецкий социолог Генрих Попитц относит концепт субординатного уровня „*Gewalt*“ (*насилие*) к основным формам *власти* „*Macht*“ („*Grundformen von Macht*“), концепта базового уровня, и полагает физическую *силу* типичным примером первой формы — «*деятельная власть*» („*Aktionsmacht*“) [Popitz, 1992, S. 24, 26, 108, 114, 179–180]. Никлас Луман, правда, считает наоборот: физическое *насилие* не является *властью* („*physische Gewalt nicht Macht sein*“) [Luhmann, 2012, S. 74].

Концепт субординатного уровня „*Herrschaft*“ (*господство*) Арендт определяет через родовой признак, относящийся к базовому уровню „*Macht*“ (*власть*): „...*dass Herrschaft eine besondere Form von Macht ist. Sie institutionalisierte, verfestigte Macht*“ [Arendt, 2015, S. 120]. Более того, процесс институционализации *власти* сам ведет к *господству* (*Herrschaft*): „*nämlich der einer Institutionalisierung von Macht zu Herrschaft*“ [Ibid., S. 84].

Некоторые исследователи выводят *принуждение* („*Zwang*“) из *власти* („*Macht*“), рассматривая его как ее разновидность. Такое представление о принуждении зафиксировано в словаре братьев Гримм, примечательно, что объектом принуждения в этом случае тоже выступает *власть* (*Macht*): „*der von einer macht über eine andere*“ [Deutsches Wörterbuch ...].

К специфическим формам *власти* (*Macht*) в трудах Райнера Форста относятся *принуждение* (*Zwang*), *господство* (*Herrschaft*) и *господство* („*Beherrschung*“): „*spezifischere Formen der Macht wie Herrschaft oder Zwang oder Beherrschung*“ [Forst, 2015, S. 59].

4. Интеграция концептов в рамках категории силы

Особый исследовательский интерес вызывают случаи межуровневой интеграции концептов, например, „*Macht*“ и „*Gewalt*“, „*Gewalt*“ и „*Herrschaft*“, „*Zwang*“ и „*Gewalt*“. Это зависит от индивидуальных особенностей авторских воззрений, с одной стороны, и естественного процесса знаковой асимметрии — с другой.

У Ханны Арендт находим иной список смежных понятий — *Macht* (*власть*), *Stärke* (*сила*), *Kraft* (*сила*), *Autorität* (*авторитет*), *Gewalt* (*сила*). С ее точки зрения, они сходны в том, что все эти лексические единицы обозначают средства, служащие для утверждения господства одной личности над другими. Ввиду идентичности их функции эти единицы, по мнению Х. Арендт, используются как синонимы: „*Macht, Stärke, Kraft, Autorität, Gewalt — all diese Worte bezeichnen nur die Mittel, deren Menschen sich jeweils bedienen, um über andere zu herrschen; man kann sie synonym brauchen, weil sie alle gleiche Funktion haben*“ [Arendt, 2015, S. 45]. Позиционно именно *сила* (*Stärke*) стоит ближе всех в этом синонимическом ряду к *насилию* (*Gewalt*), все средства силы инструментальны и служат тому, чтобы человеческие силы, как органические «инструменты», преумножать: „*Gewalt schließlich ist <...> durch ihren instrumentalen Charakter gekennzeichnet. Sie steht dem Phänomen der Stärke am nächsten, da die Gewaltmittel, wie alle Werkzeuge, dazu dienen, menschliche Stärke bzw. die der organischen 'Werkzeuge' zu vervielfachen...*“ [Ibid., S. 47].

Тереза Колома Бек и Клаус Шлихте подчеркивают генетическую связь *власти* (*Macht*) с *насилием* (*Gewalt*): *насилие* для них — это *власть*, которая в конечном счете обозначает человеческую способность („*Gewalt ist Macht, weil sie letztlich ein menschliches Vermögen bezeichnet*“) [Koloma Beck, Schlichte, 2014, S. 117].

В метааналитическом исследовании Ханны Арендт об аспектах соотношения *насилия* и *власти* („*Macht-Gewalt-Problematik*“) описываются два устоявшиеся противоположные представления об отношениях *насилия* (*Gewalt*) и *власти* (*Macht*): *насилие* рассматривается, с одной стороны, как очевидная манифестация *власти* („*Gewalt als die eklatanteste Manifestation von Macht*“), а с другой — как *власть* и разновидность «*мягкой силы*» („*Macht als eine Art gemilderter Gewalt*“) [Arendt, 2015, S. 39].

Тереза Колома Бек и Клаус Шлихте, анализируя «государственное (монопольное) господство» („*staatliche Herrschaft*“) на современном этапе его развития, подчеркивают, что его характеризует

законное использование «физического насилия» („physische Gewalt“) [Koloma Beck, Schlichte, 2014, S.44], и в этом утверждении опираются на исконное юридическое понимание „Gewalt“ как «силы» (лат. „potestas“), утвердившееся в трудах Георга Йеллинека [Jellinek, 1900] в виде «силы государства» („Staatsgewalt“). *Сила* и законное политическое *господство* пользуются средствами *насилия*, что позволяет исследователям сближать понятия «господство» (Herrschaft) и «сила» (Gewalt): „Dass Staaten auch gewaltsam agieren und dass auch die legitimste politische Herrschaft immer auf Gewaltmaßnahmen zurückgegriffen hat, all dies hat den Herrschaftsbegriff in die Nähe der Gewalt gerückt“ [Koloma Beck, Schlichte, 2014, S. 42].

Значение *принуждения* (Zwang) зафиксировано в словаре братьев Гримм как архаичное, существовавшее ранее представление о *насилии* (Gewalt), что приводит к отождествлению этих явлений с очевидными признаками «первородства», гиперонимии *насилия* (Gewalt): „herrschend war bes. in früherer zeit vorstellung der gewalt“; „gewalt geschicht durch zw. oder uberreden“ [Deutsches Wörterbuch ...].

Принуждение (Zwang) в словаре Аделунга трактуется как гипероним, инструментом которого выступает *насилие* (Gewalt): „Der Zustand, da man die freyen Handlungen anderer durch Gewalt, oder Vorstellung der Strafübel einschränket“; „der Zustand, da jemandes freye Handlungen durch äußere Gewalt eingeschränket werden“ [Johann Christoph Adelung]. В качестве иллюстрации такого рода принуждения «через насилие» в словаре используется «*принуждение закона*» („Zwang des Gesetzes“ [Ibid.]).

Аналогичную позицию занимает Никлас Луман. *Насилие* (Gewalt), по мнению исследователя, используется в качестве разновидности (гипонима) *принуждения* (Zwang) и «запускается» через него, именно оно – *принуждение* – ведет к *насилию*: „Auch gegenüber überlegener Gewalt kann unter Ausnutzung dieser Möglichkeit eine bestimmter Art von Zwang ausgeübt werden – nämlich der Zwang, die Gewalt tatsächlich anzuwenden“ [Luhmann, 2012, S. 144].

Принуждение (Zwang) в работах Терезы Колома Бек и Клауса Шлихте представлено как родовое понятие, лежащее в основе *насилия* (Gewalt). Исследователи подчеркивают, что принуждение способствует определению границ альтернативных способов поведения или использованию физических средств: „In allen Kontexten, in denen die Androhung von Gewalt dazu dient, das potenzielle Opfer zu einer bestimmten Handlung zu bewegen oder davon abzubringen, ist der Begriff des Zwangs zur Beschreibung der Phänomene geeigneter. Denn neben der Gewaltdrohung sind noch weitaus mehr Formen vom Zwang vorstellbar und zu beobachten. So ist Zwang beispielweise auch durch die Begrenzung von Handlungsalternativen möglich oder durch die Ausnutzung psychischer Mechanismen“ [Koloma Beck, Schlichte, 2014, S. 41].

Заключение

В заключение необходимо отметить, что категория силы в немецкой философской традиции является концептуальной структурой интегративной природы. Концепты в составе категории силы передают нестереотипное знание как результат интеграции концептов или концептуальных областей (многоаспектное знание) в единую концептуальную структуру.

В своей структуре категория силы интегрирует, во-первых, знание общего концепта, который служит основанием для объединения различных концептов, во-вторых, знание самих этих объектов, в-третьих, знание принципов их объединения, организации в категорию.

К иерархически упорядоченным уровням категории силы относятся базовый (или срединный), суперординатный и субординатный. К суперординатному уровню категории силы в немецкой философской традиции относится целый ряд концептов, выявленных в ходе исследования текстов классической немецкой философии и текстов, созданных в ее рамках: Vermögen, Fähigkeit, δύναμις, Bestrebung, Bewegung, Kausalität, Einzige, Lebensprinzip, Substanz, Potenz. К базовому уровню категории силы в немецкой философской традиции относится целый ряд концептов: Kraft, Geist, Genie, Macht, Stärke, Gewalt, Herrschaft, Einfluß. К их родовым признакам принадлежат концепты суперординатного уровня. Наконец, к субординатному уровню категории силы в немецкой философской традиции относятся концепты Autorität, Gewalt, Herrschaft, Zwang. Среди их родовых признаков используются концепты базового уровня.

Особый исследовательский интерес вызывают случаи *межуровневой* интеграции концептов, например, „Macht“ и „Gewalt“, „Gewalt“ и „Herrschaft“, „Zwang“ и „Gewalt“.

Список источников

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энцикл., 1990. — 682 с.
3. Степанов В. Н. Смысл силы: очерки немецкой философской традиции. — Ярославль : Междунар. акад. бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2016. — 160 с.
4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. — М. : Сов. энцикл., 1983. — 839 с.
5. Adelung Johann Christoph. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der oberdeutschen. Zweyte, vermehrte und verbesserte Ausgabe. — Leipzig, 1793–1801. — URL : <http://www.woerterbuchnetz.de/> (дата обращения: 15.03.2022).
6. Arendt Hannah. Macht und Gewalt. — München : Piper, 2015. — 136 S.
7. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. — 16 Bde. — in 32 Teilbänden. — Leipzig, 1854–1961. — URL : <http://woerterbuchnetz.de> (дата обращения: 15.03.2022).
8. Forst Rainer. Normativität und Macht. Zur Analyse sozialer Rechtfertigungsordnungen. — 1. Aufl. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015. — 254 S.
9. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Phänomenologie des Geistes / Nachwort von Lorenz Bruno Puntel. — Stuttgart : Reclam, 1987. — 597 S.
10. Jellinek Georg. Allgemeine Staatslehre. — Berlin : Häring, 1900. — 726 S.
11. Hegel-Lexikon / Hrsg. Von Paul Cobben, Paul Cruysberghs, Peter Jonkers und Du De Vos. — Darmstadt : Wiss. Buchges., 2006. — 552 S.
12. Kant Immanuel. Die Metaphysik der Sitten. — Werkausgabe. — Bd. 8. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. — 885 S.
13. Kant Immanuel. Kritik der reinen Vernunft / Hrsg. Von Wilhelm Weischedel. — Bd. 2. — Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. — 724 S.
14. Kant Immanuel. Kritik der Urteilskraft / Hrsg. Von Wilhelm Weischedel. — Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. — 468 S.
15. Koloma Beck Teresa, Schlichte Klaus. Theorien der Gewalt zur Einführung. — Hamburg : Junius, 2014. — 187 S.
16. Luhmann Niklas. Macht. — 4. Aufl. — Konstanz : UVK Verl.-Ges., München : UVK/Lucius, 2012. — 177 S.
17. Popitz, Heinrich. Phänomene der Macht. — 2. Aufl. — Tübingen : Mohr, 1992. — 279 S.
18. Steinthal Heymann. Die Sprachwissenschaft Wilhelm v[on] Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie / Heymann Steinthal. 2. Nachdruckaufl. d. Ausg. Berlin 1848. — Hildesheim [u. a.] : Olms, 1985 = 1848. — 170 S.
19. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Berlin : Behr. — Bd. 2: 1796–1799. — 1904. — 407 S. ; Bd. 5: 1823–1826. — 1906. — 481 S.

References

1. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku : kurs lekcij* [Cognitive Semantics Introduction to Cognitive Linguistics]. Tambov, Tambov State University Press Publ., 2014, 336 p. (In Russian).
2. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Editor-in-chief V. N. Yartseva. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990, 682 p. (In Russian).
3. Stepanov V. N. *Smysl sily: Oчерki nemeckoj filosofskoj tradicii* [The Sense of Power: Studies in the German Philosophical Tradition]. Yaroslavl', International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT) Press Publ., 2016, 160 p. (In Russian).
4. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Philosophy]. Editor-in-chief L. F. Ilyichev. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1983, 839 p. (In Russian).
5. Adelung Johann Christoph. *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der oberdeutschen*. Zweyte, vermehrte und verbesserte Ausgabe. Leipzig, 1793–1801. Available at: <http://www.woerterbuchnetz.de/> (accessed 15.03.2022). (In German).
6. Arendt Hannah. *Macht und Gewalt*. München. Piper, 2015, 136 S. (In German).
7. *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854–1961. Available at: <http://woerterbuchnetz.de> (accessed 15.03.2022). (In German).
8. Forst Rainer. *Normativität und Macht*. Zur Analyse sozialer Rechtfertigungsordnungen. 1. Aufl. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2015, 254 S. (In German).

9. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *Phänomenologie des Geistes*. Nachwort von Lorenz Bruno Puntel. Stuttgart, Reclam, 1987, 597 S. (In German).
10. Jellinek Georg. *Allgemeine Staatslehre*. Berlin, Häring, 1900, 726 S. (In German).
11. *Hegel-Lexikon*. Hrsg. Von Paul Cobben, Paul Cruysberghs, Peter Jonkers und Du De Vos. Darmstadt, Wiss. Buchges., 2006, 552 S. (In German).
12. Kant Immanuel. *Die Metaphysik der Sitten*. Werkausgabe Bd. 8. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1989, 885 S. (In German).
13. Kant Immanuel. *Kritik der reinen Vernunft*. Hrsg. Von Wilhelm Weischedel. Bd. 2. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974, 724 S. (In German).
14. Kant Immanuel. *Kritik der Urteilskraft*. Hrsg. Von Wilhelm Weischedel. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974, 468 S. (In German).
15. Koloma Beck Teresa, Schlichte Klaus. *Theorien der Gewalt zur Einführung*. Hamburg, Junius, 2014, 187 S. (In German).
16. Luhmann Niklas. *Macht*. 4. Aufl. Konstanz, UVK Verl.-Ges., München, UVK/Lucius, 2012, 177 S. (In German).
17. Popitz Heinrich. *Phänomene der Macht*. 2. Aufl. Tübingen, Mohr, 1992, 279 S. (In German).
18. Steinthal Heymann. *Die Sprachwissenschaft Wilhelm v[on] Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie*. Heymann Steinthal. 2. Nachdruckaufl. d. Ausg. Berlin 1848. Hildesheim [u. a.], Olms, 1985 = 1848, 170 S. (In German).
19. *Wilhelm von Humboldts gesammelte Schrifte*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, Behr, Bd. 2: 1796–1799, 1904, 407 S., Bd. 5: 1823–1826, 1906, 481 S. (In German).

Информация об авторе

Степанов Валентин Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, проректор по управлению знаниями Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ).

Information about the author

Stepanov, Valentin — Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation, Deputy Rector for Knowledge Management, International University of Business and New Technologies (MUBiNT).

*Статья поступила в редакцию 15.04.2022;
одобрена после рецензирования 22.04.2022;
принята к публикации 22.04.2022.*

*Submitted 15.04.2022;
approved after reviewing 22.04.2022;
accepted for publication 22.04.2022.*

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 31–40.

Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):31–40.

Научная статья

УДК 81.23

DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.004

Динамика концепта *ЧЕЛОВЕК ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА* в американском институциональном дискурсе

Ольга Геннадьевна Чупрына

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

chuprinaog@mgpu.ru

Аннотация. Целью представленного исследования является установление хронологически последовательных изменений в языковой концептуализации представлений о человеке пожилого возраста в американском институциональном дискурсе. Материалом исследования послужили тексты посланий американских президентов Конгрессу США 1908–1920 годов, официальные документы о пожилых людях общественных комитетов и комитетов Сената США за 1965, 2006 и 2019 годы. Тексты подвергались контент-анализу. Использован когнитивно-матричный подход. Установлены динамически меняющиеся когнитивные контексты EFFICIENCY, GOVERNMENT, JUSTICE, RIGHTS, HEALTH, ABUSE и подтверждена смысловая динамичность ядра матрицы. Результаты исследования раскрывают теоретические основы изучения различных форматов знания, имеющих языковую репрезентацию. Материал исследования, содержащиеся в работе, могут найти применение в курсах по дискурсивным практикам и дискурс-анализу, реализуемых на уровне магистратуры и аспирантуры.

Ключевые слова: когнитивно-матричный подход, когнитивный контекст, концепт, человек пожилого возраста, американский институциональный дискурс.

Для цитирования: Чупрына О. Г. Динамика концепта *ЧЕЛОВЕК ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА* в американском институциональном дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 31–40. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.004.

Original article

Dynamics of the Concept *ELDERLY PERSON* in American Institutional Discourse

Olga G. Chupryna

Moscow City University, Moscow, Russia

chuprinaog@mgpu.ru

Abstract. The paper addresses the problem of language and discourse representation of ageing and the aged as a social issue and cognitive phenomenon, which has been understudied so far. Knowledge about the aged being multi-faceted. Matrix analysis approach is applied to the analysis of its linguistic implementation. The study is focused on American social institutions discourse devoted to the aged during the period from 1908 to 2006. The research material are texts of American Presidents' Messages to the Senate and House of Representatives, Older Americans Acts, documents of US Senate Special Committee on Aging. Matrix analysis reveals that knowledge about the aged shaped during the first two decades of the XXth century was embedded into three cognitive contexts EFFICIENCY, GOVERNMENT, JUSTICE, by the end of the XXth — beginning of the XXIst century their number increased by another three contexts RIGHTS, HEALTH, ABUSE. In each context, meanings and senses are not rigid and vary with time. Meanings incorporated into the matrix core relate to the mental subject — the aged — and change from *too old for work, service, or a position* to *older people of our nation*. Material and research conclusions can be used in university courses on discourse practice and discourse analysis.

Keywords: cognitive matrix approach, cognitive context, concept, an elderly person, American institutional discourse.

For citation: Chupryna O. G. Dynamics of the Concept *ELDERLY PERSON* in American Institutional Discourse. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61):31–40. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.004.

Введение

«Понятие возраста является одним из тех общечеловеческих взаимосвязанных концептов, которые участвуют в концептуальном членении и организации сфер мировосприятия и жизнедеятельности человека» [Митев, 2012, с. 52]. Возраст как концепт неоднозначен, его осмысление и понимание значений языковых форм, отображающих знание о возрасте, «требуют обращения к нескольким концептуальным областям» [Болдырев, 2021, с. 57]. Данный концепт относится к модусным, или интерпретирующим концептам [Там же, с. 158], оценочный характер которого проявляется в оппозиции *молодой* — *старый*. Он не имеет жестких границ: один и тот же объект мысли — некоторый возраст — может быть оценен как небольшой и как значительный [Чупрына, 2020а]. *Старый человек* является маркированным членом этой оппозиции, его ключевыми маркерами выступают смыслы девиантности, физической и умственной слабости [Лассан, 2019], которые «формализуются в смысловых языковых выражениях путем темпоральной коннотации» [Демидов, 2005, с. 23].

Впервые «задача описания пожилого человека как социального типа и коммуниканта» была решена в обширном исследовании «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование» [Бутова, Гуц, Орлова [и др.], 2020, с. 7]. Языковое конструирование «возраста дожития» (в английском варианте — «возраст взросления!») [Лассан, 2019, с. 906] и социального взаимодействия пожилого человека с отдельными индивидами и обществом в целом происходит как в институциональном, так и в обыденном дискурсах. В целом в лингвистике проблема пожилого человека и отношения к нему «до сих пор не нашла достаточного освещения... — на лингвокогнитивном уровне не показана реализация... положения вещей» [Там же, с. 907]. Проблема представленного исследования заключается в изучении динамики языковой концептуализации и последующей репрезентации пожилого человека в американской языковой картине мира и институциональном дискурсе в период с начала XX века по начало XXI века.

Когнитивно-матричный анализ, предложенный и разработанный Н. Н. Болдыревым, оказывается оптимальным способом изучения концепта *человек пожилого возраста*, поскольку позволяет обнаружить интегративные связи внутри самого концепта как многоаспектного знания и установить языковые средства его реализации. Объектом мысли и ядром в рассматриваемой матрице является *человек пожилого возраста*. Приядерную зону матрицы образуют когнитивные контексты, в которых актуализируются коллективные и индивидуальные мнения об этом объекте. Лексические единицы, кодифицированные в английском языке, называют явления, которые были установлены в результате коллективного опыта старения и старости, но они не всегда отражают субъективные, социально и культурно подвижные стороны этого опыта. Например, одним из основных значений адъектива *old*, отражающим знание о возрасте, является *not young*. В разных когнитивных контекстах значение языковой единицы *not young* не всегда равняется значению *old* [Чупрына, 2020а]. Сопоставление древнеанглийского слова *eald* («старый») и адъектива *old* в современном английском языке демонстрирует очевидные различия как в их значениях, так и в порождаемых ими смыслах [Чупрына, 2020б].

В США представления о пожилom человеке как социальной проблеме особенно интенсивно развивались в период, начиная с 1900-х годов, и, как результат этого процесса, менялись когнитивные контексты их бытования и языковые единицы их репрезентации.

Обсуждение

Когнитивным фоном значений и смыслов, которые характерны для языковых единиц, репрезентирующих формирующийся в начале XX века в американском обществе взгляд на старость и старого человека, был прагматизм. В культурно-исторической парадигме американского общества того времени прагматизм оказывал влияние как на научную мысль, так и на организацию всех других видов деятельности. Квинтэссенция американского прагматизма заключается в поисках и получении необходимых средств и инструментов для решения насущных проблем. Л. М. Миллер пишет, что, как только проблема определена, соответствующие социальные институты начинают поиск решения, которое приведет проблемную ситуацию к желаемому разрешению (*“initiate a process of inquiry that links the problematic situation to a desired end”*) [Miller, 2020, p. 72]. Прагматический код в американской картине мира приобретает функцию социальных координат, становится

... Балтимора и Огайо. Цель этих планов была далека от филантропических и за-
... в обеспечении непрерывности производства или предоставления услуг. С их помощью
... решить задачу привлечения квалифицированных работников перспективой обеспечен-
ной старости и успешного вытеснения «износившейся» рабочей силы из производственного про-
цесса [Social Security History]. В 1906 году Э. Карнеги учредил фонд Carnegie Foundation for the
Advancement of Teaching (CFAT), в задачи которого входило предоставление пенсий профессорам
и преподавателям университетов. Пенсионная программа этого фонда также имела важную соци-
альную цель: создать условия для мобильности профессорско-преподавательского состава и тем
самым распространить стандарты обучения специалистов, необходимых для поступательного раз-
вития промышленности, на всю страну [Carnegie Foundation ...].

Проблема старости и старения в начале XX века рассматривалась в американском институ-
циональном дискурсе с точки зрения поддержания непрерывной эффективности производитель-
ных сил. Правительство и президент разделяли подобную точку зрения и выражали ее в различных
документах, направленных в первую очередь на решение вопросов старения государственных слу-
жащих. В послании президента Теодора Рузвельта Сенату в 1908 году, касавшегося установления
пенсий государственным служащим, денежное обеспечение понималось как средство улучшения
государственной службы и сокращения финансовых потерь из-за немощности (*"superannuation"*)
сотрудников. Справедливость по отношению к пожилым работникам вторична [Superannuation in
classified civil service].

Лица, представляющие органы власти (президент, председатели комитетов Сената, члены
Сената), занимали доминирующее положение в рассматриваемом институциональном дискурсе,
поскольку имели к нему непосредственный доступ. Они создали названный дискурс и сформиро-
вали социально значимые представления о старости и старом человеке, транслируемые американ-
скому обществу. Пенсионный институциональный дискурс становится сферой бытования когни-
тивных контекстов многоаспектного знания о человеке пожилого возраста.

Представление о непригодности и изношенности чего-либо в силу возраста или длительно-
го функционирования, хорошо известное из повседневной, обыденной практики, является когни-
тивным основанием ядра матрицы. Пресуппозицией в американском институциональном дискурсе
начала XX века оказывается допущение, что служащий старшего возраста исчерпал свои физиче-
ские и умственные способности. Оно отражается в деривационно связанных словах *superannuated*
(*"too old for use, work, service, or a position"* [Dictionary.com]; *"impaired or disqualified by old age"*
[Webster Dictionary] («старый, изношенный, непригодный»), *"the superannuated"* («старые люди»),
"superannuate(s)" («престарелый(е)»), *"superannuation"* («немощность, старость») ¹. Лексическая
единица *the superannuated*, репрезентирующая ядро когнитивной матрицы, получает свое «место»
«за счет установления ее многообразных связей с другими, то есть за счет вхождения в разнопла-
новые внутриязыковые и межъязыковые ряды, в результате чего лексическая единица обретает
своеобразную «голографичность»» [Устинова, 2010, с. 153].

Анализ институционального дискурса 1908–1912 годов позволяет установить когнитивные
контексты EFFICEINCY, GOVERNMENT, JUSTICE, которые образуют периферийную область
матрицы.

EFFICEINCY («эффективность») представляет собой тот когнитивный контекст, в котором
восприятие старых людей основывается на прагматическом представлении о производительности
труда, подразумевающим такие характеристики, как качество, количество, компетентность, время.

¹ В рассматриваемый период времени у слова *superannuation* развивается значение «обеспечение по старо-
сти, пенсия» (*provision for the retirement*).

затрачиваемое на выполнение определенной работы. Суждения об эффективности труда пожилых служащих строятся на их сравнении с молодыми коллегами и варьируются от утверждения равноценности труда и тех, и других до ее полного отрицания. В Послании президента Теодора Рузвельта 1908 года Сенату и Палате представителей утверждается, что пожилые служащие ничуть не более, чем молодые работники, склонны быть неэффективными (*"It is quite true that the older clerks of the service are no more likely than the younger clerks to be inefficient"*), производительность некоторых из них равноценна производительности молодых (*"the efficiency records of some of them are equal to those of the younger clerks"*), большинство из старых служащих не утрачивают свою эффективность (*"most of them... due to continued efficiency are kept in the positions of greatest trust and responsibility"*) [Superannuation in classified civil service. Message ...]. С другой стороны, такие характеристики труда людей старшего возраста, как качество, количество, компетентность, затрачиваемое время обесцениваются либо отрицаются: *incompetent (incompetent superannuated), incapacity (clerks are sometime incapacitated), inefficiency, a smaller quantity, a lower grade of work, (cannot perform) full day's work (those who have passed the age when they can perform a full day's work), impairing the efficiency*. Таким образом, проблема получает языковое означивание, а вся ситуация интерпретируется как неопределенная и связывается с переходным состоянием объекта пенсионного обеспечения. Неопределенность снимается за счет введения в рассматриваемый когнитивный контекст второго объекта — государства в лице государственной службы, на которую неэффективность пожилых клерков оказывает отрицательное воздействие. Положительная оценка производительности некоторых старых служащих вступает в противоречие с отрицательной оценкой деятельности всей государственной службы, из чего следует утверждение о неэффективности пожилых работников: *"handicap the work and the finances of the service; seriously impairing the efficiency of the entire service"* [Ibid.].

В основе когнитивного контекста GOVERNMENT («правительство») лежит представление о власти, которое выражается в противопоставлении *собственник денежных средств* (правительство) — *потребитель денежных средств* (пенсионер). Маркированным членом данной оппозиции является правительство (government), влияние обозначенной проблемы на которое в рассматриваемом контексте получает эксплицитное языковое обозначение: *loss (to the Government)* («потеря (со стороны правительства)»), *expense (to the Government)* («затраты (со стороны правительства)»), *elimination (to eliminate the superannuated, their elimination from the service)* («устранение престарелых, их увольнение со службы»), *protection (to protect the Government against the efficiency of the employee due to superannuation; save the Government from the constantly increasing loss)* («защита (защита правительства против эффективности вследствие старого возраста; спасти правительство от непрерывно растущих потерь)»), *provision (the annual payments made by the Government)* («обеспечение» (ежегодны выплаты, осуществляемые Правительством)). Правительство как владелец денежных средств несет потери из-за потребителя (*the superannuated*), нуждается в защите от немощного потребителя путем исключения его из сферы государственной службы. Предоставление денежного обеспечения (*provision*) или пенсии по старости (*superannuation*) понимается как способ улучшить государственную службу (*"the service would be improved by their retirement"*) [Superannuation in classified civil service. Message ...].

В рассматриваемом контексте наблюдается субъектно-объектная амбивалентность пожилого человека. Как субъект представитель старшего возраста является потребителем денежных средств, которыми владеет правительство; как объект пожилой человек подчинен правительству, что подтверждает анализ пассивных форм глагола, используемых в контекстах рассуждений о стариках: *"the annuities of those employees shall be paid out of the salaries; that there shall be deducted from the pay of such employee until he reaches 70 years."* Будущие пенсионеры оказываются за пределами пенсионного дискурса, и ответственность за обеспеченную старость правительство возлагает на отдельного человека: *"he has been so unfortunate as to have made no other provision for the declining years"* [Superannuation in classified civil service. Message ...]. В итоге складывается следующая структура когнитивного контекста GOVERNMENT (рис. 1):

В 1912 году президент Вильям Тафт в Послании сенату относительно предложенного плана выхода на пенсию государственных служащих прямо говорит о необходимости освободить государственную службу от потерь, которые возникают в связи с сохранением в зарплатных ведомостях работников, преданно трудившихся долгие годы, но неспособных в силу возраста работать полный день и справляться с такой нагрузкой [Retirement from the classified ...].

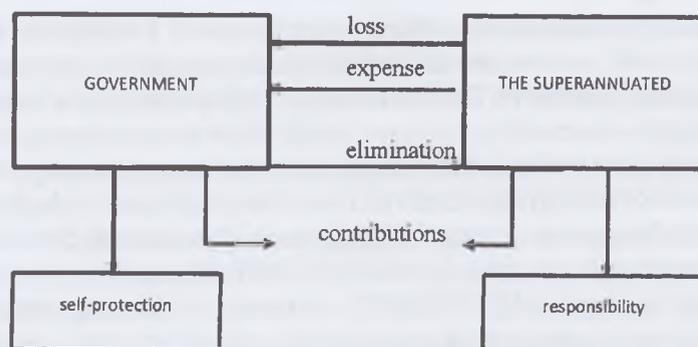

Рис. 1. Структура когнитивного контекста GOVERNMENT

Знания, включаемые в когнитивный контекст JUSTICE («справедливость»), соотносятся с типичными для этого контекста языковыми единицами (*un*)just, (*in*)justice, justified, justifiable, equitable, (*un*)fair, репрезентирующими целую концептуальную структуру, в которой различные интерпретации «говорящим субъектом того или иного концептуального содержания» [Болдырев, 2021, с. 159] выступают в соединении с положительным (справедливый) или отрицательным (несправедливый) смыслами: справедливым оказывается равенство потерь и приобретений правительства и людей пожилого возраста, несправедливым — нарушение данного равенства.

Соблюдение равенства потерь и приобретений является справедливым для правительства: *“the expense incident to establishing these plans — through the payment of annuities from the Federal Treasury to those who were too old to provide for themselves — is justified by the loss incurred through the inefficiency of aged employees”* [Retirement from the classified ...] («расходы на введение этих планов — через выплату взносов из Федерального Казначейства тем, кто слишком стар, чтобы обеспечивать себя — оправданы потерями, которые возникают из-за неэффективности старых служащих»).

Минимальные затраты правительства оцениваются как справедливые по отношению к нему. Так, высказываются суждения о справедливости минимальных требований к правительству (*“the least possible demand upon the Government”*), о справедливости того, что правительство не несет ответственности за финансы государственных служащих в случае, если оно защищает себя от их неэффективности в силу старости служащих: *“The Government is not required to take charge of an employee's finances, nor is it justified in doing so except so far as it is necessary to protect the Government against the inefficiency of the employee due to superannuation”* [Retirement from the classified ...].

Отображение справедливой — несправедливой ситуации в оппозиции молодой — старый является профилированием знания о старении и старости. Оно структурируется как набор потерь молодых служащих, причиной которых выступают старые сотрудники: *“great injustice is done to the whole body of employees by retention in office of the aged and infirm, since the younger clerks not only have to do the work of their elders, but are also kept from merited promotions. The great extent of the loss through superannuation is partly due to the fact that the old employees are usually drawing the highest salaries”* [Retirement from the classified ...]. Используемые языковые средства выбраны таким образом, что наибольший акцент делается на потерях молодых служащих: *“the present younger employees... would be... the ones to suffer, unjustly burdening the younger employees for the benefit of the older”* [Ibid].

Когнитивный контекст как субъективная модель описания ситуации, сложившейся в обществе относительно пожилых государственных служащих, строится на двух пропозициях: 1) сохранение пожилых людей на государственной службе есть причина неоправданных финансовых затрат правительства, 2) неэффективная работа государственных департаментов есть результат некомпетентности служащих старшего возраста.

В Законодательном акте о пенсии 1920 года резко сокращается число языковых единиц, используемых для представления знания об объекте мысли — старых рабочих. С одной стороны, из употребления выходит субстантивированное прилагательное *the superannuated*, с другой, акцент в интерпретации содержания, вкладываемого в объект мысли, фокусируется на его праве получать пенсионное обеспечение. Ядро матрицы — это знание о пожилом человеке как индивиде, достигшем пенсионного возраста. Пенсионный возраст становится ведущим признаком в описательном представлении людей старшего поколения в тексте Retirement Act 1920 года: *“those who reached the age of*

retirement / age of seventy/ retirement age” [Retirement Act ...]. Контексты, формирующие периферию матрицы, сохраняются, но меняется конфигурация знаний и представляющие их языковые средства. В когнитивном контексте GOVERNMENT профилируются знание о взаимодействии пенсионера и государства, а именно — о *праве* пожилого человека претендовать на получение пенсии от государства, отражаемом в исследуемом законодательном тексте посредством адъектива *eligible* и ссылками на соответствующий его раздел: “*all employees... shall be eligible for retirement on an annuity as provided in section 2 hereof*” [Ibid]. («все служащие будут иметь право на выход на пенсию с ежегодной выплатой, как то предусмотрено статьей 2»).

В когнитивном контексте EFFICIENCY производительность труда пожилых людей по-прежнему оценивается как их вклад в эффективность работы государственной службы. Представление неэффективности старых работников, столь развернутое в более ранних текстах (*incompetent, incapacity, a smaller quantity, a lower grade of work, full day's work, impairing the work*), в тексте этого акта эксплицитно не обозначено, но сведено к оценке, формируемой официальными характеристиками администрации: “*the head of the department, branch, or independent office of the Government in which he or she is employed certifies to the Civil Service Commission that by reason of his or her efficiency and willingness to remain in the civil service of the United States the continuance of such employee therein would be advantageous to the public service*”. [Retirement Act ...]. Сравнение производительности старых и молодых сменяется сравнением эффективности труда на более высоких должностях с эффективностью на более низких позициях: “*an employee in a higher grade... may be considered inefficient as compared with employees in the same class and line of work, but that compared with clerks of a lower grade he may be found to equal or surpass the standard of such lower grade employees — the term efficiency being relative and not absolute*” [Ibid].

В когнитивном контексте JUSTICE отсутствует противопоставление *государство — индивид*, а оценочная шкала представлена нормой: то, что справедливо для государства, справедливо для работников: “*the foregoing views to be correct and just and equitable alike to employees and the Government*”. [Retirement Act ...].

Пожилые люди вновь оказываются в фокусе институционального дискурса во второй половине XX века: в 1965 году в США был принят законодательный акт Older Americans Act [см.: Older Americans Act], определивший предоставление социальных услуг пожилому населению. В это время ядро рассматриваемой матрицы расширилось за счет включения понятий *ageing* («старение») и *the aged* («пожилые»). Изменения в общественном представлении пожилых людей сказываются на выборе лексических единиц, номинирующих данную возрастную группу. По сравнению с законодательными актами начала XX века, законодатель не включил в текст Акта 1965 года лексико-семантические комплексы с адъективом *old*. Заметные сдвиги произошли в определении групповой идентичности пожилых: в более ранних документах их включали в группу *работников* (*older employees, aged employees, superannuated employees*), в Акте 1965 года они репрезентированы как часть нации (*the older people of our Nation*), граждане старшего возраста (*older citizens*), люди старшего возраста (*older persons*).

В американском обществе конца 60-х годов XX столетия происходит осознание дискриминационного отношения к людям старшего возраста, о чем впервые заявил в 1969 году известный психиатр Р. Батлер в интервью газете «Вашингтон пост». Тогда же он придумал термин эйджизм (*ageism*) и определил его как «процесс систематической стереотипизации или дискриминации людей, потому что они старые» [цит. по: Чупрына, 2020а, с. 94]. Обществу транслировалась мысль о существовании проблемы в обозначенной области (*problems of the aged and aging*), и властная социальная группа информировала его о своем намерении решить ее путем создания административных структур и составления программ действий — *Administration on Aging, Commissioner on Aging, programs for the aged and aging*. Отношение между институциональным субъектом и индивидом как социальным объектом дискурса моделируется на основе ведущей идеологической позиции: американское общество — это демократическое общество свободы и равных возможностей, у каждого члена которого есть врожденное чувство достоинства. Данная пропозиция служит основой для декларирования прав пожилых людей, которые маркируются лексемами *dignity, equal opportunity, honor, free, freedom*: “*The Congress hereby finds and declares that, in keeping with the traditional American concept of the inherent dignity of the individual in our democratic society, the older*

people of our Nation are entitled to... secure equal opportunity to the full and free enjoyment of the following objectives... retirement in health, honor, dignity" [Older Americans Act]. Периферийная область матрицы расширяется за счет когнитивного контекста RIGHTS («права»). Оппозиция *права* (пожилых людей) — *обязанности* (государства) определяет самостоятельный характер данного контекста, в отличие от структуры рассматриваемой матрицы в начале XX века, в которой представление о праве бытовало внутри когнитивного контекста GOVERNMENT.

Оценочная шкала *эффективный* — *неэффективный* более нерелевантна для знания, соотносящегося с когнитивным контекстом EFFICIENCY. Причиной является то обстоятельство, что в институциональном дискурсе 1960-х годов отсутствует отрицательная оценка пожилых людей как работников, присущая дискурсу начала XX века, а интерпретация их способностей происходит в семантической области ECONOMY и имеет разнонаправленную модальность (рис. 2): в прошлом они способствовали развитию экономики ("retirement in health, honor, dignity — after years of contribution to the economy"), в будущем они могут вносить свой вклад в мощь и благосостояние нации ("assist older persons ... to continue to contribute to the strength and welfare of our Nation").

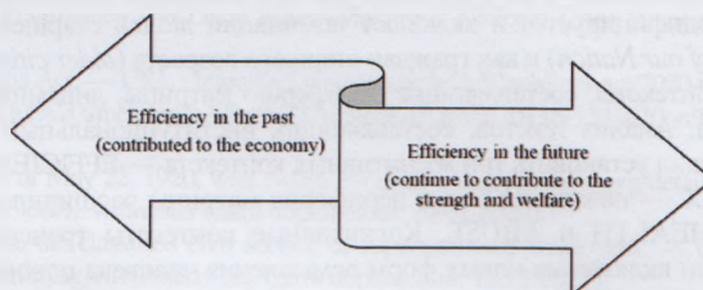

Рис. 2. Интерпретация эффективности пожилых людей в институциональном дискурсе 1960-х годов

В периферийную область добавляется новый когнитивный контекст HEALTH («здоровье»). Знания, соотносящиеся с данным контекстом, представлены следующими языковыми средствами: *age, person, health, welfare*. Законодательный акт 1920 года не содержит лексем *health* и *welfare*; что касается документа 1912 года, то в нем нет положений, касающихся благополучия пенсионеров, а в оценке здоровья человека пенсионного возраста маркированным оказывается плохое здоровье, для обозначения которого используются адъективы с отрицательной коннотацией: *poor health* и *ill health*. В когнитивном контексте HEALTH, моделируемом в Акте 1965 года, отсутствует взаимозависимость пожилого возраста и плохого здоровья. Здоровье предстает как модальный концепт и интерпретируется как цель в будущем: "the best possible physical and mental health which science can make available <...> Immediate benefit from proven research knowledge which can sustain and improve health and happiness" [Older Americans Act].

В начале XXI века внимание к пожилому возрасту как социальной проблеме способствует расширению знания о здоровье старых людей, в представление о здоровье, объектом которого является человек старшего возраста, включается субъект — государство в лице различных социальных организаций. Как следствие, увеличивается набор языковых средств, передающих эти знания: "disease prevention, health care, health promotion, health education" [Older Americans Act].

В этот период времени складывается знание о пожилом человеке как объекте преступных посягательств. Оно определяет появление на периферии рассматриваемой матрицы когнитивного контекста ABUSE («оскорбление, жестокое обращение»). Внутри этого контекста пожилые люди предстают как цель преступного деяния ("seniors targeted by criminals... family members, fraud targeting older Americans") и как его жертвы ("elder abuse, victims of elder abuse") [Collins]. Знание о виктимизации людей старшего возраста инкорпорирует информацию о типичных преступлениях, нацеленных на эту возрастную группу. В институциональном дискурсе первого десятилетия XXI века подобные сведения носят самый общий характер и имеют генерализированную форму языкового представления: *abuse, neglect and exploitation of older individuals*. К концу второго десятилетия данное знание профилируется, набор языковых средств его репрезентации расширяется: *scams targeting our nation's seniors, financial exploitation of older Americans, seniors were harassed*.

Заклучение

Исследование концепта *человек пожилого возраста* в американском институциональном дискурсе раскрывает его динамические характеристики. Меняющееся знание о старости и людях пожилого возраста делают подвижными и ядро, и периферию рассматриваемой когнитивной матрицы. Изменчивость знания об объекте мысли — человеке пожилого возраста — соотносится с трансформированием языковых значений и сменой языковых единиц, их представляющих. В текстах Посланий президентов 1908 и 1912 года присутствуют номинации по возрастной характеристике — *old age, older men, older employees, too advanced in years, advanced in age, aged employees*, и по производительно-возрастной — *the superannuated, superannuated employees, the age of superannuation*. Текст законодательного акта 1920 года отражает измененное представление об объекте мысли, которому соответствует иное языковое значение: человек пожилого возраста — это тот, кто достиг пенсионного возраста (*who reached the age of retirement*), в противоположность превалировавшему в начале XX века представлению о человеке, изношенном и непригодном для продолжения работы. В институциональном дискурсе о пожилых второй половины XX века ядро когнитивной матрицы *человек пожилого возраста* модифицируется и включает номинации людей старшего возраста как части нации (*the older people of our Nation*) и как граждан старшего возраста (*older citizens*).

Когнитивные контексты, составляющие периферию матрицы, динамично меняются на протяжении всего периода. Анализ текстов, составляющих институциональный дискурс о пожилых в начале XX века, позволил установить три когнитивных контекста — EFFICIENCY, GOVERNMENT и JUSTICE. В конце XX — начале XXI века периферия матрицы расширилась за счет появления контекстов RIGHTS, HEALTH и ABUSE. Когнитивные контексты трансформируются за счет устранения прежних или включения новых форм осмысления человека пожилого возраста. Когнитивный контекст EFFICIENCY утрачивает противопоставление *молодой* — *старый* и приобретает двунаправленное представление об эффективности деятельности пожилых. Концептуализация человека пожилого возраста как субъекта, имеющего определенные права, выделяется из контекста GOVERNMENT и преобразуется в самостоятельный когнитивный контекст. Интерпретация взаимодействия государства как социального института и старого человека как социального индивида с точки зрения справедливости (JUSTICE) меняется от представления ситуации, несправедливой по отношению к государству, до равновесного баланса: справедливо то, что справедливо для государства и пожилого человека. Появление когнитивных контекстов HEALTH и ABUSE отразило более глубокое осмысление отношения общества в целом и отдельных его групп к людям старшего возраста. В матрице, моделируемой на основе текстов начала XX века, присутствует только негативная оценка здоровья этих людей; в начале XXI века матрица аккумулирует знания о тех мерах, которые общество предпринимает и должно предпринимать для сохранения здоровья пожилых и предоставления им возможности получать удовольствие от жизни. С другой стороны, в это время оформилось знание о стариках как мишени для преступных деяний и объекте языкового презрения, которое обеспечило возникновение периферийного контекста ABUSE.

Список источников

1. Баранова К. М., Чупрына О. Г. Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». — 2015. — № 6. — С. 8–16.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. — Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2021. — 236 с.
3. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Орлова Н. В. [и др.]. Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование : моногр. / под ред. Л. О. Бутаковой и Н. В. Орловой. — Омск : ООО «Амфора», 2020. — 372 с.
4. Демидов В. П. Старость как социально-философский феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Н. Новгород, 2005. — 223 с.
5. Лассан Э. Р. От эйджизма в языке к геронтофобии в тексте: о жанрах ненависти в сети // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6, № 4. — С. 905–919.
6. Митев Д. Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). — Велико Търново : Фабер, 2012. — 552 с.

7. Устинова Е. С. «Голографичность» слова как результат его осмысления в различных «измерениях» // Иностранные языки в высшей школе. — 2010. — Вып. 2 (13). — С. 153–157.
8. Чупрына О. Г. Дискурс социального неравенства: проблема языковой репрезентации дискриминации по возрасту // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 1. — С. 94–102, а.
9. Чупрына О. Г. Особенности номинации по признаку молодой — старый в языке и дискурсе (на материале английского и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». — 2020. — №1. — С. 130–137, б.
10. Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching. — URL : <https://www.britannica.com/topic/Carnegie-Foundation-for-the-Advancement-of-Teaching> (дата обращения: 06.07.2021).
11. Dictionary.com. — URL : <https://www.dictionary.com/browse/superannuated?s=ts> (дата обращения: 02.08.2021).
12. Collins S. M., Casey R. P. Fighting Fraud: Senate Aging Committee Identifies Top 10 Scams Targeting Our Nation's Seniors. — URL : <https://www.sagepointcare.org/wp-content/uploads/2017/03/2017-Fraud-Book.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
13. Historical Background and Development of Social Security. — URL : <https://www.ssa.gov/history/briefhistory3.html> (дата обращения: 02.10.2021).
14. Miller L. M. Pragmatism and Local Policy-Making // National Civic Review. — 2020. — Vol. 108, no. 4. — Pp. 71–77.
15. Older Americans Act. — URL : <https://acl.gov/sites/default/files/about-acl/2020-04/Older%20Americans%20Act%20of%201965%20as%20amended%20by%20Public%20Law%20116-131%20on%203-25-2020.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
16. Retirement Act of May 22, 1920, with Notes. — URL : <https://archive.org/details/retirementactofm00unit/page/1/mode/1up?q=equitable&view=theater> (дата обращения: 20.01.2022).
17. Retirement from the classified civil service of superannuated employees. — URL : <https://archive.org/details/retirementfromcl00unit/page/n10/mode/1up> (дата обращения: 12.12.2021).
18. Social Security History. — URL : <https://www.ssa.gov/history/seager.html> (дата обращения: 06.07.2021).
19. Superannuation in classified civil service. — URL : <https://www.loc.gov/resource/dcmsiabooks.superannuationin00unit/?sp=2&r=-0.736,-0.243,2.472,0.94,0> (дата обращения: 01.10.2021).
20. Superannuation in classified civil service. Message from the President ... transmitting a report by the Committee on departmental methods. — URL : <https://www.loc.gov/resource/dcmsiabooks.superannuationin00unit/?sp=2> (дата обращения: 02.02.2021).
21. Webster Dictionary. — URL : <http://webstersdictionary1828.com/Dictionary/superannuated> (дата обращения: 03.02.2021).

References

1. Baranova K. M., Chupryna O. G. The diachronic approach to the constants in the American world model. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2015, no. 6, pp. 8–16. (In Russian).
2. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lekcij* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: lectures]. 5th ed. Tambov, Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2021, 236 p. (In Russian).
3. Butakova L. O., Guc E. N., Orlova N. V. [et al.]. *Pozhiloj chelovek v sovremennyh russkoyazychnyh diskursah: kompleksnoe lingvisticheskoe issledovanie: monografiya* [An elderly person in modern Russian-language discourses: a comprehensive linguistic study]. Eds. by L. O. Butakova and N. V. Orlova. Omsk, OOO "Amfora", 2020, 372 p. (In Russian).
4. Demidov V. P. *Starost' kak social'no-filosofskij fenomen* [Old age as a socio-philosophical phenomenon]. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk, 09.00.11. Nizhnij Novgorod, 2005, 223 p. (In Russian).
5. Lassan E. R. From ageism in the language to gerontophobia in the text: types of hate in the Internet. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communicative Studies]. 2019, vol. 6, no. 4, pp. 905–919. (In Russian).
6. Mitev D. *Kategoriya vozrasta v aspekte nominativnoj deyatel'nosti yazyka (na materiale russkogo i bolgarskogo yazykov)* [The category of age in the aspect of language nominative activity (in the Russian and Bulgarian languages)]. Veliko Tarnovo, Faber, 2012, 552 p. (In Russian).
7. Ustinova E. S. Towards a "holographic" vision of vocabulary viewed in multiple dimensions. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole*. [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2010, no. 2 (13), pp. 153–157. (In Russian).
8. Chupryna O. G. Discourse of social inequality: the problem of linguistic representation of ageism. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2020, no. 1, pp. 94–102, a. (In Russian).

9. Chupryna O. G. Age names based on opposition 'YOUNG – OLD' in the English and Russian languages and discourses. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2020, no. 1, pp. 130–137, b. (In Russian).

10. *Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching*. Available at: <https://www.britannica.com/topic/Carnegie-Foundation-for-the-Advancement-of-Teaching> (accessed 06.07.2021).

11. *Dictionary.com*. Available at: <https://www.dictionary.com/browse/superannuated?s=ts> (accessed 02.08.2021).

12. Collins S. M., Casey R. P. *Fighting Fraud: Senate Aging Committee Identifies Top 10 Scams Targeting Our Nation's Seniors*. Available at: <https://www.sagepointcare.org/wp-content/uploads/2017/03/2017-Fraud-Book.pdf> (accessed 01.03.2022).

13. *Historical Background and Development of Social Security*. Available at: <https://www.ssa.gov/history/briefhistory3.html> (accessed 02.10.2021).

14. Miller L. M. Pragmatism and Local Policy-Making. *National Civic Review*. 2020, vol. 108, no. 4, pp. 71–77.

15. *Older Americans Act*. Available at: <https://acl.gov/sites/default/files/about-acl/2020-04/Older%20Americans%20Act%20Of%201965%20as%20amended%20by%20Public%20Law%20116-131%20on%203-25-2020.pdf> (accessed 01.02.2022).

16. *Retirement Act of May 22, 1920, with Notes*. Available at: <https://archive.org/details/retirementactofm00unit/page/1/mode/1up?q=equitable&view=theater> (accessed 20.01.2022).

17. *Retirement from the classified civil service of superannuated employees*. Available at: <https://archive.org/details/retirementfromcl00unit/page/n10/mode/1up> (accessed 12.12.2021).

18. *Social Security History*. Available at: <https://www.ssa.gov/history/seager.html> (accessed 06.07.2021).

19. *Superannuation in classified civil service*. Available at: <https://www.loc.gov/resource/dcmsiabooks.superannuationin00unit/?sp=2&r=-0.736,-0.243,2.472,0.94,0> (accessed 01.10.2021).

20. *Superannuation in classified civil service*. Message from the President ... transmitting a report by the Committee on departmental methods. Available at: <https://www.loc.gov/resource/dcmsiabooks.superannuationin00unit/?sp=2> (accessed 02.02.2021).

21. *Webster Dictionary*. Available at: <http://webstersdictionary1828.com/Dictionary/superannuated> (accessed 03.02.2021).

Информация об авторе

Чупрына Ольга Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета.

Information about the author

Chupryna, Olga — Dr. Sci (Philology), Prof., Department of English Philology, Moscow City University.

*Статья поступила в редакцию 15.05.2022;
одобрена после рецензирования 21.05.2022;
принята к публикации 22.05.2022.*

*Submitted 15.05.2022;
approved after reviewing 21.05.2022;
accepted for publication 22.05.2022.*

РАЗДЕЛ II

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАКРО- И МИКРОДИСКУРСА

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 41–47.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):41–47.

Научная статья
УДК 25'42
DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.005

Вертикальный контекст в эстетике постмодернизма (на материале романа П. Модiano “Rue des boutiques obscures”)

Татьяна Яковлевна Кузнецова

Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия
tk409866@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению постмодернистского дискурса с позиций психосистематики на материале произведения Патрика Модiano “Rue des Boutiques obscures”. Новизна состоит в рассмотрении текста как представляющего собой ментальное образование (концептуальную схему), актуализирующееся в процессе речевой деятельности как универсальная модель. Отступление от универсальной модели знака свидетельствует о стройной системе в структуре текста, дающей объяснение и истолкование «ускользающему смыслу», который, с точки зрения постмодернизма, не может быть однозначным. Текст выстраивается по принципу «матрешки»: тождество референции в каждом случае включает antecedent, коррелирующий с анафорой, которая, в свою очередь, становится antecedentом для своей анафоры. Для этого автор находит определенные синтаксические и коммуникативные структуры, выполняющие функции ремы, и таким образом формирует интерес и понимание читателя.

Ключевые слова: постмодернизм, дискурс, «деконцентрированная», фрагментарная реальность, мыслительные механизмы порождения речи, рече-языковая деятельность.

Для цитирования: Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст в эстетике постмодернизма (на материале романа П. Модiano “Rue des boutiques obscures”) // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 41–47. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.005.

Original article

Vertical Context in the Aesthetics of Postmodernism (based on “Rue des boutiques obscures” by P. Modiano)

Tatiana Ya. Kuznetsova

North State Medical University, Arkhangelsk, Russia
tk409866@gmail.com

Abstract. The paper deals with the postmodern discourse in “Rue des boutiques obscures” by Patrick Modiano. It has been done in the framework of psychosystematics. The novelty of the study is that the text is considered as some mental space (conceptual scheme) in the speech activity as a universal model. The deviation from the universal model of the sign indicates a strict system in the structure of the text, giving an explanation and interpretation of the “elusive meaning”, which cannot be unambiguous from the point of view of postmodernism. The text follows the principle of “matryoshka”: in each case, the reference identity includes an antecedent that correlates with the anaphora, which, in turn, becomes the antecedent for its own anaphora. To do this, the author finds certain syntactic and communicative structures that perform the function of the rheme. Thus, he creates the reader’s interest and comprehension.

Keywords: postmodernism, discourse, “deconcentrated”, fragmented reality, cognitive mechanisms of speech production, speech-language activity.

For citation: Kuznetsova T. Ya. Vertical Context in the Aesthetics of Postmodernism (based on “Rue des boutiques obscures” by P. Modiano). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61): 41–47 (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.005.

В статье изучается постмодернистский дискурс с позиций психосистематики на материале произведения Патрика Модяно “Rue des Boutiques obscures”.

Постмодернизм представляет собой романную форму, заключающуюся в создании «деконцентрированной», фрагментарной реальности, которая, в силу ее трансформации в рефлексивную, не соответствует объективности бытия, Постмодернизм — эстетика, утверждающая «смерть автора» и заявляющая о монополии на отрицание однозначного смысла и создание осмысленности текста в ходе его становления [Шевякова, 2009, с. 68].

Для того, чтобы понять, каким образом организуется дискурс, так что из непонятного изнутри коммуникации, воспроизводимой в произведении, он становится понятным для читателя, обратимся к одному из видов дискурса — вертикальному контексту. Обращение к вертикальному контексту как особому виду дискурса, исследуемому в процессе его порождения и восприятия, позволит определить лингвистические особенности постмодернизма как особой модификации романной формы.

Теоретической основой исследования послужили положения психосистематики, изучающей мыслительные механизмы порождения речи в процессе рече-языковой деятельности [Guillaume 1964 ; Гийом 1964 ; Скрелина, 2009, 2012]. Вертикальный контекст рассматривается как результат превращения ментального образования в лингвистический знак. Этот процесс трансформации проходит три этапа, заканчивающиеся: на первом этапе — формированием концептуальной схемы в преддискурсивном времени; на втором этапе — формированием типового варианта, обусловленного характером развертывания признака к опоре и первичными способами передачи семантики в развертывающем фрагменте; на третьем этапе — окончанием актуализации, в результате которой формируется смысл, конкретная реализация инварианта.

Вертикальный контекст представляет собой рассматриваемое в процессе своего порождения в дискурсивном времени динамическое образование, предполагающее на концептуальном уровне опору, принадлежащую первому предложению, и вклад, заключенный в следующих предложениях, формирующих развертывающий фрагмент, и присоединенный к опоре посредством семантического механизма инцидентности, направленной от опоры к вкладу [Кузнецова, 2010, с. 217]. Инвариант вертикального контекста включает концептуальную схему — означаемое и универсальную модель — означающее.

Концептуальная схема (рис. 1) воспроизводит ментальный процесс соотношения опоры (предмета речи и мысли) с вкладом (признаком). Направление горизонтального вектора слева направо отражает динамизм движения мысли, динамизм самого действия, а также интенцию порождающего речь субъекта представить это действие как совершающееся и должное завершиться во времени. Точка на горизонтальном векторе, из которой исходит вниз вертикальный вектор, изображает опору вертикального контекста. Она может совпадать либо с опорой первого предложения, либо с элементом его вклада. Направление вертикального вектора указывает на интенцию субъекта прекратить развитие действия во времени и после выбора опоры в рамках времени действия первого высказывания дать ее вклад (признак). Кроме того, вертикальный вектор представляет направление инцидентности (ментального механизма, соединяющего признак с опорой) от опоры к признаку. Конфигурация векторов на концептуальной схеме, в которой вертикальное направление играет значительную роль, дало название означенному виду дискурса [Кузнецова, 2010, с. 217].

Итак, вертикальный контекст на концептуальном уровне есть единица сознания, отражающая сводимые к концептуальной схеме реально существующие динамические ситуации.

К идее концептуальной схемы близка теория универсальных когнитивных механизмов, лежащих в основе дискурса. Когнитивный механизм точки отсчета выделяет основной концепт, вокруг которого организуется дискурс. Когнитивный механизм перспективизации определяет структурирование и дальнейшее развитие концепта, выстраивание концептуального содержания от точки отсчета до поставленной цели, концептуальной завершенности [Langacker, 1987].

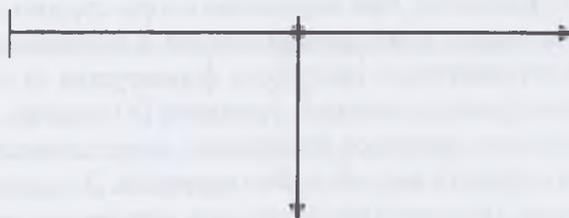

Рис. 1. Концептуальная схема вертикального контекста (означаемое)

В. З. Демьянков также рассматривает дискурс как формируемый вокруг некоторого опорного концепта; создаваемый контекст обусловлен тем общим миром, который воспроизводится по ходу развертывания дискурса. Лингвистика претендует на объяснение явлений, лежащих далеко за пределами науки о языке [Демьянков, 2015, с. 44].

Универсальная модель вертикального контекста (означающее) (рис. 2) выстроена на основе универсальной модели предложения: структура $S — V — C$ передает порядок следования во французском предложении его членов: подлежащего S , глагольного сказуемого V и второстепенного члена (прямого или косвенного дополнения) либо атрибутива C . Описание структуры универсальной модели, определение функций ее элементов происходит в соответствии со структурно-функциональной методикой, что соответствует пониманию языка как системы средств выражения, служащей определенной цели [Скрелина, 1987, с. 47].

Знак равенства между $S1$ и $S2$, $C1$ и $S2$, означающий тождество референции как отнесенность к одному объекту, изображен в первом случае как состоящий из пунктирной и сплошной линий, а во втором — из сплошной и пунктирной. При развертывании во втором предложении признака к опоре, выраженной именем существительным в функции подлежащего, тождество референции создается обоими подлежащими и обе линии будут пунктирными. Если развертывается признак к опоре, выраженной именем существительным в функции дополнения, тождество референции создается дополнением первого предложения и подлежащим второго, и обе линии будут сплошными [Кузнецова, 2010, с. 218].

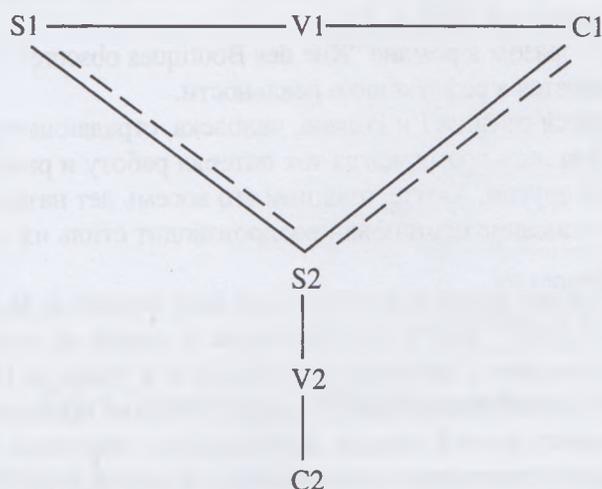

Рис. 2. Универсальная модель вертикального текста (означающее)

Первое предложение, соответствующее горизонтальному вектору на концептуальной схеме, входит с предложениями развертывающего фрагмента в определенные отношения, представляющие собой закономерности означающего вертикального контекста, а именно (при выражении опоры подлежащим): создание тождества референции подлежащим первого предложения и подлежащими в предложениях развертывающего фрагмента, формирование коммуникативной прогрессии (тематического членения в тексте) от темы-подлежащего первого предложения к теме-подлежащему

в предложениях развертывающего фрагмента. При выражении опоры третьим членом первого предложения тождество референции создается этим третьим членом и подлежащими в предложениях развертывающего фрагмента. Коммуникативная прогрессия формируется от третьего члена, ремы, к теме-подлежащему в предложениях развертывающего фрагмента [Кузнецова, 2010, с. 215].

Кроме этих дифференциальных признаков инварианта, определяемых характером опоры, есть еще два, исходящих из самой сущности вертикального контекста. Движение мысли во времени, передаваемое в первом предложении, получает грамматическое выражение: сказуемое в предложении стоит в *passé simple*. Опора-подлежащее выражена именем собственным. Опора как дополнение в широком смысле (третьего члена S — V — C) выражена либо именем собственным, либо именем существительным нарицательным. В развертывающем фрагменте движения мысли во времени не происходит, признак к опоре проявляется в том же времени, что и сама опора. Это находит выражение в употреблении глагольного сказуемого в имперфекте [Кузнецова, 2018, с. 10].

Инвариант вертикального контекста принадлежит языку, представляя собой языковой знак. Реализуясь в дискурсивном времени, он дает речевые знаки, варианты вертикального контекста. Его вариативность диктуется отнесенностью к тому или иному типу вертикального контекста и действием того или иного фактора, обуславливающего отклонение от типового варианта.

Типовой вариант занимает промежуточное положение между языком и речью, представляя собой рече-языковой знак. Рече-языковой знак формируется в первой фазе процесса актуализации в дискурсивном времени. На уровне означаемого он определяется в зависимости от семантики развертывающего фрагмента и от способа формирования признака к опоре, что определяет конфигурацию векторов на концептуальной схеме, дающую наименования типовым вариантам: вертикальный контекст с однонаправленным признаком к опоре, вертикальный контекст с разнонаправленным признаком к опоре, вертикальный контекст с расщеплением опоры на составляющие [Кузнецова, 2018, с. 10]. На уровне означающего рече-языковой знак (универсальная модель типового варианта) формируется путем первичного способа передачи семантики в первом предложении и предложениях развертывающего фрагмента.

Речевой знак — результат трансформации рече-языкового знака во второй фазе актуализации. Его означаемое — смысл, включающий значение вертикального контекста, формируемое семантическим синтаксисом развертывающего фрагмента, и дополнительное эмоционально-экспрессивное значение как результат изменений, вызванных осложнением структуры типовой универсальной модели [Кузнецова, 2018, с. 11].

Проследим, каким образом в романе “Rue des Boutiques obscures” Патрика Модяни объективная реальность превращается в рефлексию о реальности.

Повествование ведется от лица Ги Ролана, человека, страдающего амнезией. Читатель знакомится с ним в тяжелое для него время, когда тот потерял работу и расстается с человеком, который был его единственным другом, Хютте, взявшим его восемь лет назад к себе в Контору частного сыска. Посмотрим, как описание обстановки воспроизводит стиль их совместной работы и роль Хютте в жизни Ги Ролана.

1. “Il jeta un regard rapide autour de lui”. 2a) “Les deux battants de la porte qui donnait accès à la petite pièce voisine étaient ouverts”, 2b) “et l’on distinguait le canapé au velours usé, la cheminée et la glace où se réfléchissaient les rangées d’annuaires et de Bottins et le visage de Hutte” [Modiano, 1978].

На уровне концептуальной схемы (рис. 3) опора в первом предложении вертикального контекста — II. На уровне универсальной модели вертикального контекста (рис. 4) опора выступает в функции обстоятельственного члена первого предложения: *autour de lui*. Признак к опоре развертывается в двух направлениях, задаваемых во втором предложении. Являясь сложносочиненным, оно включает две составляющие: 2a) — сложноподчиненное предложение: “Les deux battants de la porte qui donnait accès à la petite pièce voisine étaient ouverts”; 2b) — сложноподчиненное предложение: “et l’on distinguait le canapé au velours usé, la cheminée, et la glace où se réfléchissaient les rangées d’annuaires et de Bottins et le visage de Hutte”. Семантический признак определяется по предикату главного предложения. Главное предложение в 2a) является статальным: “Les deux battants de la porte étaient ouverts”. Главное предложение в 2b) является реляционным, о чем говорит наличие предиката *distinguait* к субъекту-анафоре *on*: “et l’on distinguait le canapé au velours usé, la cheminée, et la glace”.

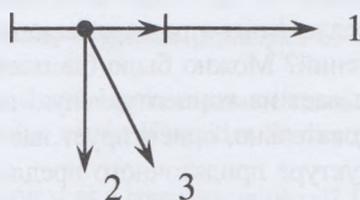

Рис. 3. Концептуальная схема вертикального контекста

Постмодернистский текст представляется на первый взгляд сложным и запутанным, но его анализ с позиций вертикального контекста позволяет понять, почему текст Патрика Модiano читается легко, на чем основан метод постмодернистской эстетики.

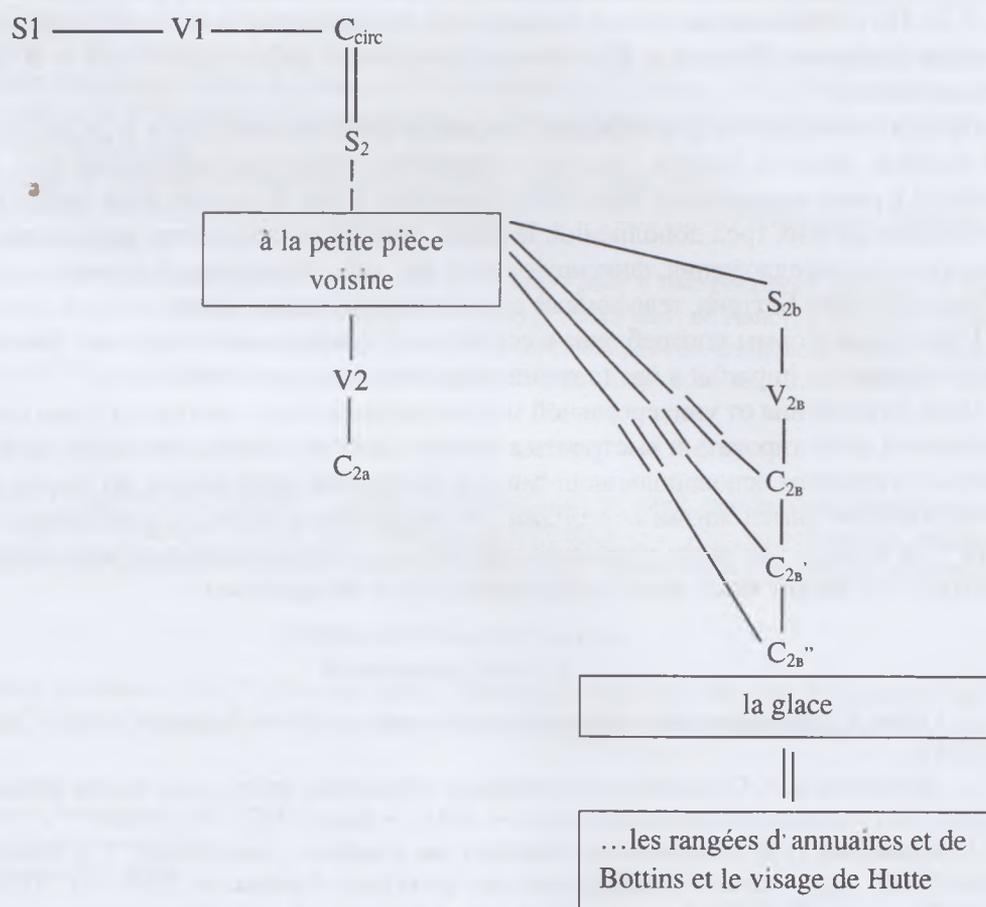

Рис. 4. Универсальная модель вертикального контекста ¹

Autour de lui в первом предложении не может быть в полной мере antecedentом группы подлежащего в предложении 2а) "Les deux battants de la porte", но, поскольку существует онтологическая зависимость референта анафоры от референта antecedента, а в первом предложении имплицирована идея: если персонаж окинул взглядом окружение и в это окружение попала дверь, значит,

¹ Предикативная группа S – V – C, формирующая семантику предложения, включает два члена, субъект S (sujet) и объект C (complément), связанные обязательной валентностью с глагольным предикатом V (prédictat verbal), ядром предикативной группы, определяющим ее семантику и семантику предложения. "С" часто называют третьим членом, так как здесь могут быть, напр., обстоятельства, имеющие факультативную валентность. Они изображаются прописной (малой) буквой «с + функция circ»: "С circ" (complément circonstanciel) – обстоятельственный член. При повторении того или иного члена предикативной группы ставится наверху значок (апостроф) или два по надобности.

анафорическая связь имеет место: *Autour de lui — Les deux battants de la porte*. Чем объяснить такое усложнение сложносочиненного предложения в развертывающем фрагменте, как включение в него двух сложноподчиненных предложений? Можно было бы поставить точку между предложениями 2а) и 2б). Между тем союз *et* указывает на концептуальную импликацию одного предложения во втором [Luscher, 1994, p. 199], следовательно, ориентирует нас на поиск этой связи. Место ремы *la petite pièce* в коммуникативной структуре придаточного предложения в сложноподчиненном предложении 2а) левой ветви обуславливает ее функцию antecedента для трехчленной анафоры, являющейся ремой в главном предложении сложноподчиненного предложения 2б) правой ветви: *le saparé au velours usé, la cheminée et la glace*, направляя, таким образом, наше внимание. Последний член *la glace* подхватывается придаточным относительным предложением в составе сложноподчиненного предложения 2б) этой же ветви, становясь antecedентом для двучленной анафоры “*les rangées d’annuaires et de Bottins et le visage de Hutte*”, выполняющей функцию ремы в этом предложении.

Итак, в левой ветви тождество референции создается в соответствии с универсальной моделью знака третьим членом опорного предложения и подлежащим развертывающего фрагмента $c \text{ circ} = S \text{ 2a}$. Но развертывание текста подчиняется продолжению идеи акцентировать роль *la petite pièce voisine* (кабинета Хютте), и формируется тождество референции $c \text{ circ} = S \text{ 2a} = c \text{ circ} [\text{à la petite pièce voisine}]$.

Правая ветвь должна формировать тождество референции $c \text{ circ} = S \text{ 2b}$, но значение кабинета надо развить, двинуть дальше. Поэтому образуется тождество референции от $c \text{ circ} [\text{à la petite pièce voisine}]$ к реме, выражаемой тремя дополнениями: $c \text{ circ} [\text{à la petite pièce voisine}] = C2b = C2b = C2b$. Последнее из этих трех дополнений, *la glace*, формирует тождество референции с дополнениями придаточного предложения, фиксирующими все, что отражалось в зеркале: и атрибуты кабинета (адресные книги Боттена, телефонные справочники), и лицо Хютте.

Глагольные формы употреблены в согласии с универсальной моделью: *passé simple* в опорном предложении 1 и *imparfait* в предложении 2 развертывающего фрагмента.

Итак, отклонения от универсальной модели вертикального контекста знака основываются на необходимости акцентировать и выстроить в единую цепочку синтаксическими средствами элементы, которые становятся основополагающими для понимания идеи автора: на малом текстовом пространстве показать смысл жизни персонажа: от окружения вообще — к кабинету — к убранству кабинета — к зеркалу как части убранства кабинета — к отражениям в зеркале (среди которых — лицо Хютте), что делает текст легко воспринимаемым и интересным.

Список источников

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — Изд. 2-е, испр. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.
2. Демьянков В. З. О социально-когнитивных параметрах дискурсных техник презентации научных результатов // Когнитивные исследования языка. — 2015. — Вып. XXII. — С. 39–50.
3. Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст как языковая универсалия? // В поисках смысла : сб. науч. тр. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та экон. и финансов, 2010. — С. 215–225.
4. Кузнецова Т. Я. Проблема передачи лингвокультурной специфики вертикального контекста на русский язык // Иностранные языки в высшей школе. — 2018. — Вып. 3 (46). — С. 7–17.
5. Скредина Л. М. Грамматическая синонимия. — Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1987. — 84 с.
6. Скредина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. — М. : Высш. шк., 2009. — 367 с.
7. Скредина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. — 386 с.
8. Шевякова Э. Н. Особенности постмодернизма во Франции // Вопросы филологии. — 2009. — № 2 (32). — С. 68–74.
9. Guillaume G. Langage et Science du langage. — Paris : Nizet, 1964. — 286 p.
10. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. V. I. Theoretical Prerequisites. — Stanford : Stanford University Press, 1987. — 516 p.
11. Luscher J.-M. Les marques de connexion: des guides pour l’interprétation // Langage et pertinence: Référence temporelle, anaphore, connecteurs et métaphore. — Nancy : Presses univ. de Nancy, 1994. — Pp. 175–227.
12. Modiano P. Rue des boutiques obscure. — Paris : Gallimard Publ., 1978. — URL : <https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/133887-patrik-modiano-rue-des-boutiques-obscures.html> (дата обращения: 10.01.2022).

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 48–55.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):48–55.

Научная статья
УДК 811'111
DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.006

Лингвоаксиологический план малоформатных произведений англоязычной сетевой литературы

Марина Владимировна Черкунова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
Самара, Россия
m.cherkunova@mail.ru

Юлия Сергеевна Старостина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
Самара, Россия
juliatim@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвоаксиологической специфики дискурса современной англоязычной сетевой литературы. Обращение к данной теме продиктовано тем фактом, что сетевая литература как особое явление современности представляет собой платформу, адекватно фиксирующую не только актуальное состояние аксиологической социоматрицы, но и происходящие в ней динамические процессы, отражающие аксиологические сдвиги в масштабах лингвокультурного сообщества. Материалом для анализа послужили образцы произведений, относящихся к категории сверхмалых жанров англоязычной сетевой литературы; объем рассмотренных текстов колеблется в пределах от 6 до 30 слов. В ходе анализа выявлен набор аксиологических доминант, реализованных в рамках указанного дискурсивного сегмента; установлено их иерархическое соотношение; выделены ядерная и периферийные ценностные доминанты; определены языковые инструменты их вербализации. Сделан вывод о том, что ценностно-оценочные смыслы формируются на основе целостного художественного произведения как результат сложного синергического взаимодействия разноуровневых текстовых элементов при консолидирующей роли воспринимающего сознания, как включенного в общую аксиосферу социума, так и обладающего индивидуальной аксиоматрицей. Кроме того, к значимым результатам проведенного исследования можно отнести выявление доминантного механизма манифестации ценности через констатацию утраты ценностно-значимого объекта. Также установлено, что вербализация ценностно окрашенных смыслов осуществляется главным образом посредством тематически релевантной лексики при минимальном использовании оценочно-маркированных единиц.

Ключевые слова: лингвоаксиология, малоформатный текст, художественная литература, сетевая литература, лингвоаксиосфера, ценностная доминанта, сверхмалые жанры, синергический эффект.

Для цитирования: Черкунова М. В., Старостина Ю. С. Лингвоаксиологический план малоформатных произведений англоязычной сетевой литературы // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 48–55. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.006.

Original article

Linguoaxiological Analysis of Web-Literature Mini-Texts

Marina V. Cherkunova

Samara National Research University, Samara, Russia
m.cherkunova@mail.ru

Julia S. Starostina

Samara National Research University, Samara, Russia
juliatim@mail.ru

Abstract. The article is focused on the analysis of linguoaxiological specifics of contemporary English web-literature. The relevance of the topic is determined by the fact that web literature, as a distinctive phenomenon of modern era, acts as a platform that adequately captures not only the current state of axiological sociomatrix, but also the dynamic processes occurring in it, reflecting axiological shifts within linguocultural community. The material for the study has been

formed by the sample of literary works which belong to the category of ultra-small genre of English web literature; the volume of such texts ranges from 6 to 30 words. The analysis has revealed the set of axiological dominants manifested within the specified discourse space and has established their hierarchical relationship. The core and peripheral value dominants have been singled out; the language tools of their verbalization have been pinpointed. The conclusion is that value-evaluative meaning is constructed on the basis of the whole literary work as a result of complex synergistic interaction of multi-level textual elements with the consolidating role of perceiving consciousness which is involved both into the general axiosphere of society and the individual axiomatrix. In addition, the results of the research include the identification of the central mechanism for the manifestation of values through the statement of the valuable object loss. It has also been discovered that the verbalization of value-oriented meanings is carried out mainly through thematically relevant vocabulary with the minimal use of evaluative markers.

Keywords: linguoaxiology, mini-text, fiction, web literature, linguoaxiosphere, value dominant, ultra-small genres, synergistic effect.

For citation: Cherkunova M. V., Starostina J. S. Linguoaxiological Analysis of Web-Literature Mini-Texts. *Illustrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61):48–55. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.006.

Введение

Одной из ключевых характеристик современного мира следует признать динамизм и изменчивость социальной среды. По справедливому замечанию К. Видаля и Ф. Хайлигена, "...in our accelerating society, everything is changing faster and faster, even change itself" [Vidal, Heylighen, 2020]. Многие ученые сходятся во мнении, что именно изменения внешней среды детерминируют трансформационные процессы, актуальные для членов общества настоящей исторической формации [Карасик, Слышкин, 2021 ; Steffen [et al.], 2015 ; Russell 2017]. В условиях постоянных вызовов, к числу которых можно, в частности, отнести режим самоизоляции эпохи пандемии, переход к работе в формате удаленного доступа, интенсивное развитие биотехнологий, активное внедрение в повседневную жизнь искусственного интеллекта, нестабильные политические условия, каждому индивиду нужна внутренняя опора, некий компас, который поможет быстро ориентироваться в стремительно меняющемся мире. Подобной опорой традиционно выступает аксиологическая система, формирующая ценностный каркас как социальной жизни в целом, так и отдельных ее сегментов [Еремина, 2022 ; Кочетова, Попов, 2019 ; Мацефук, Разбегаев, 2019 ; Павлова, Шевалдина, 2017 ; Liu, Zhou, Cui [et al.], 2022 ; Mantulenko, 2022 ; Polyanova, 2022 ; Rezer, 2021].

Безусловно, социальная аксиосфера подвержена трансформациям: ценностные доминанты могут менять позиции в аксиологическом поле, наполняться иным содержанием за счет становления новых ценностных векторов, вытесняться более актуальными ценностными ориентирами. Особо значимыми в данном аспекте представляются процессы синергичного взаимодействия и взаимозависимости социальной аксиосферы и индивидуально-личностных лингвоаксиосфер: с одной стороны, ценностные траектории индивида, а также способы их коммуникативной репрезентации выстраиваются на основе актуальной ценностной системы социума под влиянием жизненного опыта и персональных целей человека; с другой стороны, аксиологическая парадигма лингвокультурного сообщества формируется как совокупность индивидуальных ценностных систем [Старостина 2020, с. 204–205].

Иерархически организованная ценностная система, которая, таким образом, находится в состоянии динамического равновесия и проявляет дуализм в плане стабильности и динамики, а также личностной и социальной ориентации, в современных условиях требует нового научного осмысления с множественных позиций, в том числе лингвистических. Язык может рассматриваться как зона фиксации элементов социальной аксиосферы, а коммуникация анализироваться с позиций актуализации ценностных ориентиров посредством различного рода оценочных суждений и высказываний. Ценности социума эксплицитно и имплицитно репрезентируются в рамках всех дискурсивно-коммуникативных практик, однако особенно рельефно они манифестированы в пространстве художественного дискурса.

Современная англоязычная литература, как и все современные речевые практики в целом, характеризуется усиливающейся тенденцией к оптимизации речевых усилий. Данный тренд проявляется в сокращении объема вербально оформленных речевых единиц и повсеместном распространении так называемых малоформатных текстов (МФТ). При этом исследователи единодушно

подчеркивают способность МФТ к максимальной концентрации смыслов [Малюга, Пономаренко, Минаева, 2020 ; Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk, 2017 ; Vedeneva, Kharkovskaya, Malakhova, 2018], что в равной степени относится и к смыслам аксиологическим. Уточним, что на данный момент англоязычные МФТ системно исследованы в терминах их структурных характеристик [Толстолюцкая, 2013], лингвостилистических особенностей [Непомнящих, 2013 ; Ремчукова, Аполстоллиди, 2018] и специфики реализации прагматического потенциала [Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk, 2017 ; Vedeneva, Kharkovskaya, Malakhova, 2018], однако малоформатный текст как продукт художественного дискурса никогда ранее не рассматривался в качестве источника новых знаний об актуальных ценностных установках англоязычного лингвокультурного сообщества. Вместе с тем малоформатные жанры сетевой литературы концентрированно фиксируют существенный фрагмент аксиоматрицы современного общества и ее динамические преломления. Иными словами, лингвоаксиологический потенциал малоформатных художественных текстов обусловлен их способностью к одновременной фиксации актуального состояния аксиосферы, в том числе в аспекте иерархизации ценностных доминант, и к отражению трансформационных процессов как сдвигов социальных ценностных ориентиров.

В связи с этим *цель* исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, заключалась в выявлении актуального фрагмента социальной аксиосферы, который репрезентирован в рамках англоязычного сетевого художественного дискурса, а также в идентификации системных характеристик их языковой реализации в пределах малоформатного текстового пространства. *Задачи* исследования могут быть сформулированы следующим образом: а) определить спектр ценностных доминант, рекуррентно транслируемых в малоформатных художественных текстах, представленных в англоязычном сетевом пространстве; б) систематизировать обозначенные тексты по аксиоцентрическому принципу, т. е. на основании манифестации в них того или иного ценностного ориентира; в) выявить иерархическое соотношение ценностных доминант, актуализированных в исследуемом дискурсивном сегменте с выделением ядерной и периферийной зоны; г) идентифицировать специфику вербальной репрезентации ценностных доминант, детерминированную малым форматом художественного текста.

Методология

Практическую базу исследования составила выборка, включающая 300 художественных текстов объемом от 6 до 30 слов, обнаруженных поисковыми системами по запросам *six word stories, one sentence stories, short-short stories, 280-character stories, drabbles, minisagas* в англоязычном сегменте сети Интернет.

Исследование эмпирического материала осуществлялось с позиций дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода с применением релевантного комплекса методов, в число которых вошли методы лингвоаксиологического, дискурсивного, контекстуального и лингвостилистического анализа. Исследование проводилось последовательно в четыре этапа, на первом из которых была определена центральная и (при наличии) периферийные аксиологические доминанты каждого МФТ, представленного в выборке. На втором этапе сформированы аксиоцентрические кластеры текстов, транслирующих общую ценностную доминанту. На следующей ступени на основании количественной наполняемости вышеназванных кластеров выстроена иерархия ценностных доминант, реализуемых в рамках малых жанров англоязычной сетевой литературы. Далее при помощи методов дискурсивного и лингвостилистического анализа были определены способы речевой актуализации аксиологических доминант в рассматриваемых МФТ.

Результаты

Комплексный лингвоаксиологический анализ показал, что единицей ценностной трансляции в малоформатных текстах как жанровой разновидности художественного дискурса следует признать целостное литературное произведение. В силу крайне ограниченного объема рассмотренных текстовых образований аксиологические доминанты репрезентируются в них не через конкретные вербальные оценочные маркеры или их сочетания, а скорее манифестируются в ходе развертывания функционального плана текста за счет сложного многоаспектного взаимодействия аксиосферы порождаю-

щего сознания, формы и содержания текста, а также воспринимающего сознания с его личностными аксиологическими установками при существенном воздействии общего социокультурного контекста. Все указанные факторы в равной степени влияют на оформление комплексной лингвоаксиологической специфики каждого МФТ, реализуя при этом эффект взаимодействия и взаимоусиления.

Кроме того, результатом анализа стало выявление факта специфической лингвоаксиологической трансляции ценностных доминант в исследуемом дискурсивном материале: актуализация аксиологических ориентиров происходит на основе их отрицания или признания факта потери. Иными словами, ценностная трансляция осуществляется через представление ситуации утраты ценностного объекта. Обозначенная специфика проявляется во всех идентифицированных нами аксиоцентрических текстовых кластерах, иерархия которых выстроена в соответствии с количественной репрезентацией одной из актуальных социально-детерминированных ценностных доминант и включает следующие элементы: «межличностные отношения» (40 %), «успешность/самореализация» (11 %), «семья» (11 %), «социальное благополучие» (9 %), «здоровье» (7 %), «природная сущность мира» (5 %), «мирная жизнь» (4 %), «человеческая жизнь» (4 %), «честность» (3 %), «религия» (3 %), «гендерная диверсификация» (2 %), «целеустремленность» (0,5 %), «творчество» (0,5 %). Соотношение объема репрезентации ценностных доминант в рассматриваемой выборке может быть визуально представлено в виде диаграммы (рис.).

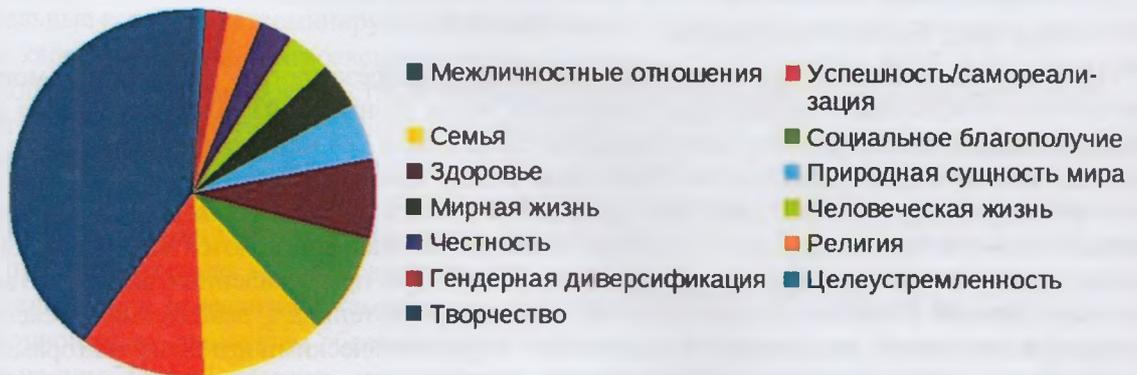

Рис. Репрезентация ценностных доминант в малоформатных произведениях англоязычной сетевой литературы

Соотношение объемов аксиоцентрических текстовых кластеров вполне однозначно указывает, что ядерной аксиологической доминантой является ценность межличностных отношений, в то время как остальные ценности зафиксированного спектра могут быть отнесены к зоне периферии лингвоаксиосферы дискурсивного сегмента, представленного малоформатными произведениями англоязычной сетевой литературы.

На этапе представления отдельных образцов лингвоаксиологического анализа нам кажется целесообразным обратить особое внимание на аксиоцентрический текстовый кластер, осуществляющий репрезентацию ядерной ценностной доминанты, а также на некоторые особо показательные кластеры, сформированные по принципу манифестации периферийных элементов социальной аксиосферы.

В наиболее объемном текстовом кластере, в рамках которого наблюдается вербально-смысловая актуализация ценностной доминанты *межличностные отношения*, манифестируется чрезвычайная важность присутствия в жизни человека «значимого другого», в роли которого обычно выступает супруг или романтический партнер. Трансляция обозначенного аксиологического ориентира может реализовываться, например, при помощи: индикации полного прекращения отношений (*“They lived happily ever after, separately”*); указания на охлаждение любовных чувств (*“Our perfect match burned out quickly”*); описания безответного чувства (*“I love you, you love her”*), неверности партнера (*“I loved everything about her, so I introduced her to all my friends, and they loved her too, so she slept with all of them”*), а также смерти любимого человека (*“When you died, Christmas died too”*). Специфично то, что в художественных МФТ рассматриваемого кластера практически не фиксируются языковые экспликации оценки, которые традиционно выступают аксиологическими

репрезентантами вербального уровня ценностных ориентиров во многих других дискурсивных практиках [Чекулай, Прохорова, 2021]. Как было выявлено в ходе исследования, аксиологическая доминанта в рамках рассматриваемого аксиоцентрического кластера в большей степени актуализируется при помощи вербальных репрезентантов концептов «любовные отношения», «супружеские отношения», «дружеские отношения» при их включении в ограниченные по объему синтаксические конструкции. Вербальный слой художественных произведений данной аксиоцентрической группы характеризуется максимальной лаконичностью, за счет чего асимметрия формального и содержательного уровней, в принципе присущая всем МФТ, демонстрируется с высокой степенью наглядности.

Аксиологическая доминанта *семья* также актуализируется на вербально-содержательном уровне посредством отрицания, что в подавляющем большинстве случаев предполагает репрезентацию ситуации потери члена семьи, главным образом — ребенка. Данный трагический опыт может быть представлен при помощи различных способов экспликации, требующих разной степени ментальных усилий реципиента для качественной дешифровки ценностного смысла, например:

- *The smallest coffins are the heaviest.*
- *"I killed him," she wailed over the dead body of her teenage son, even though the Police had said it was a case of suicide.*
- *No wife. No kid. No problem.*
- *Only child, but never the favourite.*

Необходимо пояснить, что при сравнении текстов-репрезентантов рассматриваемого аксиоцентрического кластера с предыдущим выявляется, что в данных МФТ манифестируется именно аксиологический ориентир наличия/сохранения члена семьи без маркирования важности межличностных связей и коммуникативных отношений между близкими родственниками. Лингвоаксиологическим свойством рассматриваемой группы МФТ можно считать вовлечение в реализацию ценностного смысла оценочных лексем, которые зачастую интенсифицируются тем или иным языковым средством, что можно, например, наблюдать в первой из представленных выше лингвистических иллюстраций ("*smallest... heaviest*"), где оценочный потенциал, реализуемый лексемами с оценочной коннотацией, дополняется и упрочняется морфологическими интенсификаторами.

Наиболее диверсифицированным по своему содержанию выступает следующий по объему аксиоцентрический кластер, актуализирующий ценностную доминанту *социальное благополучие*. В ходе комплексного анализа нами был идентифицирован ряд ценностных векторов, поаспектно реализующих обозначенную аксиологическую доминанту через отрицательную оценку отдельного социального явления в каждом конкретном тексте. Высокая значимость социального благополучия может маркироваться за счет вербального указания на наличие в современном обществе проблемы бедности ("*The hungry innocent didn't even get the bread. But, the picture was sold in millions in which that boy was sad*"), несовершенства правовой системы ("*Justice will be done, "*" the lawyer said as he pocketed a large sum of money from his client"), преступности ("*Uniforms ring the doorbell. God, no*"), социально порицаемых болезней ("*Defenestrated baby, methamphetamine, prison, rehab, relapse*"), скандалов на сексуальной почве ("*Starlet sex scandal. Giant squid involved*") и пр. Лингвоаксиологическая специфика, таким образом, проявляется в вовлечении в ценностную трансляцию лексических единиц релевантной тематической принадлежности.

Аксиоцентрический кластер текстов, актуализирующих ценностную доминанту *здоровье*, также не является гомогенным, репрезентируя два ведущих ценностных вектора: утверждение ценности здоровья через эксплицитное маркирование раковых заболеваний ("*Today you shaved your hair into a mohawk to make my mom laugh over losing hers to chemo and today I realized that you are my hero*") и ментальных расстройств, главным образом синдрома Альцгеймера как болезни пожилых ("*Introduced myself to mother again today.*"). Подобная тематика малоформатных художественных текстов, с одной стороны, прагматически нацелена на привлечение внимания социума к масштабу обозначенных социальных проблем, а с другой стороны, выступает аксиологическим основанием художественного сюжета, эксплицируя физическое и ментальное здоровье как обязательный элемент социальной аксиосферы.

Специфика вербальной экспликации ценностной доминанты *религия* в малоформатных художественных текстах показательно фиксирует трансформационные общественные процессы, оказывающие влияние на актуальные динамические преломления внутри социальной аксиосферы.

Малый объем аксиоцентрического кластера (всего 3 % от общего количества аксиологических репрезентант) наглядно отражает факт смещения ценности религии в зону дальней периферии. Более того, в малоформатных художественных произведениях данной тематической направленности зафиксировано вербально представленное ироничное, негативно-оценочное отношение членов англоязычного лингвокультурного сообщества к соответствующим ценностным векторам (например: *"What if after you die, God asks you: 'So, how was heaven?'"*). При этом на данном примере можно, на наш взгляд, проиллюстрировать поливариантность потенциальных интерпретаций аксиологического смысла рассмотренных МФТ, а также непосредственную корреляцию интерпретативных векторов с мировоззренческими позициями воспринимающего сознания. В частности, альтернативы трактовки ценностного уровня приведенного текста могут варьироваться от понимания утраты аксиологической нагруженности религиозной сферы до признания ее первостепенной роли в современных условиях динамических трансформаций.

Заключение

Таким образом, весь исследованный объем англоязычных малоформатных текстов художественной литературы можно рассматривать как набор аксиоцентрических кластеров, в каждом из которых манифестируется определенная ценностная доминанта в формате диверсифицированных ценностных векторов. В результате каждый текстовый кластер репрезентирует гетерогенные содержательные аспекты, детерминирующие общий смысл актуального аксиологического ориентира. Единой характеристикой лингвоаксиологического плана художественных МФТ выступает трансляция социально значимых ценностных установок через индикацию утраты объекта и вербализацию негативно-оценочного отношения к обозначенной ситуации. На языковом уровне специфичными в лингвоаксиологическом ракурсе нужно, во-первых, признать формирование ценностно-оценочных значений на уровне целостного художественного произведения, формирующегося по принципу конденсации смыслов. Во-вторых, лингвоаксиологическая манифестация в МФТ реализуется при относительно малой вовлеченности лексических маркеров оценочной семантики, но существенной доле релевантных тематически-ориентированных лексем. Кроме того, дополнительным эмоционально-оценочным оборотом при вербализации ценностных отношений нередко выступает ирония. Важно отметить, что лингвоаксиологическая парадигма малоформатных текстовых образований может быть адекватно интерпретирована лишь с учетом актуального социокультурного контекста, а также при внимании к персонализированным аспектам сознания реципиента, поскольку декодирование ценностного плана произведения всегда происходит при участии фактора индивидуальных ментальных установок в формате морально-этических принципов и личностного опыта взаимодействия с социальной средой. Тем не менее сам факт фиксации и дальнейшей трансляции ценностных доминант в пространстве англоязычной сетевой литературы позволяет говорить об их включенности в социальную аксиосферу англоязычного лингвокультурного сообщества на современном этапе его развития.

Список источников

1. Еремина М. А. Тематическая научная библиография как дискурс: ценности современной молодежи // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 28–43. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-28-43.
2. Карасик В. И., Сльшкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 1. — С. 14–31. — DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.
3. Кочетова Л. А., Попов В. В. Исследование аксиологических доминант в жанре пресс-релиза на основе методов автоматического извлечения ключевых слов корпуса текстов // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 32–49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-32-49.
4. Малюга Е. Н., Пономаренко Е. В., Минаева А. А. Стилистические приемы как способ формирования дискурсивных свойств малоформатных рекламных текстов (на материале англоязычных экономикополитических медиаресурсов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2020. — Т. 26, № 4. — С. 82–87. — DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2020-26-4-82-87>.
5. Мацефук Е. А., Разбегаева П. В. Информация как ценность в образовательном процессе // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 2 (75). — С. 131–134.

РАЗДЕЛ III

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 56–64.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):56–64.

Научная статья
УДК 81-26
DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.007

Перевод латинских антропонимов в русском и испанском языках

Елена Александровна Додыченко

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
lina2006_73@mail.ru

Аннотация. Будучи жизненно важным элементом, имена собственные играют значительную роль в системе любого языка и культуры. Они помогают определить особенности, отличительные черты той или иной нации, того или иного типа языковой личности. В фокусе данной работы находится выявление способов достижения адекватной передачи в двух языках разных языковых групп личных имен древнеримских граждан и сохранения их содержательного и семантического потенциала. Их перевод как в русском, так и в испанском языке практически целиком обусловлен традицией, которая зачастую так различается в обоих языках, что одно и то же имя может принимать совершенно неузнаваемую форму. Автор описывает структуру имен римлян, характеризует особенности их трансформации в историческом дискурсе других культур, приводит примеры из русского и испанского языков, которые существенно отличаются от оригинального варианта античного антропонима. Основное внимание уделяется исследованию приемов перевода культурно значимых имен собственных с точки зрения сохранения «чужого» в языке перевода и адаптации его в принимающей культуре.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, личные имена, исторические личности, латинские антропонимы, адекватный перевод, исторический дискурс, переводческие приемы.

Для цитирования: Додыченко Е. А. Перевод латинских антропонимов в русском и испанском языках // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 56–64. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.007.

Original article

Translation of Latin anthroponyms into Russian and Spanish

Elena A. Dodychenko

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
lina2006_73@mail.ru

Abstract. Being a vital element, anthroponyms take an important part in the system of any language and culture. They help to determine peculiarities, distinctive features of this or that nation, this or that type of a language personality. The paper discusses the best ways of adequately translating historical personalities' proper names and preserving their meaning and semantics as they are of primary importance for historical discourse. Their rendering both in Russian and Spanish is almost fully determined by the tradition, which is often so different across the languages that a name can take an unrecognizable form. The author describes the structure of the names of ancient Roman citizens, characterizes the features of their transformation in the historical discourse of other cultures, examples in Russian and Spanish, which differ significantly from the original version of ancient anthroponym. The main attention is focused on the techniques of translating culture-specific proper names in a feature film as means of preserving the foreign in the target language and adapting it to the target culture.

Keywords: intercultural communication, proper names, historical personalities, Latin anthroponyms, adequate translation, historical discourse, translation techniques.

© Додыченко Е. А., 2022

For citation: Dodychenko E. A. Translation of Latin anthroponyms into Russian and Spanish. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61): 56–64 (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.007.

На протяжении многих веков в разные культуры активно проникали античные сюжеты, главными героями которых были реальные или мифологические личности. Их характеристики, отдельные эпизоды жизни и деятельности постепенно обрастали ассоциациями и превращались в свернутый прецедентный текст, имплицитно включающий в себя исторические, культурные, социальные, этнические, религиозные сведения о древнем обществе. Отдельные элементы таких прецедентных текстов до сих пор широко используются в изобразительном искусстве, литературе, музыке, политике, науке и многих других областях человеческого знания и творчества.

Личные имена древних также являются прецедентными, так как их адекватное восприятие тесно связано с определенными фоновыми знаниями, научным, историческим и культурным багажом и жизненным опытом. Имя в таком случае становится «предельным текстовым сообщением», в свернутом виде содержащим в себе информацию о значимом явлении [Кириченко, 2005, с. 215]. Выходя за границы собственного языка, имена стремятся сохранить в «чужой среде» не только свою внешнюю форму, но и внутреннюю, т. е. свое значение, без которого их существование утрачивает смысл. Поэтому при передаче антропонимов с одного языка на другой важно учитывать, что они формируют в языке-реципиенте определенные понятия, связанные с реалиями чужой культуры, которые в теории перевода принято называть фоновыми знаниями.

В связи с этим вопрос адекватного перевода имен собственных с одного языка на другой с одновременным сохранением его внешней формы и смыслового наполнения остается актуальным в научной литературе. Несмотря на достаточно большое количество отечественных и зарубежных работ по этой теме, в теории переводоведения еще есть проблемы, ожидающие своего разрешения. Среди них можно выделить вопросы, связанные с сопоставительным анализом латинизмов в языках разных групп: путей проникновения, способов передачи, процессов ассимиляции в новой языковой и культурной среде. Понимание и знание этих процессов важно для представителей многих профессий, так или иначе работающих с текстами на иностранных языках, чтобы в случае обнаружения латинских по происхождению антропонимов они могли правильно распознать их и безошибочно соотнести с персонажем древнеримской истории. В настоящей статье предпринята попытка проследить историю ассимиляции латинских имен в русском и испанском языках, относящихся к разным языковым группам и разными путями наследовавшими латинизмы.

Цель статьи — описать структуру личных имен древнеримских граждан и смысловую нагрузку каждого компонента в отдельности; рассмотреть особенности их трансформации в русском и испанском языках, уделяя особое внимание способам, при которых максимально сохраняется внутреннее содержание латинского имени; предложить собственное видение тех условий, в которых сформировались традиции перевода латинских антропонимов в рассматриваемых языках. *Предметом исследования* послужили дошедшие до нас имена древнеримских мужчин и женщин, их структура, культурно-историческая информация, входящая в их значение, а также способы их перевода с латинского языка на русский и испанский. *Основными методами исследования* были описательный, сравнительный и сопоставительный, а также метод компонентного анализа, основанный на содержательном определении значения каждого элемента структуры латинских личных имен.

Согласно словарю русской ономастической терминологии, «собственное имя — это слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации или его идентификации» [Подольская, 1978, с. 122]. В сравнении с другими лексическими единицами оно универсально в использовании, способно беспрепятственно переходить из одного языка в другой и становится его органической частью. В научной литературе среди лексики такого рода выделяют несколько групп: 1) антропонимы (имена, отчества, фамилии, прозвища людей; клички, псевдонимы); 2) топонимика и гидронимика (географические имена); 3) астронимика (названия звезд, комет, планет); 4) названия газет, журналов, фильмов, произведений художественной литературы, опер, балетов и т. п. [Гильченко, 2009, с. 17]. Одна из отличительных черт этой группы слов заключается в том, что они разными путями «перемещаются» из одной культуры в другую, сохраняя по возможности как можно больше накопленной ими культурно-

исторической информации [Миньяр-Белоручева, Княжинская, 2019, с. 81]. В то же время любой народ, ассимилируя чуждые для него слова, вносит в них свои языковые традиции.

Как уже было отмечено выше, перевод имен собственных является неотъемлемой частью межкультурной коммуникации, основой которой прежде всего являются фоновые знания о другой («чужой») культуре. Рассматриваемые в настоящей статье личные имена представителей Древнего Рима, являющие собой историко-культурный пласт любого европейского языка, включают целый комплекс сведений об их носителях, их значимости для современников и последующих поколений, историческом периоде, социальной и культурной среде.

К примеру, в историческом дискурсе личные имена не ограничены только номинативной функцией. Вне коммуникативного контекста они способны указывать также на статус человека, его возраст, национальность или этническую принадлежность, род занятий, обстоятельства жизни и многое другое. «Антропонимы исторических личностей передают большое количество признаков, обозначая один объект, они наполняются безграничным значением, создавая типы исторических личностей, красной нитью проходящих через века» [Миньяр-Белоручева, Княжинская, 2019, с. 80]. При этом следует отметить, что вся эта информация экстралингвистична, то есть она включается в имя имплицитно и без него не существует. «Эта часть значения слова, восходящая к истории, географии, традициям, фольклору — иначе говоря, к культуре страны, называется национально-культурным компонентом. Культурный компонент, остающийся за пределами языковой формы, может быть общечеловеческим или региональным» [Катермина, 2017, с. 166].

Личное имя играет также важную социальную роль, так как содержит в себе сведения, известные всем членам национальной общности, и позволяет идентифицировать человека, что, в свою очередь, делает возможным поддерживать на разных уровнях взаимопонимание внутри социума. «Образ, положенный в основу имени собственного, весьма индивидуален у каждого народа, и имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотнесено с его культурной традицией» [Суперанская, 2009, с. 40].

В разных культурах имянаречение человека сопровождается ритуалом, так как именно оно позволяет идентифицировать личность как члена общества и демонстрирует его признание этим обществом. Компонентный состав имени — универсальное явление, характерное для многих народов. Еще в дохристианский период сложилась двучленная система имени, при которой к личному имени присоединялся патроним (реже матроним), который впоследствии мог видоизмениться и стать фамилией. Это было обусловлено потребностью обозначения степени родства, принадлежности к той или иной семье или роду для решения вопросов наследства. В когнитивную модель антропонима, таким образом, заложены элементы, порядок употребления которых является осознанным и целенаправленным актом для носителей конкретной культуры.

Различия в структуре антропонима отражают особенности представления и восприятия личности в разных культурах. Так, в русской культуре имя человека трехчленное, где наряду с личным именем и фамилией присутствует такой важный дополнительный идентификатор личности, как отчество, отсутствующее в западных культурах. В испаноязычных странах у каждого человека тоже как минимум три компонента, однако качественно они другие: личное имя и две фамилии, показывающие его происхождение по отцовской и материнской линии, что было важно в испанской культуре после Реконквисты. Историческая традиция сохранилась, и сейчас каждый испанец имеет две фамилии — первую фамилию отца и первую фамилию матери. У этого правила бывают исключения: у человека могло быть несколько личных имен и фамилий. Известным примером является полное имя знаменитого испанского художника Пабло Пикассо: *Pablo Diego José Francisco de Paula Juan Nepomuceno María de los Remedios Cipriano de la Santísima Trinidad Ruiz y Picasso*.

Компонентный состав мужских личных имен граждан Древнего Рима является важной культурно-исторической характеристикой античного мира. Ее знание позволяет понять устройство древнего общества, его социальную иерархию, традиции и обычаи как отдельной семьи, так и всего государства. Известно, что римский гражданин имел два (в некоторых плебейских родах) или три (в патрицианских родах) имени: 1) *praenomen* (личное), 2) *nomen* (родовое), *cognomen* (прозвище, которое могло передаваться по наследству и стать названием семьи): *Gajus Julius Caesar*. Поскольку первые четыре сына наследовали имя отца, зачастую становилось необходимым к трем первым добавлять и четвертое — *agnomen* (личное прозвище): *Publius Cornelius Scipio Africanus* [Федорова, 1982 ; *Los nombres romanos ...*].

У некоторых личных имен можно выделить семантику. К примеру, *Postumus* («рожденный после смерти отца»), *Lucius* («рожденный днем», то есть при дневном свете), *Manius* («рожденный утром»). Можно добавить также употребляемые в качестве личного имени числительные, которые давались последующим после четвертого сыновьям: *Quintus* («пятый»), *Sextus* («шестой»), *Septimus* («седьмой»), *Octavus* («восьмой») и т. д. Изначально они использовались в своем прямом значении, а впоследствии утратили жесткую привязку к порядковому значению.

Cognomen (и реже *agnomen*) появился у патрициев позднее личного и родового имен. Эта структура, называемая *tria nomina*, отличала представителей высшего сословия от других субъектов права. Официально *tria nomina* начинают появляться в письменных источниках и юридических текстах во времена Римской республики. С точки зрения семантики *cognomen* и *agnomen* могут представлять гораздо больший интерес, чем *praenomen* и *nomen*, так как сохранили в себе сведения о конкретном человеке, его внешних и внутренних качествах, деятельности или роде, к которому он принадлежал: *Marcus Tullius Cicero* («турецкий горох»), *Lucius Annaeus Seneca* («старик, старец»), *Marcus Caelius Rufus* («рыжий»), *Quintus Horatius Flaccus* («вислоухий»), *Publius Mucius Scaevola* («левша»), *Marcus Terentius Varro* («кривоногий» или «прыщавый»), *Fabius Maximus Cunctator* («медлительный, осмотрительный, осторожный, нерешительный»), *Gnaeus Domitius Ahenobarbus* («рыжебородый»), *Gajus Atejus Capito* («голован, большоголовый»), *Gajus Cassius Longinus* («высокий»), *Lucius Papirius Cursor* («скороход, гонец; бегун»), *Gnaeus Pompejus Magnus* («великий»), *Gajus Julius Caesar* («кудрявый, с густыми волосами»), *Caligula* («сапожок»), *Flavius Claudius Julianus Apostatus* («(веро)отступник»), *Publius Cornelius Sulla Felix* («счастливый») и т. д. [Дворецкий, 2008 ; Los nombres romanos ...].

В отличие от мужских, структура женских имен претерпела гораздо большую эволюцию, что свидетельствует о том, как на протяжении веков менялся социальный статус римлянок. Стоит отметить при этом, что у специалистов нет полной картины этого явления, так как в письменном виде сохранились сведения в основном только о представительницах патрицианских родов. Во время Римской республики женщины, будучи рожденными первыми, наследовали *nomen* своего отца в женском роде: *Julia*, *Tullia*, *Cornelia* и т. д. Вторые, третьи и последующие дочери к *nomen* своего отца получали еще прилагательные и порядковые числительные согласно очередности по рождению: *Mayor* («Старшая»), *Minor* («Младшая»), *Segunda* («Вторая»), *Tertia* («Третья») и т. д. Эта традиция свидетельствует о достаточно низком статусе женщины, при котором важно было «привязать» ее к какому-то роду или семье.

Значительные изменения женское имя претерпело в период империи, когда, подобно сыновьям, дочери начали получать еще и *cognomen* своего отца в женском роде. В письменных источниках можно найти женские *tria nomina*: *Aelia Domitia Paulina* (сестра императора Адриана) или *Annia Aurelia Faustina* (жена Гелиогабала). Это очень важная культурно-историческая характеристика, поскольку трехчленная структура имени указывала на родословную и приравнивала женщину к мужчине. В последующие времена патрицианки, выходя замуж, не меняли свои *nomen* и *cognomen* и даже могли передавать их своим дочерям. К примеру, дочь императора Цезаря Августа, будучи женой Марка Випсания Агриппы, назвала свою первую дочь Випсанией Юлией, сохранив за ней принадлежность к роду Юлиев.

До недавнего времени считалось, что заимствования антропонимов из одного языка являются тождественными в разных языках-реципиентах и не вызывают особых сложностей при переводе. Однако это ошибочное мнение, и практика работы с русскими и испанскими текстами, тематика которых связана с Древним Римом или отдельными его представителями, свидетельствует о другом. Некомпетентный перенос имени собственного в иную языковую картину мира может не только затруднить идентификацию исторической личности, но и лишить ее значимой части содержащейся в имени имплицитной информации. «Одним из важных аспектов формирования основ межкультурной коммуникации является изучение и правильное использование имен собственных, которые нередко представляют для представителей другой нации определенные трудности и могут привести к недопониманию, искажению информации, а иногда и к межличностным конфликтам в случае, если по незнанию неверно употребленное имя собственное является на другом языке обидным или даже оскорбительным словом» [Дорохова, Ружина, Быстрой, Власенко, 2018, с. 63].

Передача личных имен в русской и испанской культурах прежде всего обусловлена традицией, которая складывалась на протяжении нескольких веков. Поскольку анализируемые в данной

статье языки относятся к разным группам (славянской и романской), правила передачи в них латинизмов порой так разнятся, что одно и то же имя может принимать совершенно неузнаваемую форму. Именно поэтому тем, кто по роду своих занятий сталкивается с заимствованными антропонимами в русском и/или испанском языках, необходимо знать основные правила перевода, чтобы избежать грубых ошибок, неадекватного восприятия или даже затруднения в идентификации их носителей и деформации событий прошлого. Для сравнения можно привести несоответствия в вариантах одних и тех же имен (не обязательно латинских по происхождению) известных исторических и мифологических персонажей: *Фома неверующий* — *Tomás, El Incréduło* (исп.), *Чингисхан* (рус.) — *Genghis Khan* (исп.), *Христофор Колумб* (рус.) — *Cristóbal Colón* (исп.), *Пётр I* (чаще используемое в рус.) — *Pedro el Grande* (чаще используемое в исп.), *Екатерина II* (чаще используемое в рус.) — *Catalina la Grande* (чаще используемое в исп.) и мн. др.

Безусловно, в обоих языках есть ряд соответствий и различий, часть из которых путем сопоставительного анализа можно установить и описать. Все же отсутствие четкой системы правил и последовательности в ее использовании может привести к разночтениям, ошибкам или неточностям. Как и большинство языков стран Европы, русский и испанский имеют общую историко-культурную основу. Фонд имен собственных в обоих языках испытал влияние античной культуры древних греков и римлян. Однако каждый народ, принимая чуждые для него слова и включая их в свою культуру, рано или поздно вносит в них свои языковые традиции, то есть подвергает фонетической и морфологической адаптации.

Специалистами выделяются четыре основных способа передачи имен собственных с одного языка на другой: транслитерация (побуквенная передача), транскрипция (запись средствами национального алфавита с учетом произношения исходного слова), транспозиция (использование одной языковой единицы в функции другой) и калькирование (воспроизведение внутренней структуры иноязычного оригинала средствами заимствующего языка). Все эти способы направлены на достижение одной цели — разными путями передать личные имена одной культуры на язык другой, сохранив как можно больше накопленной ими культурно-исторической информации. Как правило, в большинстве случаев предпочтение отдается транскрипции, так как при ней звуковая оболочка подвергается минимальному искажению, благодаря чему слово сохраняет свое национальное и культурное своеобразие.

Приведем примеры записи и произношения имен знаменитых древних римлян в классическом латинском (I век до н. э.), русском и испанском языках (табл. 1).

Таблица 1

Имена знаменитых древних римлян в классическом латинском, русском и испанском языках

Классический латинский	Русский	Испанский
Gaius Iulius Caesar [га́й'ус'й'ул'иус'кайса́р]	Гай Юлий Цезарь [гай'й'ул'ий'цэза́р]	Gayo Julio César [га́й'о'ху́л'ио'сэса́р]
Marcus Tullius Cicerō [ма́ркус'тул'иус'к'йкэ́ро]	Марк Туллий Цицерон [ма́рк'ту́л'ий'цице́рон]	Marco Tullio Cicerón [ма́рко'ту́л'ио'с'исэ́рон]
Publius Iuventius Celsus [пу́бл'иус'й'увэ́нт'иус'кэ́л'сус]	Публий Ювенций Цельс [пу́бл'ий'й'увэ́нций'цэ́л'с]	Publio Juvencio Celso [пу́бл'ио'ху́вэ́нс'ио'сэ́л'со]
Iulius Paulus [й'ул'иус'па́ул'ус]	Юлий Павел [й'ул'ий'пав'эл]	Julio Paulo [ху́л'ио'па́ул'о]
Marcus Terentius Varro [ма́ркус'тэ́рэнт'иус'ва́ро]	Марк Теренций Варрон [ма́рк'тэ́рэнций'варо́н]	Marco Terencio Varrón [ма́рко'тэ́рэнс'ио'варо́н]

Как видно, во всех трех языках написание и произношение имен различается. Здесь четко прослеживаются фонетические и морфологические особенности каждого из языков, а также некоторая преемственность традиции средневекового латинского произношения в русском и испанском (со своей спецификой) языках. Известно, что классическое латинское произношение I века до н. э. близко к написанию. Так, буква С (с) во всех позициях в слове читается как русское [к]: *Cicēro* —

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 65–70.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):65–70.

Научная статья
 УДК 811.111'276.3:81'42
 DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.008

Категории адекватности/эквивалентности при передаче речи ребенка в художественном переводе

Анастасия Сергеевна Канунникова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
 kanunnikovaas@mgpu.ru

Евгения Сергеевна Абаева

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
 abaevas@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена переводу художественной литературы, в частности, уже долгое время актуальной проблеме качественной оценки перевода, а именно понятиям «эквивалентности» и «адекватности». Исследуемая проблема рассматривается на материале передачи речи персонажа-ребенка, поскольку речевая характеристика персонажа является одним из ключевых компонентов формирования образа в художественном тексте.

Источником материала для исследования выступил современный англоязычный роман Д. С. Фойера “Extremely Loud and Incredibly Close” (2005) и его перевод («Жутко громко и запредельно близко»), выполненный В. Аркановым в 2007 году. Метод сплошной выборки, сопоставительный метод и метод классификации послужили основными методами исследования в работе. Научная новизна заключается в применении категорий, определяющих качество перевода, к элементу системы текста, который ранее не подвергался подобному анализу. Авторы считают, что эквивалентность нельзя рассматривать, как это принято традиционно, в качестве основополагающей при анализе качества передачи речевой характеристики в художественном переводе, а общая система оценивания должна быть дополнена рядом новых характеристик.

Ключевые слова: речевая характеристика, перевод, персонаж-ребенок, эквивалентность, адекватность.

Для цитирования: Канунникова А. С., Абаева Е. С. Категории адекватности/эквивалентности при передаче речи ребенка в художественном переводе // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 65–70. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.008.

Original article

A Child Character's Speech: Adequacy and Equivalence in Translation

Anastasia S. Kanunnikova

Moscow City University, Moscow, Russia
 kanunnikovaas@mgpu.ru

Evgeniya S. Abaeva

Moscow City University, Moscow, Russia
 abaevas@bk.ru

Abstract. The article is devoted to literary translation, the problem of its quality assessment in particular, and deals with the concepts of “equivalence” and “adequacy”. The characteristic features of a child-narrator’s speech and its translation are analyzed as the material for the study, since it is considered as one of the key components of an image.

The analysis focuses on the novel by Jonathan Safran Foer “Extremely loud and incredibly close” (2005) and its translation into Russian by V. Arkanov (2007). The chief methods employed are: continuous sampling, comparative analysis, and classification. The novelty of research consists in applying some categories of quality assessment to the translation of a literary text element that has not previously been subjected to such an analysis. The authors believe that equivalence cannot be considered, as is traditionally accepted, as fundamental unit the crucial criterion while analyzing the quality of speech characteristics in literary translation. Thus, some new categories/features should be implemented into the system of quality assessment of a literary text translation.

Keywords: speech characteristics, translation, child character, equivalence, adequacy.

For citation: Kanunnikova A. S., Abaeva E. S. A child character's speech: adequacy and equivalence in translation. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61):65–70. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.008.

Введение

Вопрос описания соотношения текст перевода / текст оригинала, как и вытекающая из этого оценка качества перевода в целом, стоит довольно остро. Действительно, в условиях современного понимания влияния личности переводчика на конечный результат, субъективности процесса перевода и восприятия текста, а также наличия ряда других факторов, несомненно, затрудняющих объективную оценку качества, определить критерии, которые удовлетворяли бы разным видам и типам перевода, довольно непросто. В ситуации художественного текста все осложняется еще и тем, что язык художественной литературы стилистически специфичен, поскольку автор передает свое видение мира, создавая его, в том числе, при помощи различных художественных средств и стилистических приемов. И в художественном тексте, учитывая его многоплановость, образность, вовлеченность в систему метатекста и т. д., нам представляется логичным оценивать качество переводимых элементов системы отдельно, тем более что «задача художественного перевода заключается в том, чтобы, с одной стороны, определить меру значимости деталей, а с другой — подчинить их целому» [Модестов, 2006, с. 84].

В качестве такого элемента и, соответственно, объекта конкретного исследования выступает речевая характеристика персонажа, в нашем случае — ребенка по имени Оскар из романа Джонатана Сафрана Фойера “Extremely Loud and Incredibly Close” (2005). Текст перевода романа, который в русском варианте звучит как «Жутко громко и запредельно близко», выполнил в 2007 году Василий Арканов. Предмет исследования состоит в оценке качества перевода с применением сложившихся в теории и практике науки о переводе понятий эквивалентности и адекватности на одном из элементов сложной системы художественного текста (речь персонажа), что можно считать новизной.

В ходе работы были использованы следующие методы: сплошной выборки, филологического анализа, сопоставительный и классификации.

Эквивалентность и адекватность как оценочные категории

Надо заметить, что интерпретация данных категорий в теории перевода носит дискуссионный характер. Так, В. Н. Комиссаров разделяет эти два понятия, понимая под эквивалентностью общность содержания между текстами оригинала и перевода и выделяя пять уровней эквивалентности, начиная от цели коммуникации до лексико-семантического соответствия, а под адекватным переводом — «перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса переводного языка, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [Комиссаров, 2016, с. 113].

При описании адекватности перевода могут использоваться и иные термины, например, верность, точность, тождественность, аналогичность. Так, термин «полноценность» применяется А. В. Федоровым, который утверждает, что именно полноценность обеспечивает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценно функциональное соответствие ему» [Федоров, 2002, с. 173]. При этом другой исследователь, Я. И. Рецкер, приравнивает понимание «полноценности» к понятию «адекватности» и говорит о том, что «функциональная точность, характерная для адекватного перевода, не только допускает, но нередко и требует отказа от формальных, словарных соответствий» [Рецкер, 1982, с. 9].

Помимо этого, классификации, например, в области эквивалентности могут происходить на разном основании. Так, например, при разделении эквивалентности на максимальную, оптимальную, обусловленную и частичную эквивалентность (концепция О. Каде) [Kade, 1980] берется во внимание степень реальной и теоретической близости текстов оригинала и перевода. Степень близости текстов оригинала и перевода может базироваться и на уровневой модели языка, в таком случае исследователи анализируют эквивалентность на уровне фонем, морфем, слов, словосочетаний и т. д. Ю. Найда вводит понятие «динамической эквивалентности» (с ориентацией на получателя перевода) [Nida,

1969], которое потом заменяет термином «функциональная эквивалентность» в противовес «формальной», а Л. К. Латышев разграничивает «функциональную» и «функционально-содержательную» эквивалентность [Латышев, Северова, 2016].

В целом в настоящее время сложилось понимание, что терминологически эквивалентность чаще применяется для установления схожести смысла определенных элементов (лингвистических единиц), а адекватность ближе к достижению текстом общей функциональной нагрузки (см., напр.: [Сдобников, Калинин, 2019]). Исходя из этого, адекватный перевод должен быть в определенной степени эквивалентным, но не всегда эквивалентный перевод может считаться адекватным.

Речевая характеристика персонажа-ребенка в романе

Как известно, образ персонажа художественного произведения составляет систему, которая включает в себя множество компонентов (описание, имя, место проживания, психологический портрет и т. д.). Речь определенно является одним из самых репрезентативных признаков, характеризующих героя произведения, представляя собой художественное воплощение его внутреннего мира. Любое системное отклонение от нормы может быть связано с задачей автора отразить специфику речи персонажей, которая включает в себя особенности произношения, акценты, дефекты, ошибки, стратегию разворачивания высказывания и многое другое, что «позволяет сделать выводы относительно характера героя, мотивов его поступков, его прошлого» [Абаева, 2021, с. 51]. И поскольку при переводе художественного произведения в целом перед переводчиком стоит важная задача — сохранить художественно-эстетическую функцию текста, при передаче речевой характеристики персонажа доминантной должна стать передача его образа. При этом исследователи отмечают, что «перед писателем, а, вслед за ним, и переводчиком стоит достаточно сложная задача найти такие лингвостилистические средства, которые могут максимально естественно и реалистично репрезентировать живой детский дискурс в пространстве художественного произведения» [Омеличкина, 2013, с. 123].

Основным действующим лицом в анализируемом произведении выступает девятилетний ребенок по имени Оскар, глазами которого показан окружающий мир. Мальчик отправляется в путешествие по Нью-Йорку в поисках замка, к которому может подойти ключ, найденный в спрятанной в доме вазе. Ему кажется, что это зашифрованное послание от отца, погибшего в одной из башен-близнецов 11 сентября 2001 года, с которым они играли в похожие игры. Ребенка — очень умного для своего возраста, но наивного и порой излишне прямолинейного — преследуют страхи, которые мешают ему жить нормальной жизнью, он страдает бессонницей и испытывает сильное психоэмоциональное напряжение. Соответственно, речевой портрет персонажа определяет многие существенные характеристики текста.

Речь Оскара в произведении достаточно разнообразна и специфична. Рассматривая речевую характеристику персонажа с точки зрения традиционной уровневой модели языка, на лексическом уровне мы можем констатировать использование сниженных единиц (как некоторое «ребячество», с одной стороны, и незнание правил коммуникации, с другой), иноязычных вкраплений (демонстрирующих уровень развития интеллекта и тягу к французскому языку), а также окказиональное словопроизводство:

(I) *“When she went in, I very quietly took the stethoscope from my field kit, got on my knees, and pressed the whatever-the-end-is-called against the door. The bulb? Dad would have known.”* (p. 247)¹.

Заметим, что неологизмы в речи ребенка строятся, в том числе, на фонетическом соответствии некоторых слов, как в примере (IV) ниже.

С точки зрения синтаксиса, распространенными особенностями в речи детского персонажа являются наличие простых предложений, эллиптических конструкций, парцелляции, инверсии и повторов, употребление которых в повествовании от лица ребенка способствует передачи не только эмоциональности или разговорной речи, но также несет в себе игровую функцию:

(II) *“I handed him my card and told him, ‘Greetings. Gerald. I. Am. Oskar.’ He asked me why I was talking like that. I told him, ‘Oskar’s CPU is a neural-net processor. A learning computer. The more contact he has with humans, the more he learns.’”* (p. 10).

¹ Здесь и далее английский текст цитируется по изданию: Фокс Д. С. Жутко громко и запредельно близко: книга для чтения на английском языке. СПб. : КАРО, 2020. 416 с.

На уровне текста наблюдается нарушение когезии и когерентности, что, в частности, объясняется отсутствием опыта полноценной «взрослой» коммуникации и знаний ее правил [Абаева, Капунникова, 2022], на семантическом — незнанием семантики отдельных слов, на стилистическом можно говорить о развитой сети необычных сравнений.

Стоит учитывать, что перечисленные элементы в речевой характеристике мальчика появляются с конкретной целью, иллюстрируя особенности характера. Помимо уже перечисленных выше характеристик, Оскар не по годам развит, обладает богатым воображением, неутолимо любознателен, увлекается наукой, много знает об окружающем его мире и пытается во всем найти скрытые связи и логику.

Эквивалентность/адекватность при межъязыковой и межкультурной передаче речи ребенка в художественном тексте

Возвращаясь к насущному вопросу эквивалентности и адекватности, следует отметить, что, конечно, в отдельных случаях мы можем найти эквивалентные соответствия и на уровне лексем, и на уровне словосочетаний и т. д. (если говорить об уровне модели); можно обнаружить примеры и для иллюстрации уровней эквивалентности по В. Н. Комиссарову.

(III) “*‘But I didn’t order a pizza!’ I said, cracking up so hard I thought my neck would burst open.*” (p. 51) — «*А пиццу я не заказывал!*» — сказал я, расколовшись так, что у меня чуть шея от смеха не треснула. (с. 131)².

В целом наблюдения показывают, что переводчик чаще руководствуется цельным созданием образа и делает выбор в пользу адекватности всего перевода. Он подчиняет свой выбор, во-первых, основной функции — создание образа персонажа, а во-вторых, делает это системно. Так, например, на лексическом уровне это проявляется в сохранении преемственности избранного приема на протяжении всего текста. Использование игры слов персонажем-ребенком заключается в предоставлении автором читателю способности мальчика к словотворчеству, а также созданию комического эффекта:

(IV) “*Do you know ‘shit’? ‘That’s a curse, isn’t it?’ ‘Not if you say ‘shiitake’ (1).*” (p. 10) — «*Вы знаете “какашка”?* — *А это разве не ругательство?* — *Нет, если сказать задом наперед — “акшакак”*» (с. 19).

В данном примере в речи Оскара используется лексика сниженного регистра и каламбур основан на том факте, что слово “shiitake”, которое означает вид гриба «шиитакэ», созвучно английскому ругательству “Shit!”. В данном случае, поскольку подобное замещение сниженной лексики используется в речи ребенка по всему тексту, а далеко не для каждого слова можно найти фонетическое созвучие, переводчик, для сохранения цельности образа и согласуясь с принципом системности (возможно, неосознанно, но от этого не менее эффективно), использует прием, при котором переставляет буквы слева направо, что может быть расценено как игровая функция в речи ребенка, или криптолалическая функция.

Рамками создания образа, поскольку повтор — одна из характеристик речи ребенка, объясняется и выбор не совсем эквивалентного перевода в примере ниже (2):

(V) “*I desperately wish I had my tambourine with me now, because even after everything I’m still wearing heavy boots (1), and sometimes it helps to play a good beat (2).*” (p. 3) — «*Как же мне сейчас не хватает моего тамбурина, потому что даже после всего у меня на сердце остались гири, а на нем сыграешь — и гири кажутся легче*» (с. 15).

Замена метафорического образа (1) может объясняться разницей в лингвокультурах и применением стратегии доместикации (на сердце камень — на сердце гири (как игра образов у ребенка)).

В следующем примере мы снова наблюдаем нарушение эквивалентности:

(VI) “*Dad used to say that sometimes you have to put your fears in order, and that was one of those times.*” (p. 41) — «*Папа говорил, что иногда приходится выбирать, что тебя напрягает меньше, и это был один из таких разов*» (с. 114).

² Здесь и далее русский текст цитируется по изданию: Фоер Д. С. Жутко громко и запрательно близко. М. : ЭКСМО, 2021. 512 с.

Переводчик выбирает более сниженный вариант (напрягать), чем в оригинале, и некорректное формообразование (разов), что, с одной стороны, не является эквивалентным лингвистически, но с другой стороны, абсолютно оправданно, поскольку следует системе художественного образа и, тем самым, соответствует прагматической функции всего текста, а значит, может считаться адекватным.

Даже в примере, где есть эквивалентность (III), она не противоречит созданию адекватности: образ не является узнаваемым для носителя английского языка, он необычен, и его эквивалентный перенос в текст перевода подчеркивает нестандартность мышления мальчика. Именно поэтому французский язык в большинстве случаев сохраняется (как характеристика любви ребенка к этому языку). Отдельно отметим, что в рамках художественного текста эквивалентность даже на уровне цели коммуникации (по В. Н. Комиссарову) может оказаться недостаточной для достижения адекватности, поскольку, например, в случае реплик персонажа будет приниматься во внимание цель в конкретном диалоге (например, эмоциональная нагрузка), при этом общая система образа может остаться незамеченной.

Выводы

На материале данного романа и его перевода мы смогли наблюдать, что достижение эквивалентности не является основополагающим моментом при работе с речевой характеристикой персонажа, и поэтому, на наш взгляд, категория эквивалентности не может быть ключевой (только сопутствующей) при описании системы соотношения текст оригинала / текст перевода в ситуации художественного произведения. Переводчик, как видно из материала, руководствуется системой, дополненной рядом иных, внелингвистических характеристик, и ставит во главу угла адекватность перевода в целом (сохранение образа персонажа). Все это позволяет прийти к умозаключению, что для художественного перевода требуется существенно дополнить традиционную для лингвистической парадигмы систему оценивания соответствия текста оригинала и перевода.

Список источников

1. Абаева Е. С. Юмор как речевая характеристика персонажа в художественном тексте: проблемы перевода // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». — 2021. — № 4. — С. 49–57. — DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-49-57. — URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46640525_57317788.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — 3-е изд. — М. : Валент, 2016. — 408 с.
3. Латышев Л. К., Северова Н. Ю. Технология перевода : учеб. и практикум для акад. бакалавриата. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2016. — 263 с.
4. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. — М. : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2006. — 463 с.
5. Омеличкина С. В. Проблема трансляции детских речевых искажений в художественном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2-2 (54). — С. 122–126.
6. Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. — 3-е изд. — М. : Просвещение, 1982. — 159 с.
7. Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода (Коммуникативно-функциональный подход) : учеб. для студентов. — 2-е изд. — М. : Изд-во ВКН, 2019. — 512 с.
8. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие. — 5-е изд. — М. : «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. — 416 с.
9. Фоер Д. С. Жутко громко и запредельно близко: книга для чтения на английском языке. — СПб. : КАРО, 2020. — 416 с.
10. Фоер Д. С. Жутко громко и запредельно близко. — М. : ЭКСМО, 2021. — 512 с.
11. Abaeva E. S., Kanunnikova A. S. A child character's violation of communication rules: original text and translation // Russian linguistic Bulletin. — 2022. — No. 1 (29). — Pp. 117–121. — DOI 10.18454/RULB.2022.29.1.30.
12. Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. — Leipzig, 1980. — 285 p.
13. Nida E. A., Taber C. The Theory and Practice of Translation. — Leiden : Brill, 1969. — 220 p.

References

1. Abaeva E. S. Humour as a speech characteristic of a character: problems of translation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University.

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 71–78.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):71–78.

Научная статья
УДК 811.111-26
DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.009

Онтологическая метафора в оригинале и переводе художественного текста

Лариса Николаевна Лунькова

Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия
loralu@list.ru

Аннотация. Статья представляет собой опыт исследования когнитивной метафоры в сопоставительном аспекте. Методологической базой выбрана теория Дж. Лакоффа о структурировании действительности посредством метафоры, материалом сопоставительного анализа стали тексты оригинала и перевода романа современного английского писателя Дж. Барнса «Как это было». В работе выдвигается гипотеза об универсальности ряда онтологических метафор, а также симметричности последних в рамках двух сопоставляемых языков.

Ключевые слова: когнитивная метафора, онтологическая метафора, оригинал, перевод.

Для цитирования: Лунькова Л. Н. Онтологическая метафора в оригинале и переводе художественного текста // *Иностранные языки в высшей школе*. 2022. № 2 (61). С. 71–78. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.009.

Original article

Ontological Metaphor in the Original and Translation of a Literary Text

Larisa N. Lunkova

State University of Social Studies and Humanities, Kolomna, Russia
loralu@list.ru

Abstract. The article is a piece of research devoted to the study of the cognitive metaphor in compared languages. Methodologically it is based on Lakoff's fundamental theory of structuring the objective world through metaphors. The study is held comparing the original and the Russian translation of J. Barnes' novel "Talking it over". The research goes that there are universal metaphors among ontological, and in particular the latter can be identical in the compared linguacultures.

Keywords: cognitive metaphor, ontological metaphor, original, translation.

For citation: Lunkova L. N. Ontological Metaphor in the Original and Translation of a Literary Text. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61): 71–78. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.009.

Введение

Стремительное развитие когнитивного направления в лингвистике к концу XX века обозначило новое измерение многих привычных лингвистических понятий и категорий. Одним из них становится метафора, которая в новой системе исследовательских координат приобретает новые характеристики и новое понимание. Фундаментальная работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» разделила осмысление этого феномена на «до» и «после». Так, в лингвистике появилось новое измерение метафоры — когнитивное, в рамках которого она предстала в виде двух базовых классов — ориентационных и онтологических метафор. Ориентационные метафоры структурируют понятийные области в соответствии с базовыми (неметафорическими) линейными ориентациями в пространстве, основанными на нашем моторном опыте, и придают

понятиям пространственную ориентацию типа «верх — низ», «внутри — снаружи», «центральный — периферийный» и т. д. Так, например, любой прогресс и любое улучшение ситуации воспринимаются как движение вверх, поскольку человек всегда растет вверх, как и все живое, в то время как упадок и разрушение происходит по направлению вниз. Подобные метафорические ориентации отнюдь не произвольны, они опираются на наш физический и культурный опыт. Ориентационные метафоры способны варьировать от культуры к культуре, поскольку, например, в одних культурах будущее находится впереди нас, а в других — позади. Особенности представления мира в наших когнитивных типологиях могут быть проиллюстрированы именно ориентационными метафорами, которые пропитывают язык. По Дж. Лакоффу, использование ориентационных метафор в письменной или устной речи отнюдь не случайно, поскольку они коренятся в физическом и культурном опыте индивида или нации.

При исследовании художественного дискурса мы неизбежно прибегаем к методу концептуального анализа, который позволяет установить, что метафора относится к уровню мышления и деятельности. Дж. Лакофф и М. Джонсон справедливо утверждают, что «наша обыденная концептуальная система, в терминах которой мы одновременно думаем и действуем, фундаментально метафорична по своей природе» [Лакофф, Джонсон, 1990, С. 398]. Таким образом, человеческий опыт выступает основой (прототипической ситуацией) для формирования опытных гештальтов, эмергентных¹ концептов, субкатегоризации и метафорических концептов и моделей [Плисецкая, 2019]. Ориентационные метафоры формируются на основе данных человеческого опыта по пространственной ориентации. По аналогии с ними онтологические метафоры также базируются на данных индивидуального человеческого опыта, связанных с физическими объектами, в частности с человеческим телом. И тогда онтологические метафоры — это не что иное, как способы трактовки событий, действий, эмоций и т. д. Собственно носители конкретного языка в большинстве случаев не замечают наличие онтологических метафор. Это можно объяснить тем, что такие метафоры, как и ориентационные, имеют крайне узкую сферу использования — как способ обозначения явлений, их количественных характеристик и пр.

Общенаучная концепция онтологической метафоры

Онтологические метафоры корнями уходят в философскую теорию метафоры и представляют собой принцип построения реальной действительности, на котором основывается возможность метафорического уподобления вещей. Современные исследователи (М. Блэк, М. Джонсон, Дж. Лакофф, П. Рикер, А. Ричардс, Г. Н. Складневская и др.) доказали, что метафора способна обуславливать определенную категоризацию какой-либо предметной области, а также образ мира в целом. Это означает, что наш индивидуальный опыт восприятия действительности составляет основу для осмысления понятий, выходящую за пределы простой ориентации, а «осмысление нашего опыта в терминах объектов и веществ позволяет нам вычленять некоторые части нашего опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа» [Лакофф, Джонсон, 1990, С. 387–416]. Онтологическое понимание метафоры связано с глубинными структурами реальности и с потенциальными возможностями нашего бытия, с фактом самого присутствия человека в бытии. Онтологические метафоры охватывают все области действительности, поэтому появляются такие метафорические переносы, как предмет — предмет, предмет — человек, предмет — физический мир, предмет — психический мир, предмет — абстракция, животное — человек, человек — человек, физический мир — психический мир и др. [Складневская, 1993, С. 88–103].

Метафора — это выражение в языке способности человека к постижению глубинной тождественности различного, разнородного, а онтологической основой метафоры является изначальная сопряженность человека и мира, первичное единство вещей [Философская теория метафоры ...]. Подобно тому, как данные человеческого опыта по пространственной ориентации

¹ Эмергентность объясняет природу нового, возникающего в результате взаимодействия двух концептов значения. Образное значение вообще и метафорическое в частности рассматривается как явление эмергентного типа, то есть как явление нового уровня, не выводимое в полном объеме из свойств низших уровней и не сводимое к сумме их компонентов [см.: Солодилова, 2014, с. 38].

порождают ориентационные метафоры, данные нашего опыта, связанные с физическими объектами (в особенности с нашим собственным телом), составляют основу для огромного разнообразия онтологических метафор, поскольку практически бесконечен спектр взаимодействия человека с окружающим его миром. В теории концептуальной метафоры принято говорить о двух группах онтологических метафор: 1. метафоры сущности и субстанции; 2. метафоры, связанные с вместилищами (ограниченные пространства, поле зрения; события, действия, занятия и состояния). Основаниями для такого деления служит тот факт, что категоризация действительности выходит за пределы простой ориентации и требует осмысления нашего опыта в терминах объектов и веществ. Онтологические метафоры помогают представить данные нашего опыта в виде предметов или веществ, что позволяет ссылаться на них, классифицировать, выделять основания и определять их количество. Так же, как и ориентационные, онтологические метафоры заметно различаются от культуры к культуре и от языка к языку. Наиболее иллюстративным сопоставление механизмов онтологической метафоры в двух лингвокультурах нам представляется при анализе оригинала и перевода художественного текста.

“Talking it over” vs «Как это было»

Материалом для такого исследования послужили тексты оригинала и перевода романа известного британского автора Джулиана Барнса «Как это было». В тексте оригинала были идентифицированы метафоры, принадлежащие к обеим группам. Более многочисленная — первая, она включает в себя метафоры сущности. Репрезентантом категории выступают метафоры с лексемой *life/жизнь*: “So it’s common sense not to let him into every area of your *life*”. — «Так что во все обстоятельства своей *жизни* его посвящать не стоит». Здесь понятие *жизнь* рассматривается как некая абстрактная сущность, для описания которой требуется обращение к опыту взаимодействия с материальными объектами. Онтологическая метафора *жизнь* — *это сущность* задает разнообразные параметры осмысления феномена, поскольку концепт *жизнь* многопланов, что подтверждается многочисленными репрезентациями:

“— I wasn’t, as I say, though I don’t delude myself that this area of my *life* which I kept hidden from Oliver was the story of one triumph after another” [Barnes, 1991, p. 47]. — «Не был, как я уже сказал, хотя не обманываю себя, *эта сфера*, куда я не допускал Оливера, вовсе не состояла у меня из одних триумфов» [Барнс, 2004, с. 22].

“— I think that *in life* you have to discover what you’re good at, recognise what you can’t do, decide what you want, aim for it, and try not to regret things afterwards” [Barnes, 1991, p. 50]. — «Я считаю, *в жизни* надо выяснить, к чему у тебя способности, а что тебе не по зубам, решить, чего хочешь, и стремиться к этому, но только потом не раскаиваться» [Барнс, 2004, с. 25].

“— I slipped from my own chair without a word, kicked away *the detritus of my previous life* which was posing as champagne foil” [Barnes, 1991, p. 50]. — «Я тоже соскользнул со стула, ни слова не сказав, расшвырял ногами *обрывки прежней жизни*, прикинувшиеся фольгой от шампанского» [Барнс, 2004, с. 25].

Анализ онтологической модели *жизнь* — *это сущность* в сопоставительном аспекте позволяет предположить, что английская и русская коммуникативные культуры обладают общей когнитивной базой, что проявляется в виде абсолютных переводных эквивалентов (*in life / в жизни: the detritus of my previous life / обрывки прошлой жизни*). Таким образом, онтологическую метафору *жизнь* — *это сущность* можно назвать в рамках изучаемых текстов универсальной или изоморфной.

Не менее репрезентативной оказалась онтологическая модель *семья (член/члены семьи)* — *это сущность*, которая систематизирует абстрактные сущности на уровне структуры и свойств понятийного поля *семья*. На ментальном уровне при восприятии *семьи* как определенной абстрактной категории формируется конкретный зрительный образ. Контуры являются первичным параметром, получающим видимый образ, для описания которого привлекаются семантические классы *размер* и *форма*:

“— I haven’t suddenly become incredibly witty and good-looking — you’d have noticed, wouldn’t you? — or a high-flier with a huge family that takes Gillian into *its bosom*. Do those families exist?” [Barnes, 1991, p. 37]. — «Я не сделался в одночасье невероятным остряком и красавцем — вы бы заметили, правда? — или выдающейся личностью в окружении *многолюдной семьи*, которая примет Джилиан в свой круг. Интересно, существуют ли на самом деле такие *семьи*?» [Барнс, 2004, с. 12].

Метафорические репрезентации концепта *размер* представлены в англоязычном оригинале *прилагательным huge*, а в русском аналоге онтологическая сущность метафоры представлена концептом *количество*. Очевидно, что при восприятии онтологической метафоры в англоязычной коммуникативной культуре органы зрения человека фиксируют такую характеристику заданного объекта, как размер, что на уровне языка проявляется через лексические единицы, входящие в соответствующее семантическое поле (*huge*), в то время как в русском языке имеет место характеристика *количество (многолюдный)*.

Метафоры поля *семья* могут выступать и алломорфной (специфичной) онтологической моделью.

“— Everyone I know seems to have a small, broken family: sometimes broken up by death, sometimes by divorce, usually just by disagreement or boredom. And no-one I know has any sense of the family.” [Barnes, 1991, p. 31]. — «Кого ни возьми из моих знакомых, у всех *родительские семьи небольшие и неполные*, причина — иногда смерть, иногда развод, а чаще просто несогласие и скука. И ни у кого из тех, кого я знаю, нет *чувства семьи*» [Барнс, 2004, с. 7]. В этом примере на эмоциональные качества происходит метафорический перенос свойств, характерных для легко ломающихся предметов объективной реальности, поскольку именно «осмысление нашего опыта в терминах объектов и веществ позволяет нам вычленять некоторые части нашего опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 410].

Так как цели использования онтологических метафор всегда очень разнообразны, то в анализируемых текстах можно выделить несколько соответствующих укрупненных типов, через которые и отражаются эти цели.

1. Количественные характеристики:

“— Stuart isn’t much use, to be honest, not because he doesn’t enjoy shopping, but because he likes everything I try on...” [Barnes, 1991, p. 48]. — «От Стюарта, по правде сказать, *проку мало*. Не потому, что он не любит делать покупки, вовсе нет, но что бы я ни примерила, ему все нравится» [Барнс, 2004, с. 23].

“— If I came out of the changing-room with a bin-liner round my waist and a lampshade on my head he’d say that they suited me. Which is sweet and touching, as you can imagine, but *not really much practical help*.” [Barnes, 1991, p. 48]. — «Даже если бы я вышла из примерочной в мешке для мусора и с абажуром на голове, он скажет, что это мне идет. Очень, конечно, мило и трогательно, *но пользы для дела никакой*» [Барнс, 2004, с. 23].

“— We sat in one of those lounges that are part of a huge bar area and the windows were misted up with condensation; when you rubbed them you still couldn’t see *much* because of all the rain dripping down outside.” [Barnes, 1991, p. 48]. — «Мы сидели в отгороженном углу большого общего салона. Окна запотели. Если их протереть, все равно *ничего* не увидишь из-за дождя» [Барнс, 2004, с. 23].

2. Качественные характеристики:

“— I’m *not being fanciful*.” [Barnes, 1991, p. 37] — «Я *не фантазирую* на этот раз» [Барнс, 2004, с. 12].

“— It was a *happy discussion* and then an *easy decision*.” [Barnes, 1991, p. 37]. — «Это было *уютное обсуждение* и *легко достигнутое согласие*» [Барнс, 2004, с. 12].

“— If you propose a *change of plan* to most men they take it — even if not consciously, and that’s often worse — as some sort of insult or criticism. *They can’t bear you to have different ideas* about relatively unimportant things.” [Barnes, 1991, p. 37]. — «Большинство мужчин, если им предложишь *отступить от заранее намеченного плана*, воспринимают это, пусть и не осознанно — это иногда даже хуже, — как оскорбление, как покушение на их достоинство. *Они не могут спокойно допустить, что ты думаешь иначе*, чем они, даже о чем-то совсем незначительном» [Барнс, 2004, с. 12].

3. Постановка целей и мотивировка действий:

“— *I got them home safely. That was all I wanted.*” [Barnes, 1991, p. 38]. — «Я благополучно доставил их домой. Это все, что мне было нужно» [Барнс, 2004, с. 13].

“— *I waited for Stuart to come back. We had to escape without being spotted. I felt as if our happiness depended upon it.*” [Barnes, 1991, p. 38]. — «Я ждала, чтобы Стюарт скорее вернулся. Надо было сойти на берег, и он чтобы нас не заметил. Мне казалось, от этого зависит наше счастье» [Барнс, 2004, с. 13].

Таким образом, в результате осмысления своего собственного опыта человек способен вычленять некоторые его элементы и интерпретировать их как дискретные сущности или вещества того или иного типа. Благодаря этому мы можем ссылаться на них, классифицировать, определять их примерное количество и рассуждать о них. Согласно теории концептуальной метафоры, онтологические метафоры базируются на проецировании свойств предметов окружающей действительности на абстрактные сущности.

Отдельное место в классификации онтологических метафор принадлежит метафорам, связанным с вместилищами. И Дж. Лакофф заметил, что «мы представляем собой физические существа, ограниченные в определенном пространстве и отделенные от остального мира поверхностью нашей кожи; воспринимаем остальной мир как находящийся вне нас» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 392]. И тогда фактически каждый из нас — это вместилище, ограниченное поверхностью тела и наделенное способностью ориентации типа *внутри* — *вне*. Эта пространственная ориентация может быть перенесена на физические объекты, ограниченные поверхностями, которые в свою очередь также рассматриваются как отдельные вместилища, обладающие внутренним пространством и отделенные от внешнего мира. Например:

“— *We've got to try and help Oliver in some way. It's our duty. He'd do the same for us if we were in trouble.*” [Barnes, 1991, p. 37]. — «Надо как-то помочь Оливеру. Это наш долг. Он бы сделал для нас то же самое, *окажись мы в беде*» [Барнс, 2004, с. 12].

“— *He's got no job. He's got no confidence* — and Oliver, even from the earliest days, was always someone who *had confidence.*” [Barnes, 1991, p. 37]. — «У него нет работы. И *нет уверенности в себе* — а ведь Оливер с самых ранних лет всегда *был в себе уверен*» [Барнс, 2004, с. 12].

Говоря о языковом выражении идеи вместилища, отметим, что существуют определенные маркеры, уже задающие контейнерную ориентацию. В представленных примерах из текста оригинала индикатором вместилища является предлог *in*, который по своей семантике указывает на положение внутри чего-то и в русском языке перевода используется перед существительным в предложном падеже. Симметрия, выраженная языковыми средствами двух языков, проецируется в данном случае на выражение онтологической метафоры как образа в двух текстах. Очевидно, что метафора вместилища, воплощающая несколько аспектов пространственного восприятия, позволяет высвечивать различные стороны контейнера в процессе метафорического моделирования. Человек, воспринимая себя как вместилище, распространяет подобную ориентацию на предметы, явления природы и абстрактные сущности, что приводит к широкому кругу метафорических следствий при наделении структуры-цели признаками вместилища как структуры-источника.

Дж. Лакофф справедливо утверждает, что одного взгляда на нефизический объект как на сущность или субстанцию недостаточно для того, чтобы получить полное представление о его природе. Поэтому онтологические метафоры могут быть еще более усложнены и углублены. Так, онтологические метафоры модели *the mind is an entity* — *психика* — *это сущность* позволяют нам говорить о психологической устойчивости и силе духа индивида. Например:

“— *I hit a bad time after that Business. I didn't Go to Pieces. I didn't Have a Breakdown. I'm not the sort of person for things like that.*” [Barnes, 1991, p. 96]. — «Я пережил тяжелое время после этой истории. *Не расклеился и не сломался*, потому что я не из той породы» [Барнс, 2004, с. 71].

“— *It would be just like him to salve the fractured heart with chemical.*” [Barnes, 1991, p. 50]. — «Как раз в его духе — лечить химией *разбитое сердце*» [Барнс, 2004, с. 25].

“— *Rather I was a simple, a frangible petitioner, assisted only by the goddess Flora.*” [Barnes, 1991, p. 49]. — «Я ведь на самом деле был скромный, *хрупкий проситель*, покровительствуемый лишь богиней Флорой» [Барнс, 2004, с. 24].

“— My clownish mask no longer cloaks a *breaking heart*, so away with it.” [Barnes, 1991, p. 61]. — «Шутовская маска для сокрытия *разбитого сердца* мне больше не надобна — долой ее» [Барнс, 2004, с. 37].

Все метафоры из группы *психика — хрупкий предмет* объединены идеей психологической неустойчивости и характеризуют в данном случае главного героя как неуверенного в себе, несостоявшегося в жизни человека. Характеристика персонажа, данная в тексте оригинала с помощью определенных онтологических метафор, количественно и качественно практически полностью передается в тексте перевода на русский язык. Это позволяет русскоязычному читателю максимально эффективно декодировать стартовый замысел англоязычного автора.

В исследуемом тексте предложен еще один вариант онтологической метафоры, связанный с эмоциональным миром героев романа: *психика — это машина*.

“— The *wheels are coming off*, if you ask me. We’ve got to try and help him.” [Barnes, 1991, p. 37]. — «У него действительно *все четыре колеса отвалились*, уж поверьте мне. Мы должны постараться ему помочь» [Барнс, 2004, с. 12].

“— Oh dear, the *wheels really do seem to be coming off* Ollie at the moment.” [Barnes, 1991, p. 109]. — «Бедняга Олли, из-под него действительно *все четыре колеса отвалились*» [Барнс, 2004, с. 84].

“— But this time he does seem to have hit rock bottom. The *wheels really have come off*.” [Barnes, 1991, p. 37]. — «Но на этот раз он действительно ухнул в яму. Из-под него *отвалились все четыре колеса*» [Барнс, 2004, с. 12].

Метафора *психика — это машина* относится к ментальному аспекту психической жизни, и отсюда вытекает особенная концепция интеллекта: «он может находиться в рабочем или выключенном состоянии, он обладает определенным уровнем оперативности..., производительности, внутренним устройством, источником энергии» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387].

Образно воспроизводя различные модели человеческой психики, все перечисленные метафоры позволяют сконцентрироваться на разных сторонах ментального опыта персонажей.

Однако онтологические метафоры *психика — это хрупкий предмет* и *психика — это машина* «не относятся к разным аспектам духовного опыта индивида. Когда машина выходит из строя, то она просто перестает работать. Когда разбивается хрупкий предмет, его куски разлетаются в разные стороны и могут ранить окружающих» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387].

Наше мышление, как подчеркивают авторы, даже не замечает метафоричности подобных выражений, настолько естественно они звучат. Носители языка воспринимают подобные онтологические метафоры как почти прямую регистрацию явлений внутреннего мира, как нечто самоочевидное. Мы воспринимаем такие высказывания как непосредственно истинные или ложные. Причины такой естественности заключаются в том, что метафоры типа *психика — это хрупкий предмет* и *психика — это машина* составляют неотъемлемую часть модели мира, присущей универсальной человеческой культуре вообще. Именно в терминах этой модели мыслят и действуют большинство носителей современной цивилизации. Именно поэтому при анализе текста оригинала и текста перевода выявлена симметричная подача характеристик персонажей через онтологические метафоры универсального характера, не зависящие от структуры или типа языка, а также от генетических взаимоотношений двух сопоставляемых лингвосистем.

Заключение

Приведенные выше анализируемые единицы текста оригинала представляют собой, с одной стороны, языковые элементы, принадлежащие конкретной знаковой системе и актуализирующие конкретную лингвокультуру. С другой, — это смысловые ядра и смысловые звенья определенного художественного текста, актуализирующие определенные авторские интенции. И текст перевода тем адекватнее, чем полнее отражены обе характеристики оригинала. Количественная и качественная сопоставимость онтологических метафор в тексте англоязычного оригинала и тексте русскоязычного перевода романа Д. Барнса «Как все было» позволяет говорить о принципиально схожем структурировании мира в рамках европейской культуры в целом и двух сопоставляемых лингвокультур в частности.

РАЗДЕЛ IV

Синтаксис в свете комбинаторной семантики

Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 79–84.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2022;2(61):79–84.

Научная статья
УДК 004.822:514
DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.010

К вопросу об инвариативности синтаксического анализа предложений

Марина Игоревна Святошик

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
svyatoshchikm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается синтаксический разбор предложения, который соответствует семантической разметке события. Используя методы комбинаторной семантики, воссоздавая пропущенные члены предложения на основе модели мира и языковой картины мира, уточняя фразы в строгом соответствии с требованиями рекурсивной реконструкции, мы восстанавливаем структуру события и осуществляем синтаксический разбор предложения по членам и семантический разбор события по ролям участвующих в нем индивидов с опорой на ролевую лист Теории автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ-2).

Ключевые слова: предложение, синтаксический анализ, роли индивидов, комбинаторная семантика, событие, ТАПАЗ-2, структура, рекурсивная реконструкция.

Для цитирования: Святошик М. И. К вопросу об инвариативности синтаксического анализа предложения // Иностранные языки в высшей школе. 2022. № 2 (61). С. 79–84. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.010.

Original article

On the Invariability of Sentence Parsing

Marina I. Svyatoshchik

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
svyatoshchikm@mail.ru

Abstract. The article deals with the syntactic analysis of the sentence, which corresponds to the semantic markup of the event. Using the methods of combinatory semantics, recreating the missing parts of the sentence based on the World model and the linguistic world image, refining phrases in strict accordance with the requirements of recursive reconstruction, we restore the structure of the event and perform syntactic analysis of the sentence by parts and semantic analysis of the event by the roles of the individuals participating in it, based on the role list of individuals according to the Theory for Automatic Generation of Knowledge Architecture (TAPAZ-2).

Keywords: sentence, syntactic analysis, role list of individs, combinatory semantics, event, TAPAZ-2, structure, recursive reconstruction.

For citation: Svyatoshchik M. I. On the invariability of sentence parsing. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022; 2(61): 79–84. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.010.

Введение

Человек как языковая личность в течение своей жизни принимает участие в неограниченном количестве актов коммуникации. Для того чтобы эти акты прошли успешно, говорящий или

пишущий выбирает наиболее подходящие с его точки зрения коммуникативные стратегии и модели речевого поведения, позволяющие использовать необходимый набор речевых средств и приемов.

Цель работы состоит в уточнении смысла предложения на основе рекурсивной реконструкции и его синтаксическом разборе, который бы соответствовал семантической разметке события. Термины *предложение*, *высказывание* и *фраза* рассматриваются как синонимы. «Семантика — раздел языкознания, изучающий отношение языка к модели мира» [Гордей, 2006, с. 10]. Синтаксический анализ — выделение членов предложения как стандартных ролей знаков определенной языковой категории. Язык — «система фигур и знаков для декодирования модели мира (скрытого знания) и сознательного управления интеллектуальной деятельностью, протекающей, главным образом, на подсознательном уровне», речь же — «соединение языка с материальным носителем (звуковой или световой волной) для хранения, обработки и передачи открытого (то есть декодированного языком — М. С.) знания» [Там же]. В концепции В. А. Курдюмова текст понимается как «бесконечное воспроизводство или динамическая совокупность предикационных цепей» [Курдюмов, 1999, с. 121].

Основная часть

Экономя время и мускульную энергию (известный принцип экономии Андре Мартине [Мартине, 1960]), говорящий стремится свернуть семантическую структуру высказывания, что может вызывать у слушающего сложности с восприятием смысла сообщения. В изучении «баланса противоположных коммуникативных стратегий говорящего и слушающего» [Гордей, 2018, с. 26] нами были использованы специализированные монографии, статьи в периодических изданиях Республики Беларусь и Российской Федерации, и, прежде всего, работы по комбинаторной семантике А. Н. Гордея [см.: ТАПА3-2], а также исследования В. В. Мартынова в области семиологических оснований информатики [Мартынов, 1982] и др. «Под комбинаторной семантикой понимается отображение языком динамики ролей индивидов в событии» [Гордей, 2005, с. 226]. В ее основу положены идеи З. Харриса о семантическом ядре предложения, или ядерной семантической цепочке [Харрис, 1964, с. 70]. В. В. Мартынов и А. Н. Гордей, ссылаясь на работу З. Харриса “String analysis of sentence structure” [Харрис, 1964], отмечают неполноту двухчленной (подлежащее + сказуемое) структуры предложения, из чего следует, что минимальная ядерная цепочка должна включать в себя три структурных компонента: S — А — О (субъект — акция — объект) [Мартынов, 1982, с. 43].

В настоящее время Теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПА3-2) располагает полным набором алгебраически исчисленных ролей индивидов. В декодировании некоторых алгебраических формул и представления их значений в терминосистемах английского и русского языков мы оказали посильное содействие.

Ролевой лист ТАПА3-2 составляет следующий кортеж: «*субъект* (инициатор → вдохновитель → распространитель → вершитель) → *инструмент* (активатор → суппрессор → усилитель → преобразователь) → *медиатор* (ориентир → локус → транспортер → адаптер → акцептор → запас → сепаратор → материал → макет → фиксатор → ресурс → стимул → регулятор → хронотоп → источник → индикатор) → *объект* (покрытие → корпус → прослойка → сердцевина) → *продукт* (заготовка → полуфабрикат → прототип → изделие)» [Гордей, 2021, с. 10]. С определениями ролей индивидов можно более подробно ознакомиться в работе А. Н. Гордея «Семантическая разметка события и ее отражение средствами китайского и русского языков» [Гордей, 2021, с. 15–16].

Обратим внимание, что З. Харрис заложил основания исследования семантики не только комбинаторным методом, но и статистическим, касающимся прежде всего совместной встречаемости морфем [Харрис, 1964]. Вопросы приведения синтаксической структуры предложения к нормальному виду через ряд последовательных трансформаций обсуждались З. Харрисом с Н. Хомским, считавшим, что грамматика должна содержать «ряд правил, с помощью которых можно воссоздать структуру непосредственно составляющих, и ряд морфофонемных правил, обращающих цепочки морфем в цепочки фонем» [Хомский, 1962, с. 519]. Трансформационные правила считаются связывающим звеном, позволяющим осуществить переход от непосредственно составляющих синтаксических единиц к морфофонемным комбинациям внутри лексических единиц [Там же, с. 520]. Н. Хомский указывал, что для понимания смысла предложения нужно «восстановить его изображение на каждом из уровней, в том числе и на трансформационном, где предложения-ядра,

лежащие в основе предоставленного предложения, могут оцениваться в некотором смысле в качестве «примитивных составляющих содержания», из которых выстроено предложение» [Там же]. Тем самым выявляется глубинный синтаксический каркас, в некоторых случаях уже пригодный и для семантического анализа. Однако, как показывают исследования, проводимые Минской семантической школой [Гордей, 2011], невозможно восстановить всю семантическую структуру только с помощью трансформационного метода. После него практически всегда приходится применять принятый в комбинаторной семантике метод рекурсивной реконструкции.

Используя методы трансформационной грамматики, восстанавливая пропущенные члены предложения с опорой на модель мира и языковую картину мира, мы уточняем фразы в строгом соответствии с требованиями очередности, наглядности и простоты [Гордей, 2011, с. 33], например, в предложении «Дом строится» дом — подлежащее, строится — сказуемое. С помощью алгоритма ролей индивидов (ролевого листа ТАПАЗ) [Гордей, 2018, с. 54], где разграничиваются физические и информационные процессы, поскольку на предельно абстрактном семантическом уровне физический процесс рассматривается как воздействие одного индивида на другого посредством своей оболочки, а информационный — как воздействие одного индивида на другого посредством своей среды [Гордей, 1995, с. 44], а также, благодаря поддержке модели мира и языковой картины мира, можно восстановить пропущенные члены предложения. Высказывание при этом принимает следующий вид: «Строители строят дом», где строители — реконструированное подлежащее, отображающее живых индивидов в роли субъекта (S), строят — сказуемое, отображающее акцию (A), дом — прямое дополнение, отображающее объект (O).

Рассмотрим еще один пример: «Ситуация разрушает страну». Опишем некоторые процедуры анализа этого предложения в технологии комбинаторной семантики: Ситуация — подлежащее, разрушает — сказуемое, страну — прямое дополнение. С опорой на модель мира восстанавливаем структуру события и реконструируем пропущенные члены предложения: «[Кто-то] создал ситуацию, которая разрушает страну», отсюда следует, что тот, кто создал ситуацию, разрушает страну; субъект (S) vs подлежащее — [кто-то], акция (A) vs сказуемое — разрушает, прямое дополнение vs объект (O) — страну.

При синтаксическом анализе выполняется переход от лексически размеченного текста к его синтаксической структуре на основании описанных в соответствующей предметной области правил.

Переход может осуществляться в два этапа:

- переход от исходного варианта текста к восстановленному;
- переход от восстановленного текста к семантике.

Восстановление текста происходит через реконструкцию пропущенных членов предложения с опорой на модель мира или языковую картину мира и затем нормализацию его синтаксической структуры путем переписывания членов предложения.

В ходе работы также были сформулированы следующие правила перехода частей речи в части языка:

1. Если ёген (то есть часть языка, обозначающая признак индивида, например: «бежать», «коричневый», «смело» [Гордей, 2005, с. 227]) находится в модификаторе, то при свертке модификатор (M) + актуализатор (A) модификатор предшествует.

2. Если в модификаторе — тайген (то есть часть языка, обозначающая индивида, например: «стол», «восемь», «мы» [Гордей, 2005, с. 226]), то при свертке предшествует актуализатор для номинативных единиц A+M, обозначающих тайгены.

3. Все глаголы являются переменными ёгенами.
4. Все прилагательные являются постоянными ёгенами.
5. Все причастия являются постоянными ёгенами.
6. Все деепричастия являются переменными ёгенами.
7. Все собственные постоянные ёгены — притяжательные.
8. Все причастия, деепричастия — ёгены 1-й степени.
9. Все наречия степени — ёгены 3-й степени.

10. Все первые компоненты форм аналитической превосходной степени наречий являются ёгенами 3-й степени.

11. Прилагательные в сравнительной степени — переменные ёгены 2-й степени.
12. При комбинации прилагательного с местоимением «самый» последнее определяется как постоянный ёген 3-й положительной степени.
13. При комбинации прилагательного с наречием меры и степени «очень» последнее определяется как переменный ёген 3-й положительной степени.
14. Все постоянные ёгены 1-й степени одноместные.

По происхождению тайгены и ёгены разделяются на производные от ёгенов или тайгенов (столовая, деревянный) и непроизводные (дерево, белый). Информационными называются производные и непроизводные тайгены и ёгены, обозначающие индивидов или признаки индивидов в информационном фрагменте модели мира (мысль, думать), физическими — в физическом (топор, рубить). Информационные и физические тайгены и ёгены квалифицируются как постоянные или переменные в зависимости от того, обозначают ли они постоянных индивидов (вера, небо) и постоянные признаки индивидов (духовный, небесный) или переменных индивидов (ты, то) и переменные признаки индивидов (мечтать, бежать). Постоянные и переменные тайгены и ёгены подразделяются на качественные (душа, добрый, читать) и количественные (деньги, тройной, вычислять), далее — один признак индивида (шкаф, целый, открыть) и многоместные, то есть обозначающие множество индивидов или множество признаков индивидов (мебель, пестрый, открывать). Общую парадигму частей языка завершает деление многоместных тайгенов и ёгенов на интенсивные (лес, лиственный, давать) и экстенсивные (леса, лиственные, дают) [Гордей, 2003, с. 174].

Более подробно с исходными понятиями и описанием тайгенов и ёгенов, а также с графическим изображением парадигмы, можно ознакомиться в работе А. Н. Гордея «Парадигма частей языка» [Гордей, 2003, с. 174–178].

При объединении правил перехода от исходного варианта текста к восстановленному с правилами перехода к семантике можно получить следующие правила, которые обеспечивают одноэтапный переход:

- прямое дополнение исходного текста отображается в акцию;
- определение исходного текста отображается в объект.

Заключение

Таким образом, принятый в Минской семантической школе метод рекурсивной реконструкции (В. В. Мартынов, А. Н. Гордей, К. В. Карасёва, Н. И. Руденко, К. И. Лещенко и др.) является дальнейшим развитием идей таких ученых, как З. Харрис, Р. Монтегю, Н. Хомский, А. Мартине, Л. Теньер, А. Вежбицка, Тань Аошуан и др.

Данный метод позволяет устранить противоречия, неизбежно возникающие в процессе синтаксического анализа предложений естественного языка, и способствует достижению нужной глубины и полноты синтаксического описания. «О недоступном для наблюдения, — писал Я. Бодуэн де Куртене, — мы не должны утверждать ничего такого, что не опиралось бы на изучение доступного наблюдению» [Бодуэн де Куртене, 1894, с. 45].

Список источников

1. Гордей А. Н. Когнитивный подход к обучению знакам // Компьютерные программы в обучении белорусскому и иностранному языкам : материалы II Респ. конф. / редкол. : А. А. Габис [и др.]. — Мн., 1995. — С. 18–20.
2. Гордей А. Н. Процедуральная семантика и исчисление предметных областей // Язык: семантика, синтактика, прагматика : материалы I Междунар. науч. конф. / ред. : Д. Г. Богушевич [и др.]. — Мн., 1995. — Ч. I. — С. 16–17.
3. Гордей А. Н. Парадигма частей языка // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : материалы VIII Междунар. науч. конф. / отв. ред. : С. А. Емельянова, Л. В. Рычкова, А. В. Никитевич. — Гродно, 2003. — С. 173–179.
4. Гордей А. Н. Лингвистическая пропедевтика // Беларусь в современном мире : материалы IV Респ. науч. конф. : сб. науч. ст. / редкол. : А. В. Шарapo, Е. А. Достанко, В. И. Руденков [и др.]. — Мн. : РИВШ, 2005. — С. 226–229.

- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. *Индекс УДК.* Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.

2. *Название статьи* (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.

3. *Аннотация* (на русском и английском языках) объемом 100–300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.

4. *Ключевые слова* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются (;) точкой с запятой. Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи.* Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. см² площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется отдельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, необходимо в библиографическое описание вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. Библиографическая ссылка оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.2. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.3 Ссылки на Википедию недопустимы.

9. References.

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Ju. D., Petrov P. K. <i>Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte</i> [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи из журналов, сборников научных трудов, материалов конференций)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — Тамбов, 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. <i>Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"</i> [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.

Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Щекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. Ignatovich Yu. (ed.) <i>Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii"</i> [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2016).	Rybakov S. Ju. The problem of spirituality in the context of education. <i>Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya</i> [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2016).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:
e.ustinova@365.rsu.edu.ru; (4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).